

Фонд
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«Университет»

Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности

Серия: «Наука и общество»

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРАДИЦИЯХ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Монография

Под общей редакцией
Виктора Петровича Сальникова,
доктора юридических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
Почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации

**ФОНД
УНИВЕРСИТЕТ**

Санкт-Петербург
2012

Fund
for support of science and education in the area of law enforcement
«UNIVERSITY»

Academy of law, economics and life safety

Series: “Science and Society”

THE IDEA OF JUSTICE IN THE TRADITIONS OF POST-CLASSICAL PHILOSOPHY OF LAW

Monograph

Edited by

Victor Petrovich Sal'nikov,

Doctor of Law, Professor,

Honored Worker of Science of the Russian Federation,

Honorary worker of higher professional education

Russian Federation

**ФОНД
УНИВЕРСИТЕТ**

St. Petersburg
2012

УДК 340.114
ББК 66.024.15
И29

Серия: «Наука и общество»

Автор и руководитель проекта – **Сальников Виктор Петрович**,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

Идея справедливости в традициях постклассической философии права:
Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников,
С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред.
В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с. (Серия: «Наука и
общество»).

ISBN 978-5-4253-0852-2

В монографии анализируются теоретические и методологические подходы к трактовке философско-правовых аспектов понятия справедливости в трудах ведущих современных специалистов: Дж. Ролза, О. Хёффе, Р. Дворкина, Д. Ричардса, и др. Авторы исходят из того, что идея справедливости является неотъемлемым элементом правового мышления, опосредуя отношение права и морали. Показано, что в историко-правовом процессе эта идея трансформировалась по мере перехода в новые дискурсы правовой мысли, связанные с развитием традиции правовой мысли от теории естественного права до философско-правовых моделей немецких классиков и современных авторов.

Рецензенты:

Д.А. Керимов, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии наук (г. Москва);
И.Ф. Покровский, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный
деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской
Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель
науки РФ, Заслуженный работник культуры РСФСР (г. Санкт-Петербург)

УДК 340.114
ББК 66.024.15

ISBN 978-5-4253-0852-2

© Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности, 2012
© Фонд «Университет», 2012
© Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, 2012
© С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева, 2012

УДК 340.114
ББК 66.024.15
И29

Series: «Science and Society»

Author and project manager – **Victor Petrovich Sal’nikov**,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Honorary worker of higher professional education
Russian Federation

The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law: Scientific publication / R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal’nikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Sal’nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva; Under the ed. V.P. Sal’nikov. - St. Petersburg: Fund «University», 2012. - 176 p. (Series: «Science and Society»).

ISBN 978-5-4253-0852-2

The monograph analyzes theoretical and methodological approaches to interpreting the philosophical and legal aspects of the notion of justice in the works of leading modern specialists: J. Rawls, O. Hoeffe, R. Dvorkin, D. Richards, and others. The authors proceed from the assumption that the idea of justice is inalienable Element of legal thinking, mediating the relationship of law and morality. It is shown that in the historical and legal process this idea was transformed with the transition to new discourses of legal thought connected with the development of the tradition of legal thought from the theory of natural law to the philosophical and legal models of German classics and contemporary authors.

Reviewers:

D.A. Kerimov, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

I.F. Pokrovsky, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Culture of the RSFSR (St. Petersburg)

УДК 340.114
ББК 66.024.15
ISBN 978-5-4253-0852-2

© Academy of law, economics and life safety, 2012

© Fund «University», 2012

© R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal’nikov, 2012

© S.I. Zakhartsev, M.V. Sal’nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

Глава I.

Проблема соотношения понятий справедливости и законности в философско-правовом контексте

1. Развитие представлений о справедливости в истории философии права	16
2. Понятие справедливости в интерпретации Дж. Ролза.....	27

Глава 2.

Концепция справедливости Дж. Ролза и нормы права

1. Правление закона и идея справедливости в политико-правовом учении Дж. Ролза.....	62
2. Государство и справедливость: исторические аспекты и современные тенденции в интерпретации Дж. Ролза.....	84

Глава 3.

Регулятивная функция законности и справедливости в гражданском обществе и правовом государстве на рубеже XX – XXI вв.

1. Идеи справедливости и законности в контексте современных течений западной политико-правовой мысли.....	99
2. Единство принципов законности и справедливости в современном гражданском обществе	119

Заключение	139
------------------	-----

Библиография	142
--------------------	-----

CONTENTS

Foreword	7
----------------	---

Chapter I.

The problem of the relationship between the concepts of justice and legality in a philosophical and legal context

1. Development of ideas about justice in the history of the philosophy of law	16
2. The notion of justice in the interpretation of J. Rawls	27

Chapter 2.

The concept of justice of J. Rawls and the rule of law

1. The rule of law and the idea of justice in the politico-legal doctrine of J. Rawls	62
2. State and justice: historical aspects and current trends in the interpretation of J. Rawls	84

Chapter 3.

Regulatory function of legality and justice in civil society and the rule of law at the turn of the 20th – 21st centuries

1. Ideas of justice and legality in the context of modern trends of Western political and legal thought	99
2. The unity of principles of legality and justice in modern civil society	119

Conclusion	139
------------------	-----

Bibliography	142
--------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Все разнообразие факторов, стимулирующих современное развитие правового государства и апелляцию к нему, во-первых, порождает различные формы реального правового государства. Во-вторых, сочетаясь с различными социальными и идеологическими позициями, оно становится источником многообразия подходов к проблеме правового государства и трактовок самого понятия¹.

Резко возросшая к концу XX в. эмансипация личности от государства, сокращение ареала прямого командного воздействия последнего, развитие и усложнение горизонтальных социальных связей и сплетение многообразных гражданских институтов и движений в целостную сеть, в автономную систему активизировали процесс вытеснения «локковской» точки зрения на правового государства «токвилевской». В современной ситуации, по мнению сторонников последней, идентификация гражданского общества с государством (пусть даже и с государством правовым) теряет какой-либо практический политический смысл, ибо эта идентификация лишает понятие гражданского общества собственного самостоятельного содержания, ставя таким способом под сомнение саму потребность в данном понятии. В контексте ведшейся в XVIII в. политической и теоретической борьбы, фронт которой пролегал по линии оптимизации соотношения естественных и социально-политических, гражданских прав, в условиях зачаточного развития внеэкономических гражданских образований этот изъян «локковского» подхода не имел первостепенного значения. В нынешних же обстоятельствах он резко бросается в глаза.

¹ См.: Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7; Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алтейя, 1999. – 256 с.; Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14; Раянов Ф.М. Правовое государство – судьба России. – Уфа, 2007. – 208 с.; Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. – М., 1997; Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 175 с.

Естественно поэтому, что в конце XX в. становится доминирующей в западной общественной науке мысль о том, что гражданское общество есть сфера свободного (экономического и иного) взаимодействия равных граждан, которые делегируют политической сфере задачу обеспечения целостности социума, сфера активности, включающая экономическую, политическую и культурную формы человеческого поведения вне поля действия официальности, или (несколько другими словами) что оно охватывает личную, семейную и деловую жизнь, область экономики, культурную деятельность и политическое взаимодействие, организуемые на основе частных, добровольных соглашений между индивидуальностями и группами вне прямого контроля государства. Ее поддерживают теоретики самых различных идейно-политических ориентации, хотя нередко при конкретизации внутреннего содержания этой сферы они кое в чем и расходятся между собой².

Выдвижение новых концептуальных идей в сфере строительства правового государства и формирования институтов гражданского общества заставляет обратиться к истории правовых учений и к опыту современной юридической науки.

Изучение истории правовых, социально-политических и этических учений дает основание считать, что все наиболее крупные мыслители, начиная от Платона, не просто обращали внимание на проблему соотношения закона и справедливости, морали и права. В понимании сути правовых отношений исходным тезисом выступала идея взаимосвязи морали и права, взаимосвязи законов и добродетели. Справедливость в качестве исторической, моральной, философской, правовой категории может характеризоваться как идеал, принцип общественных отношений, социальная ценность и оценочное нормативное понятие³.

² См.: Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10; Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.; Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.; Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.

³ См.: Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.; Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989; Малейн Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М.,

Сущности юридической справедливости должны соответствовать нормы права. Понятие права становится более широким, когда оно рассматривается в действии, во всех его проявлениях: нормах, правоотношениях, правосознании, субъективных правах и обязанностях. Понятие справедливости тесно связывали с общими определениями права классики европейской и русской философии права.

В области наук о практическом отношении человека к действительности, к которым по традиции принадлежали науки о праве, морали и нравственности, идея справедливости занимала то же место, что идея истины – в сфере наук о теоретическом отношении к действительности, куда классики относили философию и физику. Еще недавно казалось, что вопросы, относящиеся к анализу онтологических, гносеологических и аксиологических основ этико-правовых теоретических умопостроений, имеют чисто академический интерес, а их актуальность связана только с задачами дальнейшего движения историко-правовых исследований. Но, видимо, всякие значительные изменения в обществе вызывают у человека потребность заново осмыслить понятие права в его предельных основаниях. Право лишь тогда сохраняет свой ценностный потенциал, а значит и сохраняет силу воздействия своих норм, когда его значимость и его справедливость не подвергается сомнению⁴. Всякое же изменение социальных

1992; Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная деятельность и правовое государство. Вып. 3. – СПб., 1994. – С. 31-36; Нерсисянц В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10; Древесников А.В. Справедливость как принцип права (историко-теоретический аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – Кострома, 2005.

⁴ См.: Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов: Вища школа, 1985. – 166 с.; Баранов В.М., Сальников В.П. Социалистическое право как ценность: Рецензия на монографию Рабиновича П.М. «Социалистическое право как ценность» (Львов: Вища школа, 1985. – 166 с.) // Вопросы идеологической, массово-политической работы в органах внутренних дел: Сб. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1985. – С. 154-157; Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987; Графский В.Г. Право и социальные ценности в исторической ретроспективе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 1. С. 88; Право как ценность: Материалы дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002; Мамут Л.С. Ценностная природа права и ее проявления // Право как ценность: Материалы дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002. – С. 60-66; Нерсисянц В.С. Ценность права: право как единство равенства, свободы и справедливости // Право как ценность: Материалы дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002. – С. 55-59; Сауляк О.П. К вопросу о ценности правопорядка // Право как ценность: многообразие исторических форм

условий существования и воспроизводства правовых норм требует найти нашему знанию о праве новую, адекватную форму.

Поэтому не случайно то, что на рубеже XX – XXI вв. и в России, и в других государствах, усиливается интерес к философско-правовым вопросам познания глубинных основ права и справедливости, что требует нового прочтения трудов классиков, открывших для нас эти основы. Необходимость разрешения проблем, возникающих в процессе практического взаимодействия политических структур и правовых институтов Евросоюза с его государствами-членами, а также в процессе реализации все более усиливающихся контртенденций евроинтеграции и еврорегионализации побуждает провести новую научную ревизию понятия права. Этот опыт имеет интерес, выходящий за рамки узкорегиональных проблем Европы, поскольку Европа продолжает оставаться наследницей самых значительных традиций политико-правовой мысли прошлого⁵.

Понятия справедливости и правды как синтетического понятия, сочетающего в себе истину и нравственность, составляют краеугольный камень русского мира. Поэтому не случайным является то, что наиболее глубокий анализ проблем отношения права и справедливости мы найдем именно в трудах крупнейших русских правоведов, таких как Н.Н. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, В.Г. Графский, И.А. Ильин, Д.А. Керимов, С.А. Комаров, Н.М. Коркунов, В.Н. Кудрявцев, Г.В. Мальцев, В.С. Нерсисянц, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич, А.И. Экимов и др.

Сегодня анализ исторически сформировавшихся и существующих сегодня на Западе теорий, сочетающих решение вопросов социальной справедливости с принципами правового государства и

и перспективы развития. – Сочи, 2004. – С. 97-101; Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 7-10; Жуков В.Н. Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1.

⁵ См.: Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998; Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31; Берман Дж. Гарольд. Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. яз. (Harold J. Berman. Faith and Order. The Reconciliation of Law and Religion. Scholars Press, Atlanta, 1993). – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 464 с. (печатается по одноименному изданию AdMarginem, 1999).

гражданского общества, представляет немалый научный и практический интерес. Выдвижение новых концептуальных идей в сфере строительства правового государства и формирования институтов гражданского общества заставляет обратиться к истории, опыту прошлого. Многие идеи о праве, нравственности, справедливости и законности, волновавшие античных мыслителей, философов права Нового времени и наших отечественных правоведов, незаслуженно забытые, должны быть восстановлены и рассмотрены нами в их содержательном плане. Изучение истории правовых, социально-политических и этических учений дает основание считать, что все наиболее крупные мыслители, начиная от Платона, не просто обращали внимание на проблему соотношения закона и справедливости, морали и права. В понимании сути правовых отношений исходным тезисом выступала идея взаимосвязи морали и права, взаимосвязи законов и добродетели. Взаимосвязь морали и права, нравственного и правового воспитания античные мыслители рассматривали как закономерность формирования личности, как одну из ее ведущих тенденций. Взаимодействие справедливости и законов рассматривалось при этом как взаимное позитивное влияние или как конфронтация. В настоящее время нравственность и право – сферы человеческой деятельности, которые существуют во всяком обществе, взаимодействие и взаимосвязь которых рассматривалась как важная сторона, ответственная за формирование внутреннего мира личности, оказались далеко отстоящими друг от друга, их взаимосвязи и взаимозависимости оказались размытыми, а во многих случаях и полностью утраченными⁶. Образовался разрыв между общетеоретическими проблемами законности и существующей правоприменительной практикой. Сегодня, однако, имеется властная общественная потребность возвратиться

⁶ См.: Матузов Н.И. Право и мораль в их взаимодействии. – Саратов: СГУ, 1969; Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М., 1986; Ойгензихт В.А. Мораль и право. – Душанбе, 1987; Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119; Колотова Н.В. Мораль и право: анализ традиции и исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: ИГП РАН, 1996; Карпунин В.А., Сальников В.П. Право и мораль // Лики морали. Введение в этику. – СПб., 1996; Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.

к классической проблеме взаимосвязи справедливости и законности в рамках более общего контекста проблематики отношения права и нравственности как к существенному резерву повышения правовой культуры и социальной зрелости общества.

Справедливость в качестве исторической, моральной, философской, правовой категории может характеризоваться как идеал, принцип общественных отношений, социальная ценность и оценочное нормативное понятие. Сущности юридической справедливости должны соответствовать нормы права. Понятие права становится более широким, когда оно рассматривается в действии, во всех его проявлениях: нормах, правоотношениях, правосознании, субъективных правах и обязанностях. Понятие справедливости тесно связывали с общими определениями права классики европейской и русской философии права.

В последние десятилетия концепция соотношения законности и справедливости подверглась серьезному переосмыслению: была сделана попытка примирить нравственно-правовые ценности индивидуализма и принцип равенства, «автономность» личности и вопросы перераспределения доходов. Опыт этого переосмысления был во многом связан с творчеством американского мыслителя Дж. Ролза, внесшего самый значительный вклад в современную западную философию права, развивавшего в традициях обновленного кантианства идеи теории и методологии права.

Ролз основывает теорию справедливости на аристотелевской концепции распределяющей справедливости, взятой в несколько упрощенном виде (блага, существующие в обществе, должны распределяться на основании взаимных требований людей и на основании взаимных требований людей и на основании максимально возможного равенства). Ролз использует конструкцию-понятие “первичные блага”, которые подлежат распределению. В их число он включает свободу, равные возможности, определенный уровень материального достатка. Все эти “первичные блага” обеспечивают человеку “самоуважение”; они в то же самое время суть условия, которые обеспечивают человеку его автономию, его самостоятельность, в том числе и самостоятельное распоряжение такими благами.

Существенное значение он придает установлению принципов справедливого распределения. Первым таким принципом Ролз считает

требование, чтобы каждый человек в равной степени обладал основными правами и свободами. Система индивидуальных прав и свобод должна совпадать со всеобщей свободой, причем свобода должна быть максимизирована, ее ограничение может быть оправданно только в целях ее лучшей защиты: “свобода может быть ограничена только ради свободы”. Второй принцип – требование равенства как равного обладания свободой и равного распределения благ (исключения из этого правила допустимы здесь только в целях выравнивания уже сложившегося неравенства). Этот принцип конкретизируется как принцип равных возможностей, нацеленных на максимальное устранение неравенства, возникающего или сложившегося на базе богатства или рождения. Каждый человек должен иметь равные возможности в стремлении получить определенный статус в обществе.

Категория справедливости характеризуется Ролзом как правильность, добросовестность, беспристрастность, как своего рода “процессуальная справедливость”, которая обеспечивается при помощи правовых норм, соответствующих принципу правления справедливого закона. При этом очень существенна роль конституции, которая определяет основные распределительные процедуры, с наибольшей вероятностью приводящие к созданию справедливого и устойчивого порядка. Такая функциональная роль конституции поддерживается и усиливается при помощи обычных законов.

По Ролзу, основу справедливости составляет “базисная структура общества”. Это система общественных правил, определяющих схему действий, которая заставляет людей поступать так, чтобы производить большее количество выгод и выдавать на каждое обоснованное конкретное требование надлежащую долю из общественного дохода.

Новизна подхода к решению проблемы справедливого распределения у Ролза состоит в применении метода “модели”. Например, он предлагает смоделировать ситуацию, когда люди делают выбор в состоянии неведения относительно стартового неравенства. Таким образом сначала избираются принципы социальной справедливости, а затем на их основе строится экономический и социальный порядок.

До настоящего времени интерпретация социальной справедливости базировалась на равенстве возможностей и вознаграждении за одинаковый труд. На деле люди оказываются наделенными разными способностями, получают неодинаковое образование, воспитание,

наследство, ставят перед собой разные задачи, имеют разные потребности. Следовательно, “социальная справедливость” может означать, в лучшем случае, равенство исходных шансов, но и это трудно реализуемо в действительной жизни. Поэтому попытка установить социальную справедливость должна сводиться к устранению определенных крайних проявлений неравенства возможностей.

Ролз предлагает иной подход к справедливости. Ролз пытается доказать, что если какое-либо неравенство в богатстве или организация власти способно улучшить положение каждого по сравнению с исходной ситуацией, то оно вполне оправдано и согласуется с общей концепцией справедливости. Ролз убежден, что общество не может существовать без неравенства – оно обусловлено биологической природой человека. Свою задачу он видит в том, чтобы возродить веру в возможность разумного руководства моральным выбором людей в современных условиях. В концепции Ролза несправедливость и неравенство предстают как органические части справедливо устроенного общества. Неравенство включается им в понятие должного.

В целом это сугубо умозрительная и академическая теория, но ее несомненной ценностью является идея неотъемлемых основных прав индивидуума. Роулз признает, что общественная система должна создавать равные условия для всех, должен быть достигнут переход от равенства возможностей к равенству результатов.

Труды Ролза вдохнули новую жизнь в современную философию права. Его работы получили всеобщее признание как наиболее значимые в области морали и права в США в XX столетии. Они содержат фундаментальный анализ отношений между социальной справедливостью и основаниями законности в правовом государстве, создают интеллектуальный инструментарий для исследования современных обществ.

На научное творчество Ролза стали обращать внимание и российские исследователи. Появились первые публикации, анализирующие научное наследие авторитетного американского ученого⁷.

⁷ См.: Алексеева Т.А. Справедливость как проблема политической философии (на материалах американской политической мысли): Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М., 1992; Алексеева Т.А. Ролз и возрождение американской политической философии // Историко-философский ежегодник. – М., 1995; Сваровская Е.Б., Целищев В.В. Структура «теории справедливости» Дж. Ролза и ее место в современной политической философии // Гуманитарные науки в Сибири. –

Деятельность Ролза способствовала преодолению академических границ, разделявших отдельные сферы познания – теории и философии государства, истории права, методологии политико-правовых исследований, представив по существу впервые за многие десятилетия синтетический, междисциплинарный анализ проблемы «правового социального государства». Творчество Ролза, по оценкам большинства ведущих представителей западной правовой науки, ставит его в один ряд с крупнейшими представителями истории философско-правовой науки, что не позволяет пройти мимо теоретического наследия этого мыслителя и делает изучение его идей весьма актуальным для современной российской теории права и государства.

Новосибирск, 1996. – № 1. – С. 8-13; Кузьмина А.В. Нравственные аспекты моральной концепции справедливого общества и морально-политической философии Джона Ролза. – М., 1998; Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. – М., 2001; Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уалзер // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 77-88; Кашников Б.Н. Либеральный утилитаризм и его критика в политической философии Д. Ролза // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 84-95.

Глава I.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗАКОННОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

1. Развитие представлений о справедливости в истории философии права

Отношение права и справедливости – традиционная проблема философии права, одна из ее центральных тем. Сама всеобщая идея права трактовалась, начиная с античности, как плод эманации идеи справедливости⁸.

Так, согласно Платону, высшая добродетель человека, в которой фокусируются все добрые начала в нем, это именно идея справедливости. Согласно Платону, любое государство и всякий действительный закон имеют своим основанием вечную идею государства и идею закона, которые в своих последних пределах совпадают с идеей справедливости. Государство и закон создаются людьми, но лишь в результате созерцания высших идей, к чему способны лучшие из них. Созданные социально-политические образования могут быть названы государствами лишь в той мере, в какой они причастны изначальной идее государства, заложенной в самих основах бытия, в абсолютной идее единства истины, добра и красоты, сфокусированных в идее абсолютного блага (диалог «Филеб»).

Аристотель, развивает мысль Платона о фундаментальном значении идеи справедливости для государства и закона. В главе «О справедливости» в своей «Никомаховой этике» Стагирит конкретизирует это понятие, различая «распределяющую» и «сравнивающую» справедливость. Первая подразумевала равномерное и пропорциональное распределение, взирая на индивидуальные данные и положение. При «сравнивающей» же справедливости главным было распределение в

⁸ См.: Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.

соответствии со значимостью. Аристотель различал «естественную» и «условную» справедливость: под «естественной» справедливостью им понимался порядок, основанный на общем бытии людей, являющейся основой нравственности и подразумевающий равенство, умеренность и законопослушные действия. Он размежевал понятия справедливости и правды и считал последнюю особым, высшим видом справедливости⁹. Также Стагирит различал нравственную и правовую справедливость, указывая, что первая должна быть лучше правовой и в то же время нравственная справедливость не может противопоставляться справедливости правовой, как одно из ее проявлений.

Вслед за Аристотелем крупнейшие римские юристы первых веков нашей эры Гай, Пипиниан, Павел, Ульпиан, Модестин относили естественное право к действующему праву как его специфическую составную часть, не рассматривая его как теоретико-правовую конструкцию, внешнюю для норм и принципов фактически действующего права. Нормы естественного права выводятся римскими юристами из природы человека, из природы вещей и из отношений человека к людям и вещам. Естественное право, согласно правопониманию римских юристов, воплощало требования справедливости и в целом выражало ту основополагающую идею, что право вообще справедливо¹⁰. Обоснование естественного и позитивного права через опосредованную идеей справедливости отсылку к абсолюту представлялось (и было) в древности вполне очевидным. А потому форма естественно-правовой концепции, которую придали этой правовой модели Аристотель и Ульпиан, сохраняла свое неоспоримое влияние вплоть до эпохи Нового времени.

В эпоху Нового времени, начиная примерно с XVI века, в философской и правовой мысли нарастают процессы десакрализации идеи права и справедливости, человека и государства, да и мироздания как целого. В правовых теориях этой эпохи, включая трактовки XVII в., прежде всего теорию общественного договора Гоббса, понятие естественного права отходит на задний план, но при этом оно сохраняет свое содержание и интегрируется в дискурсно-смысловое пространство новой философско-правовой парадигмы. Согласно Гоббсу,

⁹ См.: Кашников Б.Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции // Этическая мысль. Вып. 2. – М., 2001. – С. 89-118.

¹⁰ См.: Коркунов Н. М. История философии права. – СПб, 1915. С. 115.

порожденный разумом в результате общественного договора естественный закон несет в себе начала справедливости. Само же естественное состояние – состояние войны всех против всех – не может содержать никакой справедливости.

В XVIII веке идея справедливости в праве входит в контекст представлений о необходимости радикальной десакрализации правовой мысли. Так цель учения Ш.-Л. Монтескье состоит в том, чтобы сделать справедливость основой государства, основывая ее не на воле Бога, а на историческом развитии «духа законов». Право, реализуясь в отношениях между людьми, возможно тогда, когда оно получит общеобязательный характер при помощи государства, основной функцией которого становится законотворчество, вытекающее из знаний справедливых отношений. Право, государство, законодательство взаимосвязаны. Право в политическом обществе существует в том случае, когда оно сформулировано в виде положительных законов государства и реализуется при помощи его органов и принудительной силы. Справедливость, по Монтескье, является вечным принципом, предшествовавшим системе юридических законов, которые являются воплощением справедливости.

Являясь одним из основоположников западноевропейского Просвещения, французский правовед и философ Шарль Луи Монтескье (1689-1755) особое внимание уделял в своей творческой деятельности исследованию принципа распределения власти как условия свободы и справедливости.

В классических работах мыслителя «Персидские письма» (1721), «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734), «О духе законов» (1748)¹¹, он предложил свое познание государственно-правовых явлений, собственный взгляд на закономерности общественной жизни, базируясь на принципе историзма.

Мыслитель подходил к праву как общечеловеческой ценности, целью его считал свободу, равенство, справедливость, безопасность каждого человека и всех людей вместе. В отличие от Томаса Гоббса¹², Монтескье объявил важнейшим законом естественного права не войну всех против всех, а мир¹³.

¹¹ См.: Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999.

¹² См.: Гоббс Т. Гоббс Т. Сочинения: в 2-х томах. / Пер. с лат. и англ. – М., 1991.

¹³ См.: Фролова Н.А. Политические и правовые учения зарубежных стран:

Но в конечном итоге глубокая постановка античными авторами вопроса об онтологическом статусе справедливости остается за пределами концепции Монтескье, как и других просветителей. Осуществленная в эпоху Просвещения десакрализация идеи справедливости лишала ее качеств вечного и священного для людей принципа, освящающего собой также право, законы, государство. Справедливость, будучи порождена разумом, может быть разумом же и изменена. Она становится чем-то относительным, зависящим от прагматических целей и задач.

Решая основные теоретические затруднения философии Нового времени, основоположник немецкой классической философии Иммануил Кант совершил настоящую революцию не только в области гносеологии, но также и в сфере учения о праве. Именно Кант показал, что понять природу права возможно, лишь поняв сущность свободы. И здесь он правильно вынес свободу за пределы всякого эмпирического содержания, потребовав ее трансцендентального истолкования.

В основе кантовского трансцендентализма лежит принцип, делающий саму познающую и определяющую мысль необходимой составляющей объективных процессов, о которых она выносит свое суждение. Первый шаг к утверждению этого принципа Кант делает уже самой постановкой вопроса о природе мышления, способного постичь истину. Этот вопрос выражается в проблеме различения мышления, относящегося к самому себе, и мышления, относящегося к внешнему предмету. Решая эту проблему, мышление достигает истинной субъективности, несущей в себе одновременно субстанциональное содержание. Спустя столетие и больше именно путем актуализации рефлексивной формы в правовой мысли, правоведы-кантианцы, такие как Кельзен и Радбрух, рассчитывали показать, как мысль, дающая законы внешне субъективно и даже произвольно, может порождать такую субстанцию как право.

Вся немецкая классическая философия стремилась дедуцировать систему этических и правовых категорий из единого понятия свободы. Но если И. Кант усматривал условия этой дедукции в способности познания и в способности воли субъекта, то Г.В.Ф. Гегель исходил

из понятия свободы как исторически развивающегося единства субъекта и объекта.

В государстве и праве Гегель усматривает два начала: духовное начало, выражающееся в его внутренней дифференциации и в связи с дифференцированным гражданским обществом; и начало жизни, души государства, которая делает возможным именно его целостность, воспроизводящая саму себя. Субъектом процесса становления государства, по Гегелю, является дух, т.е. духовное начало человека и человечества, которое также присутствует в природе как его внутренняя, скрытая форма. Субстанция духа есть свобода. И именно это знание духом своей свободы получает свое воплощение в устойчивых формах государства и права.

Именно для свободного духа справедливость выступает в качестве основания действительности права. Право же, основанное только на принуждении, нельзя назвать правом. Непосредственную проявленность абсолютного начала в праве Гегель, обосновывает (развивая при этом классическую традицию) указанием на идею справедливости, которую он противопоставляет насилию.

Это видно, хотя бы из следующего фрагмента: «Право и справедливость должны корениться в свободе и воле, а не в несвободе, к которой обращается угроза. Такое обоснование наказания похоже на то, будто замахиваются палкой на собаку, и с человеком обращаются не соответственно его чести и свободе, а как с собакой. Угроза, которая в сущности может довести человека до такого возмущения, что он захочет доказать по отношению к ней свою свободу, совершенно устраняет справедливость. Психологическое принуждение может относиться только к качественным и количественным различиям преступлений»¹⁴.

Таким образом, идея справедливости в той или иной форме присутствовала в любой традиции классической философии права, включая теорию естественного права, теорию общественного договора или более сложные теоретические построения немецких классиков. Применительно к проблемам современной теории права и государства она может быть актуализована лишь с учетом нового критического переосмысления этого наследия, а также с учетом разработок

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1999. С. 146.

теории и методологии познания, которая позволила бы интегрировать и теоретически воспроизвести иррациональные и рациональные, интуитивные и дискурсивные начала права и правосознания.

Во второй половине XIX в. влияние нравственно-правового учения И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля заметно ослабевает. На смену кантианству приходит позитивизм О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера, а также быстро становящийся популярным в образованных кругах марксизм. Юридический позитивизм исходил из того, что право представляет собой лишь совокупность норм, законов и правил поведения, которые установлены, регулируются и обеспечиваются силой власти. Вопросы о субстанциальных началах права, а также о его ценностном измерении отвергались как «метафизические», что для представителей позитивизма было синонимом «ненаучности».

К концу XIX столетия в теории государства и права ошутимо наметился кризис, связанный с исчерпанностью тех возможностей, которые предоставляли теоретико-методологические подходы, господствовавшие в этой науке в XIX в. Религиозно-нравственные искания в области учения о государстве большинством юристов воспринимались как абстрактное теоретизирование¹⁵. Позитивистский подход

¹⁵ См.: Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.; Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Яценко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633; Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.; Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С. 8-25. – в кн. 438 с.; Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С.5-7. – В кн. 438 с.

привел к тому, что общие нравственно-правовые принципы, по сути, остались за скобками теоретического анализа, а основное внимание исследователей права концентрировалось на изучении механизмов человеческого сознания, испытывающего чувство долга, стыда или ответственности.

Тенденция к радикальной смене методологического инструментария в русской юриспруденции наметилась в то время, когда на Западе в качестве оппозиции первой волне позитивизма все чаще стала выступать апелляция к классической политико-правовой и философско-правовой мысли, первоначально развернувшейся под лозунгом «Назад к Канту». Именно неокантианство во многом определило характер рецепций идей немецкий классиков в русской философии права конца XIX – начала XX веков¹⁶.

Неокантианцы стремились решать современные им проблемы в области общественных и естественных наук с позиций теории познания, разработанной в «Критике чистого разума». Неокантианство включало в себя так называемое физиологическое направление (Ф.А. Ланге, Г. Гельмгольц); психологическое направление (Л. Нельсон); реалистическое направление (А.Риль, О.Кюльпе); марбургскую школу (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер); баденскую школу (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Ласк). Большое внимание неокантианцы уделяли проблемам методологии постижения правовых феноменов. Для правовой науки наибольшее значение имели Марбургская и Баденская школа неокантианства. Под их влиянием шла интенсивная

¹⁶ См.: Биневский А.А. Идеалистическая гносеология русского «академического» неокантианства конца XIX – начала XX вв. (Критический анализ). – М., 1982; Абрамов А.И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» // Кант и философия в России. – М., 1994; Фролова Е.А. Неокантианская методология в правовых теориях П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского: Статья // Государство, право, безопасность: Сб. научных статей. – М.: Академия ФСБ РФ, 2000. – № 11; Фролова Е.А. Идеал социально-правового государства в отечественном неокантианстве (конец XIX – начало XX века) // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2012. – № 1. – С. 19-28; Фролова Е.А. Методологические проблемы поиска социального идеала в неокантианской философии права в России конца XIX – начала XX века // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 3(87); Фролова Е.А. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева // Государство и право. – 2012. – № 5. – С. 68-78; Фролова Е.А. Методологические проблемы познания. Разграничение социально-научного и естественно-научного познания неокантианской философии. Задачи социально-научного познания в конце XIX – начале XX века // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 9(93);

разработка основоположения критической философии права и государства.¹⁷ Фундаментальный труд по философии права подготовил и глава Марбургской школы неокантианства Герман Коген.

Согласно неокантианской методологии, постижима лишь феноменальная сторона права, которая трактовалась как феномен культуры (Г.Коген). Исходным методологическим принципом неокантианства в области теории государства было противопоставления правовой действительности и правовых ценностей (Г.Радбрух, Б.Баух, Э.Ласк). Конец XIX – начало XX вв. – это подлинный ренессанс кантианской традиции в политико-правовой мысли.

Несмотря на субъективацию познания, неокантианство оставалось методологически совместимо с основным постулатом позитивизма. А именно: их объединяло признание того, что только опыт является единственным источником познания. Дело здесь было в самой природе права, которое, с одной стороны, как позитивное право является искусственным образованием, создано самими людьми. А, с другой, выходит за пределы компетенции эмпирического рассудка.

Но именно в эту схему и укладывается кантовская концепция права. Право, по Канту, есть результат деятельности разума и воли человека. Оно не является каким-то естественным законом или набором норм, имеющим такую же модальность, как и вечные законы природы. Но при этом разум, создающий нормы права, действует, исходя из его априорных принципов. А значит, действует не произвольно и его нормы могут приниматься как всеобщие по своей природе. Искусственности права Кант противопоставляет не натурализм естественного, а всеобщее начало синтезирующего разума.

В физике синтез кантианства и позитивизма породил известное течение эмпириокритицизма. Разработку в праве аналога неокантиански окрашенного позитивизма предприняли Ф. Гармс, Г. Радбрух и сам глава марбургской школы Г. Коген. На этом пути развивал свою научную концепцию крупнейший правовед того времени Г. Кельзен. Неокантианский поворот отразился в его творчестве прежде всего в сосредоточенном внимании к проблеме ценностей в праве. «Отношение к ценности» – ключевой элемент теории культуры неокантианцев, для которых и право прежде всего было элементом

¹⁷ См.: Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М.: Гнозис; Логос, 1994. С. 21.

культуры как комплекса ценностей, подлежащих трансцендентальному истолкованию. Относительно права центральное место занимало понятие справедливости, которое трактовалось как «ценность» в специфически неокантианском значении этой категории.

Разграничивая сферу сущего как эмпирически данного и должного как умопостигаемого, Кельзен указывает на то, что «наряду с правовыми нормами существуют другие, регулирующие взаимное поведение людей, то есть социальные нормы. Они могут быть объединены под понятием морали, а направленная на их познание дисциплина может быть обозначена как этика. Пока справедливость остаётся требованием морали, в отношении морали и права включено отношение права и справедливости»¹⁸. Чистая теория права исследует существующее различие между правом и моралью и приходит к выводу о самодостаточности позитивного права, которое конституируется посредством основной нормы и не нуждается в отсылке к идее справедливости самой по себе. Исследование вопроса об отношении права и справедливости переходит, таким образом, в плоскость отношения моральных и правовых норм.

После II мировой войны юридический позитивизм, в той форме, в какой его знали в первой половине XX в. стал уже невозможен. Тем активнее воспринимались в европейских академических кругах неокантианские идеи, позволявшие сочетать привычные установки позитивизма с акцентировкой ценностного начала в праве.

Так, крупнейший правовед-неокантианец того времени Густав Радбрух, «Философия права» которого получила всемирную известность и продолжает активно переиздаваться в наше время¹⁹, в качестве реакции ученого-теоретика и юриста-практика не в последнюю очередь обращается именно против современных ему позитивистских правовых концепций, против историков и социологов права, видевших правовой источник нормативной значимости в одном лишь фактическом существовании или становлении законов, обычаев и властных отношений в обществе. И в то же время он обращается против любой теории права, оправдывающей действительность,

¹⁸ Kelsen. H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts, Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr, 1920. S. 60.

¹⁹ См.: Радбрух Г. Философия права. – Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2004.

некритически относящейся к ней и уклоняющейся от рациональной проверки своих высказываний. Вместо этого он апеллирует к «силе совести и разума», к ответственности перед собой и сознанию долга, к пронизательности и доброй воле тех, к кому взывает такое «долженствование».

Анализируя эту группу правовых категорий, Радбрух актуализирует перипатетический понятийный инструментарий: «Справедливым можно назвать применение закона или следование ему, или же сам закон. Первый вид справедливости, особенно справедливость судьи, точнее было бы назвать честностью (*Rechtlichkeit*). В данном случае речь идет не о той справедливости, критерием для которой служит позитивное право, а той, которая сама служит для него критерием. Справедливость в этом случае означает равенство. Но равенство само может принимать различные значения. С одной стороны, в зависимости от объекта оно может относиться к вещам или к людям; справедливо вознаграждение, которое соответствует стоимости труда, справедливо и наказание, если оно одинаково для всех. С другой стороны, в зависимости от выбранного критерия ее можно рассматривать как абсолютное или относительное равенство: вознаграждение соответствует труду, но наказание становится строже пропорционально вине. Оба этих различия соединяет знаменитое учение Аристотеля о справедливости. Абсолютное равенство между благами, например между трудом и вознаграждением, между вредом и его возмещением, Аристотель называет уравнительной справедливостью. Относительное равенство во взаимоотношениях между различными людьми, например налогообложение в зависимости от трудоспособности, предоставление пособия соразмерно нуждаемости, поощрение и наказание в зависимости от заслуг и степени вины, является, по Аристотелю, сутью распределительной справедливости. Отношения уравнительной справедливости требуют участия по крайней мере двух лиц, распределительной – по крайней мере трех. В первом случае два противостоящих друг другу лица равноправны. Во втором – одно из этих трех лиц в качестве начальника налагает на двух других обязательства или предоставляет им преимущества. Сфера действия уравнительной справедливости – отношения, требующие координации, распределительной – субординации. Уравнительная справедливость – справедливость частного

права, распределительная – публичного права».²⁰

«Ценностным масштабom позитивного права, целью любого законодателя является «справедливость», а ядром последней – идея равенства», – так можно обобщенно сформулировать определение этого немецкого правоведа, оперирующее аристотелевскими понятиями «уравнительной» и «распределительной» справедливости.

В XX столетии Г. Радбрух представлял старшее поколение наиболее влиятельных немецких правоведов. В числе пришедших этому поколению на смену ученых, начало деятельности которых приходится на первое послевоенное десятилетие, следует назвать Юргена Хабермаса, до сегодняшнего дня являющегося наиболее влиятельным европейским интеллектуалом²¹. Философско-правовые и политико-правовые идеи Юргена Хабермаса развиваются им в рамках так называемой социальной критической теории, являющейся результатом творческого взаимодействия немецкого ученого-неокантианца с группой франкфуртских неомарксистов²².

Презентуемая Хабермасом дискурсивная теория права формируется в области философии морали и этики. При этом ему приходится доказывать, почему принцип справедливости, дающий базовые принципы права, должен быть ограничен рамками позитивного права. Поэтому вопросы правовой теории с самого начала ставятся в рамках нормативного способа рассмотрения. Дискурсивная теория права и правового государства должна преодолеть конвенционализм классической философии права и государства даже в том случае, если она воспринимает их постановку теоретических вопросов исчерпывающей.

Имеющее сегодня место принижение рационально-правового нормативизма со стороны общих принципов справедливости вызывает отрицательную реакцию со стороны Хабермаса. В качестве своего союзника он указывает на автора «Теории справедливости» Джона Ролза, с которым связывает «всеобщую реабилитацию проблематики философии права, ориентированной на рациональную традицию»²³.

²⁰ Там же. С. 43

²¹ См.: Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. – М.: Наука, 2005.

²² См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М., 1995; Фарман И.П. Социально-культурные проекты Ю. Хабермаса. – М., 1999. – 243 с.

²³ Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des

Эта проблематика соотносится им с идеями Гегеля, Смита и Рикардо, которые позволяют рассматривать современное гражданское общество как момент действительности нравственной идеи. В обращении к обозначенным проблемам Ролз возрождает интерес к теории справедливости, понимаемой им не только в качестве этической теории, но и в качестве концептуальной модели права.

2. Понятие справедливости в интерпретации Дж. Ролза

Рациональный баланс между индивидуальной свободой и социально легитимированной справедливостью составляет фундамент «теории справедливости» Джона Ролза (1921-2002)²⁴, одного из крупнейших современных американских теоретиков реформистского либерализма, автора теории справедливого общественного устройства на принципах рыночной экономики, выпускника Принстонского университета, участника Второй мировой войны. Дж. Ролз преподавал в ведущих американских университетах, был профессором Гарвардского университета. В 1958 и в 1963 гг. в журнале «Философический ревью» Ролз опубликовал первые наброски своей теории справедливости, вызвавшие широкий резонанс в академических кругах. В 1971 г. был опубликован его основной труд «Теория справедливости», давший мощный импульс возрождению интереса к политической философии в США и переосмыслению традиционной трактовки либеральных ценностей. В этом труде Ролз разработал концепцию справедливости, соответствующую демократическому обществу. Данная работа представляет особый интерес по двум обстоятельствам: во-первых, все свои общетеоретические размышления автор доводит до описания социальных механизмов, предусматривающих их эмпирическую интерпретацию, опору на конкретные социальные индикаторы; во-вторых, в нашей ситуации идейного раскола российского общества нам крайне интересно знать, какой представляется оптимальная модель социального устройства общества авторитетному и глубокому западному теоретику, прочно стоящему на позициях традиционных либеральных ценностей. «Теория справедливости» Джона Ролза была переведена и издана Новосибирским

dem. Rechtsstaates. Frankfurt/Main, 1994. S. 79.

²⁴ Rawls J. в русскоязычной литературе можно встретить Джон Роулз.

государственным университетом. Появление на русском языке данной работы представляется событием немаловажным. Будучи одним из значительнейших трудов в области философии права в XX веке, этот труд особенно нужен в нынешней России, где философия права зачастую подменяется публицистикой или пересказами идей²⁵.

Значимость проблематики, поднятой Ролзом, была хорошо подчеркнута К. Муздыбаевым: «Идея справедливости – одна из самых влиятельных в духовном универсуме человечества. В утверждаемых ею принципах заключены нормы и стандарты индивидуальной и общественной жизни. Поэтому каждый раз ее новая трактовка трансформирует целые общества, изменяет характер социальных и политических учреждений. В основе социального выбора лежат прежде всего конкретные взгляды на справедливость»²⁶.

Со времени своей публикации «Теория справедливости» Ролза заняла ведущее место в западной литературе как выражение классического либерализма современного толка. Как критики, так и поклонники Ролза отмечают, что политическая философия Запада разделяется сейчас на «доролзовскую» и «послеролзовскую» эпохи. По мнению С.Н. Демина, в этой работе автору удалось преодолеть крайности двух концепций в рассмотрении социальной справедливости, наиболее характерных для представителей современной западной теоретической мысли. В рамках первой концепции раскрывается взаимосвязь социальной справедливости и свободы, а в рамках второй – взаимосвязь справедливости и равенства²⁷.

По мнению Е.Б. Сваровской, «чтобы не быть очередной утопией, теория, на которую претендует Ролз, должна апеллировать не только к отдельным аспектам современной общественной жизни, но и к целостному видению ее»²⁸.

Ввиду того, что «Теория справедливости» Ролза написана на стыке многих наук – помимо социологии, этики философии, в ней

²⁵ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1995. С.5.

²⁶ Муздыбаев К. Идея справедливости // Социологические исследования. – 1992. – № 11. С. 94.

²⁷ Демин С.Н. Социальная справедливость (философско-методологический анализ): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 1991. С.9.

²⁸ Сваровская Е.Б. Структура и эволюция «Теории справедливости» Джона Ролза. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Новосибирск, 1999. С. 6.

присутствуют экономические, юридические, политологические и информатизационные аспекты с привлечением средств современной аналитической философии, теории игр и решений. Можно сказать, что данная работа имеет явно междисциплинарный характер и «могла быть с равным успехом написана юристом, экономистом, политологом» – отметил известный американский правовед Р. Рорти²⁹. Как указывает Ю.Г. Гусейнов, «социальная справедливость представляет собой сложное многоплановое понятие и выступает как взаимодействие экономики, права, политики и морали»³⁰.

Аргументация Ролза, по мнению Е.Б. Сваровской, в пользу справедливого общества привлекается из самых разных областей общественной жизни³¹:

- экономический анализ категорий благосостояния и справедливости, основанный на критерии Прето и критерии Калдора-Хиккса;
- политический анализ конституционной демократии и сопутствующей ей процедурной справедливости;
- моральный анализ справедливости в сопоставлении с ведущими этическими взглядами;
- философский анализ рациональности как основы либерализма;
- теоретико-игровые модели общественного договора;
- методологический принцип рефлексивного равновесия в качестве структуры общественной теории.

Методологический подход автора характеризуется стремлением комплексно обобщить наиболее значимые существующие, либо существовавшие в науке подходы к анализу рассматриваемых процессов и явлений. Ролз подробно рассматривает все возможные аргументы «за» и «против», обильно цитирует теоретиков, как классиков, так и современников, иллюстрирует ход рассуждений многочисленными схемами и таблицами, порой прибегает к логическому и математическому аппарату.

Как пишет Ролз, его теория «не концепция справедливости, которая является истинной, а такая, которая может служить основой

²⁹ Rorty R. *Cosequences of Pragmatism*. – Harvesrer Press, 1982.

³⁰ Гусейнов Ю.Г. *Социальная справедливость и пути ее реализации: Автореф. дис. ... канд. философ. наук.* – Баку, 1991. С.12.

³¹ Сваровская Е.Б. *Указ. соч.* С. 6-7.

сознательности и желательного политического соглашения»³². Она предлагает рецепт урегулирования многих важных вопросов политической и социальной жизни. Тип философствования Ролза оказал исключительно сильное влияние на всю современную англо-американскую политическую философию. Ролз в значительной мере «восстанавливает английскую традицию Милля, настаивавшего на связи своих политических рассуждений с фундаментальными исследованиями моральной психологии и политической экономии»³³.

«Теория справедливости» Ролза – одна из многих теорий, посвященных справедливому устройству общества. Справедливость понимается Ролзом как честность в выполнении соглашения. Это его специфическое понимание, напрямую связанное с теоретико-игровым подходом к пониманию общества. Ролз идет к определению социальной справедливости двояким путем. Во-первых, он формулирует общие принципы справедливости, которым должно отвечать любое общественное устройство. Во-вторых, на основе философских рассуждений он стремится показать, что человек обладает абсолютными правами независимо от исторических условий.

Общепринятым положением является представление о справедливости, отражающее в первую очередь образ справедливых человеческих отношений. Как подчеркивает В.Н. Кудрявцев, «критерий справедливости вообще представляет собой достаточно точный и очень чуткий эталон для оценки степени соответствия той или иной нормы общественным нуждам и интересам»³⁴. Именно в этом смысле она была заложена в социальную идею, включающую идеал социальной справедливости, людской солидарности в противовес вражде и угнетению.

Определяя роль принципа справедливости в обществе, Ролз утверждает, что справедливость – это главная добродетель человеческой деятельности. Социальные институты выступают у Ролза в роли дистрибьютора. Поэтому он считает, что для различных общественных устройств необходим набор принципов для составления исходного соглашения между людьми. «Это означает, что в таком

³² Ролз Дж. Теория справедливости. С. 9.

³³ Шохов И.П. Правда о справедливости. – М., 1995. С. 32.

³⁴ Кудрявцев В.Н. Механизмы социальной деформации // Вопросы философии. 1989. – № 11. – С. 8.

обществе 1) каждый принимает и знает, что все остальные члены общества принимают одни и те же принципы справедливости, и 2) важнейшие общественные институты объективно соответствуют и считаются адекватными этим принципам. В этом случае люди хоть и могут быть достаточно требовательны друг к другу, они тем не менее признают общую точку отсчета, согласно которой их взаимные притязания могут быть разрешены»³⁵.

Понятие справедливости очень широко: справедливыми или несправедливыми могут быть законы, социальные институты, общественные системы, конкретные поступки людей, их суждения, установки, жизненные позиции и т.д. Для Ролза первичной основой справедливости является фундаментальная структура общества – общественный уклад. Он формулирует приемлемую концепцию справедливости для «базисной структуры общества».

С другой стороны, в качестве своих основных оппонентов в понимании справедливости с этической стороны Ролз видит представителей утилитаризма и интуитивизма. Эти два направления занимали и сейчас занимают ведущее место в этической мысли Запада. Более того, утилитаристские концепции занимают прочное место в экономико-социальных построениях, связанных с государством, концепцией, играющей видное место в политических программах различных направлений на Западе. Как отмечает Б.Н. Кашников, «по степени аналитичности и обоснованности эта теория не только соперничает с утилитаризмом, но и значительно превосходит его»³⁶.

Следует отметить, что один из основных подходов к справедливости – удовлетворение основных потребностей – в какой-то мере входит в формулировку принципов самого Ролза.

Поэтому стоит более подробно рассмотреть процедуру выбора принципов в исходном положении. Два принципа справедливости выбираются у него в том случае, если бы стороны приняли правило максимина в условиях неопределенности. Это правило, по мнению Ролза, единственный приемлемый для каждого индивида критерий справедливого распределения социальных благ. Ролз предлагает

³⁵ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1971. P. 5.

³⁶ Кашников Б.Н. Теория справедливости Ролза как доктрина гражданского общества // Этика гражданского общества: Тезисы докладов всероссийской научно-технической конференции. – Владимир, 1992.

участникам договора такой способ организации общества, при котором минимальная доля максимизируется, т.е. наименее преуспевающие люди будут знать, что их положение обеспечит им максимально-минимальные преимущества, вытекающие из неравенства, которое они осознают. В процессе взаимодействия учитываются основополагающие интересы индивида. Справедливость заключается в том, что гражданам обеспечена возможность предотвращать принятие таких решений, которые могут повлечь за собой неблагоприятные для него последствия. В обществе, в котором будут совместно провозглашены моральные максимы, должен будет снизиться до минимума риск возможной неудачи.

Из этого следует вывод, что правило «максимина» устанавливает целесообразный рациональный стандарт возмещения для «наименее удачливых» последствий естественных и социальных случайностей. Когда правило «максимина» принято, Ролз включает индивидов в реальную общественную жизнь, со всеми свойственными ей противоречиями.

Убеждения в сочетании со знанием обстоятельств приводят нас к разумным суждениям о справедливости и осознанию принципов, руководящих деятельностью людей. Но, можем ли мы исключить те суждения, где проявляется некомпетентность, а также сделанные в состоянии аффекта, страха или расстройства, так как такие суждения либо близки к ошибочным, либо спровоцированы гипертрофированным вниманием к нашим индивидуальным интересам. Взвешенные суждения демонстрируют наше чувство справедливого. Но для того, чтобы избежать интуитивного представления о справедливости на основе априорных суждений, человеку необходимо познакомиться с теорией справедливости Ролза.

Ролз считает, что для того, чтобы достичь «честного-справедливого» общества, людям необходимо сделать самый главный выбор, который им придется осуществлять совместно: это выбор принципов, с помощью которых регулируется последующая критика и реформы социальных институтов.

Нужно отметить, что два принципа справедливости по Ролзу, которые выделяют критики, на самом деле в «Теории справедливости» имеют три формулировки, различные между собой. Это вызвано эволюцией взглядов Джона Ролза на проблему справедливости и

способов ее достижения.

Ролз говорит о том, что первая формулировка принципов носит экспериментальный характер. «Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных, совместимых с подобными схемами свобод для других.

Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем»³⁷.

Предлогом для уточнения принципов послужила неточность фраз «преимущества для всех» и «открыт всем». Таким образом, второй вариант первого принципа выглядит так:

«Первый принцип: Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами для других. Хотя формулировка второго варианта практически совпадает с формулировкой первого варианта, отличие состоит в том, что принцип дополняется правилом, существенным для понимания действия этого принципа»³⁸.

«Правило приоритета. Принципы справедливости должны располагаться в лексическом порядке, и, следовательно, свобода может быть ограничена только во имя самой свободы. Существуют два случая: (а) менее распространенная свобода должна укреплять всю систему свободы, разделяемую всеми, и (б) свобода, меньшая, чем равная, должна быть приемлемой для граждан, обладающих этой меньшей свободой»³⁹.

Два принципа справедливости Ролз выстроил, согласно правилу приоритета, в иерархическом (лексическом – в терминологии Ролза) порядке. «В целом это соответствует традициям моральной философии со времен Хатчесона и Милля и вплоть до наших дней. Речь идет об определенной иерархии, разделении по рангам, упорядочивании. Это такой тип порядка, который предполагает удовлетворение первого принципа, только после этого мы можем перейти ко второму, третьему и т.д. Принцип не начинает действовать, пока не

³⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. – С. 66.

³⁸ Там же. – С. 223.

³⁹ Там же.

выполнены или не применены предыдущие. ... Тем самым принцип равной свободы оказывается приоритетным по отношению к принципам, регулирующим экономическое и социальное неравенство. Или, иными словами, основополагающая структура общества должна регулировать неравенство в распределении богатства и власти таким способом, чтобы оно было совместимо с равной свободой, на чем настаивает первый принцип»⁴⁰.

Второй вариант второго принципа имеет уже другое название – «принцип различия».

Социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы они были (а) к наиболее ожидаемой выгоде наименее преуспевших и делали (б) доступ к должностям и положениям открытым для всех в условиях честного равенства возможностей.

Формулировка третьей модели называется «теоремой Ролза». В дополнение к двум принципам справедливости Ролз добавляет правила приоритета, которые следует считать частью принципов Ролза.

«Первый принцип: каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей.

Второй принцип: Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и (б) делают открытиями для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей.

Первое правило приоритета (приоритет свободы):

Принципы справедливости должны располагаться в лексическом порядке, и следовательно, основные свободы могут быть ограничены только во имя самой свободы. Существуют два случая:

(а) менее широкие свободы должны укреплять всю систему свободы, разделяемую всеми; и

(б) свобода, меньшая, чем равная, должна быть приемлемой для граждан, обладающих этой меньшей свободой.

⁴⁰ Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Ролза. – М., 1992. С 21-22.

Второе правило приоритета (приоритет справедливости над эффективностью и благосостоянием):

Второй принцип справедливости лексически предшествует принципу эффективности и принципу максимизации суммы выгод; а честное равенство возможностей предшествует принципу различия.

Существуют два случая:

(а) неравенство возможностей должно увеличивать возможности людей с меньшими возможностями;

(б) чрезмерная ставка сбережений должна в итоге уменьшать бремя тех, на ком оно лежит.

Изложенное выше является полной формулировкой принципов справедливости Ролза.

На самом деле, мнения критиков расходятся по поводу толкования принципов справедливости Ролза. Например, Т.А. Алексеева считает, что «модель Ролза фактически содержит три принципа справедливости.

1. Принцип наивысшей равной свободы.
2. Принцип справедливого равенства возможностей.
3. Принцип различия»⁴¹.

Именно эти принципы и являются результатом общественного договора. Они справедливы, так как процедуры их формулирования были честными.

Данные принципы соответствуют взвешенным суждениям в состоянии рефлекторного равновесия. Таково мнение Ролза.

Интерпретация «справедливости» до настоящего времени базировалась на равенстве возможностей и вознаграждения за одинаковый труд. На деле люди наделены разными способностями, получают неодинаковое образование, воспитание, наследство, ставят перед собой разные жизненные цели, имеют разные потребности. Следовательно, справедливость может в лучшем случае означать равенство исходных шансов для всех индивидуумов, но и это требование трудно реализуемо, учитывая различия в стартовой ситуации. Поэтому попытка установить справедливость должна сводиться к устранению определенных крайних проявлений неравенства возможностей, в результате которых целым группам и классам с самого

⁴¹ Алексеева Т.А. Справедливость С. 21.

начала закрыт доступ к важным жизненным благам. Но ведь можно также исходить непосредственно из потребности людей, а «справедливость» определять как право на те или иные материальные и нематериальные блага, необходимые для поддержания образа жизни, достойного человека. Поэтому ширится осознание того, что общественный строй нельзя считать справедливым, если он не гарантирует всем гражданам удовлетворение их основных потребностей. Следовательно, равенство нельзя отождествлять со справедливостью не только потому, что справедливость шире понятия равенства, но и потому, что относительное социальное и экономическое неравенство исторически не всегда несправедливо.

Любое из приведенных выше понятий справедливости находится в определенной взаимосвязи с правом и содержит в себе определенные противоречия. Так, справедливость, основанная на положении и состоянии, не связана с нынешним поведением индивидуума, его личными качествами и способностями в данный момент. Однако, соответствующие привилегии индивидуума уже были закреплены законом, и лишить его однажды гарантируемых привилегий нелегко.

Принципы справедливости исходят из того, что своим общественным положением человек обязан своим личным качествам. Однако, фактически разное положение в обществе может зависеть от более благоприятных стартовых условий, этот принцип ведет к эгоистическому соперничеству за выгодное место и, таким образом, подрывает общечеловеческие ценности.

Ролз предлагает нам новый подход к справедливости. Действительно, несправедливо, когда одни живут в нужде, а другие процветают, но нет никакой несправедливости в том, что большие блага заработаны одними людьми, а не другими. В этом заключается второй принцип справедливости Ролза – «принцип различия». Принцип различия предполагает оправдание социального и экономического неравенства, если оно:

- а) разумно принимается обществом как выгода для каждого;
- б) реализуется в условиях доступности для всех, независимо от положения в обществе.

«Хотя распределение богатства и дохода не должно быть равным, оно осуществляется для блага каждого, и в то же время позиции авто-

ритета и командные должности должны быть достижимы для всех»⁴².

Ролз пытается доказать, что если какое-либо неравенство в богатстве или организаторской власти способно улучшить положения каждого по сравнению с исходной ситуацией, то оно вполне оправданно и согласуется с общей концепцией справедливости. «Последняя не налагает ограничений на то, какой вид неравенства допускается, она только требует, чтобы была улучшена позиция каждого»⁴³.

Многие критики рассматривают принцип различия как суть теории Ролза, но в то же время, и как противоречие первому принципу. Так как идея равенства людей заключает в себе постулат равного распределения экономических благ и неэкономических возможностей. Фактическое неравенство, следовательно, нуждается в общепризнанном обосновании. Поэтому перед Ролзом была поставлена задача доказать, что неравенство на деле ведет к более высокой эффективности производства, т.е. идет ли оно на благо всем членам общества.

В качестве возможного критерия допустимости или недопустимости тех или иных проявлений неравенства Ролз предложил «принцип различия», который позволяет сопоставить различные состояния оптимальности по Парето. Еще в начале XX столетия В. Парето сформулировал так называемый «принцип оптимальности», этот принцип сводится к следующему: форма эффективна, если невозможно изменить ее так, чтобы улучшить положение некоторых людей (по крайней мере одного), не ухудшив при этом положение других людей (хотя бы одного).

Утопизм этого положения проявляется сразу при столкновении с реальной жизнью, правовой реальностью, в частности, с массовой преступностью, эгоизмом и корыстью, т.е. некоторыми проявлениями человеческой сущности⁴⁴.

По мнению Ролза, люди в чем-то могут быть привержены

⁴² Rawls J. A Theory of Justice. – P. 302.

⁴³ Rawls J. A Theory of Justice. – P. 62.

⁴⁴ См.: Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.; Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»); Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168; Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrücken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.

равенству, а в чем-то нет. Существует два взгляда на соотношение политических и экономических структур при рассмотрении справедливости. С одной стороны, все разговоры о приоритете основных свобод эффективны лишь в том случае, если достигнут определенный экономический уровень и достаток, который позволяет эффективно функционировать демократии. С другой стороны, взгляд, разделяемый Ролзом, состоит в том, что основными свободами нельзя жертвовать или обмениваться на экономические преимущества ни при каких обстоятельствах. На сегодняшний день этот вопрос является актуальным для политико-экономического развития России в части применения абстрактной политической теории справедливости на практике.

Ролз идет к определению социальной справедливости двояким путем.

1. Он формулирует общие принципы справедливости, которым должно отвечать любое общественное устройство;
2. Основываясь на философских рассуждениях, он стремится показать, что человек обладает абсолютными правами, не зависимо от исторических условий.

Справедливые институты выступают у Ролза в роли своего рода социального дистрибьютора. Поэтому Ролз считает, что для различных общественных устройств необходим набор принципов для составления исходного соглашения между людьми. «Это означает, что в таком обществе 1) каждый принимает и знает, что все остальные члены общества принимают одни и те же принципы справедливости, и 2) важнейшие общественные институты объективно соответствуют и считаются адекватными этим принципам. В этом случае люди хоть и могут быть достаточно требовательны друг к другу, они тем не менее признают общую точку отсчета, согласно которой их взаимные притязания могут быть разрешены»⁴⁵.

Действительно, при отсутствии определенной меры соглашения, что есть справедливое и несправедливое, людям гораздо сложнее достичь взаимовыгодного сотрудничества.

Понятие справедливости очень широко: справедливыми или несправедливыми могут быть законы, институты, общественные системы, конкретные поступки людей, их суждения, установки,

⁴⁵ Rawls J. A Theory of Justice. P. 62.

жизненные позиции и т.п. Для Ролза первичной основой справедливости является фундаментальная структура общества – общественный уклад. Он формулирует приемлемую концепцию справедливости для «базисной структуры общества», которая будет рассмотрена в следующих главах.

Ролз в своем построении общества исходит из того, что люди сначала избирают принципы социальной справедливости, а затем на их основе строят экономический и социальный порядок. Так же, он считает, что эти принципы в состоянии регулировать вполне упорядоченное общество. По мнению Ролза, любой человек поступает справедливо и играет свою роль в поддержании справедливых институтов. Как заметил Д. Юм, «хотя справедливость может быть осмотрительной, ревнивой добродетелью, мы все же можем спросить, каким должно быть совершенно справедливое общество»⁴⁶.

Ролз уверен в том, что принципы справедливости – это принципы современного демократического общества, но одновременно, это принципы, которые были бы выбраны в исходном положении. Но современное демократическое общество никогда не проходило стадии «исходного положения», и поэтому нужно объяснение того, как эти два независимых феномена – исходное положение и современное демократическое общество – могут войти в соприкосновение. «Очевидно, что для того, чтобы облегчить применение двух принципов справедливости, необходимо задать какие-то рамки. Рассмотрим три вида суждений, которые приходится выносить гражданину. Во-первых, он должен выносить суждения относительно справедливости законодательства и политики, проводимой в обществе. Но он также знает, что его мнения не всегда совпадают с мнениями других, так как суждения людей имеют тенденцию различаться, особенно когда затронуты их интересы. Во-вторых, следовательно, гражданин должен решить, какая конституционная организация общества будет справедливой для примирения конфликтующих мнений по поводу справедливости. Можно представить себе политический процесс в виде машины, принимающей социальные решения, когда на вход поступают точки зрения представителей и их избирателей. Гражданин будет считать одни способы конструирования такой машины справедливее других.

⁴⁶ Юм Д. Исследование о принципах морали // Д. Юм. Соч., т.2., гл. III, ч. 1. – М.: Мысль, 1965.

Поэтому полная концепция справедливости позволяет не только оценивать законы и политику, но и ранжировать процедуры для выбора именно того политического мнения, которое должно быть превращено в закон. Существует и третья проблема. Гражданин считает ту или иную конституцию справедливой и полагает, что определенные традиционные процедуры являются уместными, например, ограничение, в некоторых случаях, мажоритарного правления. Но так как политический процесс в лучшем случае – это процесс несовершенной процедурной справедливости, то гражданину нужно установить, когда со случаями применения правила большинства нужно соглашаться, а когда от них можно отказаться, не считая их более обязывающими. Короче говоря, он должен быть в состоянии определить основания и границы политических обязанностей и обязательств. Таким образом, теория справедливости вынуждена иметь дело с вопросами, по крайней мере, трех типов, что указывает на то, что может оказаться полезным представление о применении этих принципов как последовательности из трех стадий»⁴⁷.

Второй принцип справедливости в теории Ролза получил в литературе название «принцип экономической справедливости». Согласно Т.А. Алексеевой «основным экономическим институтом общества является рыночная система спроса и предложения. Поэтому он рассматривает открытый и конкурентный рынок как основу для накопления ресурсов, регулирования ценообразования, установления уровня спроса и предложения. Зарплаты и доходов, для принятия многих инвестиционных решений (в условиях частной собственности на средства производства капитала) и т.д. Тем не менее, рынок отнюдь не решает всех проблем и не обладает механизмом, автоматически приводящим к результатам, устанавливаемым его вторым принципом. Следовательно, возникает необходимость в создании еще каких-то институтов, способных обеспечить справедливость в условиях рыночной экономики»⁴⁸.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что справедливый экономический порядок поддерживается вторым принципом справедливости. А государство управляется справедливой конституцией, которая поддерживает два принципа справедливости Ролза

⁴⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 177-178.

⁴⁸ Алексеева Т.А. Справедливость. С. 87.

через подходящее законодательство. Ролз затрагивает вопрос экономических систем, но не отдает предпочтения ни одной из них, настаивая на том, что и капиталистические, и социальные институты совместимы со вторым принципом справедливости.

При обсуждении экономических вопросов справедливого общества Ролз в «Теории справедливости» делает акцент на вопросе, как поддерживаются равные возможности принципом различия. Он заключает, что честное, в противоположность формальному, равенство требует, чтобы правительство в дополнение к обычным видам основных социальных выгод старалось поддержать равные шансы на образование и культуру через ассигнования или систему публичного школьного образования, поощряло равенство возможностей в экономической деятельности, ограничивало монополизацию экономики и гарантировало минимальный доход.

Для проведения справедливой экономической политики, по мнению Ролза, правительство, устанавливающее такие сопутствующие институты, должно быть разделено на четыре ветви власти:

- 1) выделительная ветвь, которая занимается поддержанием работоспособной ценовой системы и предотвращает излишнюю власть рынка;
- 2) стабилизационная ветвь для поддержания полной занятости, и для поддержания, вместе с выделительной ветвью, эффективного состояния рынка;
- 3) ветвь безвозмездных социальных пособий, которая ответственна за обеспечение социального минимума;
- 4) распределительная ветвь для сохранения приблизительной справедливости в долевым распределении посредством налогообложения и необходимых поправок в правах собственности.

«Каждая ветвь состоит из различных органов или соответствующих видов деятельности, функция которых – сохранение определенных социальных и экономических условий. Эти подразделения не пересекаются с обычной структурой правительства, и должны пониматься совершенно отличным образом»⁴⁹.

Справедливость представляет собой центральный вопрос о воздействии общества на ситуацию с социальными субъектами при оценке

⁴⁹ Ролз Дж. Теория справедливости С. 246.

им собственной ситуации в связи с собственными целями.

Теория распределительной справедливости – одна из наиболее популярных примеров процедурной справедливости. Речь идет о создании справедливой процедуры. Более того, справедливость с этой точки зрения достигается практически без учета моральных усилий человека. Главной мотивацией является эгоизм. Стремясь максимизировать свое собственное эгоистическое благо, люди обеспечивают наивысшее благо для всех. Эгоизм творит благодеяние, порок создает общественное благо.

Основными задачами теории распределительной справедливости являются задачи оценки с моральной, или этической, точки зрения относительных преимуществ или недостатков распределения. То есть речь идет о принципах, по которым стоит судить об альтернативных возможных распределениях.

Рассмотрение принципа распределительной справедливости по большей части основывается на исследовании доктрины утилитаризма. Эта доктрина основана на принципе полезности. Данный принцип утверждает, что полезность (или просто хорошие вещи в жизни) должны распределяться согласно правилу «наибольшее число благ для наибольшего числа людей». Некоторые классические утилитаристы относят принцип полезности не только к распределению благ, но и к человеческим действиям вообще. Поскольку большинство человеческих действий имеют следствия, воздействующие на других людей благоприятно или неблагоприятно, они «распределяют» полезности. В этом смысле все человеческие действия становятся «распределением полезностей», и тогда принцип полезности становится критерием правильности или неправильности человеческих действий вообще.

Как считает Ролз, «главной проблемой распределительной справедливости является выбор социальной системы... Социальная система должна быть организована таким образом, чтобы итоговое распределение было справедливым, независимо от того, как сложатся дела. Для достижения этого результата необходимо поместить социальный и экономический процесс в окружение соответствующих политических и правовых институтов»⁵⁰. Без должной системы вышеуказанных институтов результат процесса распределения не будет справедливым.

⁵⁰ Там же. С. 245.

И, как уже излагалось выше, данные институты представляют собой разделение на четыре ветви.

Понятие чисто процедурной справедливости по Ролзу лучше всего понять в сопоставлении его с альтернативами – совершенной и несовершенной процедурной справедливостью. Совершенная процедурная справедливость имеет место тогда, когда мы имеем ясную и независимую идею справедливого результата и процедуры, которая ведет к этому результату. Ролз объясняет понятие совершенной процедурной справедливости на классическом делении торта. «Пусть имеется задача «справедливого» дележа торта между несколькими людьми. Наилучшим выходом будет разделение торта на равные доли, согласно числу человек. Этот справедливый результат достигается наличием процедуры, которая приводит к этому результату. В качестве такой процедуры можно представить себе следующее. Из числа претендентов выбирается «ведущий», который и делит торт. На него налагается условие, при котором он выбирает свой кусок последним. Ясно, что его способ разделения торта будет однозначным, если он преследует рационально свои цели: делить торт на равные части. В этом случае «справедливое» решение обеспечивается наличием простой и четкой «честной» процедуры»⁵¹.

Несовершенная процедурная справедливость получается тогда, когда мы имеем независимый критерий справедливого результата, но у нас нет процедуры, которая гарантировала бы его. Ролз считает, что примером несовершенной процедурной справедливости является уголовный суд. «Мы знаем при этом результат, к которому стремимся: невиновный должен быть оправдан, а виновный осужден. Но в случае суда этот результат отнюдь не гарантирован, и поэтому справедливость является несовершенной»⁵².

Идея Ролза состоит в том, что мы должны рассматривать распределительную справедливость как чисто процедурную. Чистая процедурная справедливость получается тогда, когда нет независимого критерия правильности результата, а вместо этого имеется правильная или честная процедура, такая, что результат, каким бы он ни был, скорей всего правилен или честен при условии, что процедуре следуют правильно.

⁵¹ Там же. С. 85.

⁵² Там же. С. 86.

Таким образом, по многим вопросам политики и экономики, следует опираться на чистую процедурную справедливость: законы и политика справедливы при условии, что они находятся в границах разрешенного диапазона и являются продуктом законодательства, которое, в некотором смысле, подкрепляется справедливой конституцией.

Здесь же лежит и оправдание договорной процедуры, используемой Ролзом. Если проблема нахождения подходящей базисной структуры для общества является делом чисто процедурной справедливости, тогда договорный путь имеет огромные преимущества. Мы конструируем исходное положение и саму проблему общественного договора таким образом, чтобы выбор базисной структуры делался в рамках того, что мы считаем честной процедурой.

Ролз построил свою «Теорию справедливости» так, что сначала устанавливается тот факт, что принципы справедливости являются желательными для управления базисной структурой, и после этого Ролз приступает к объяснению того, как принципы справедливости могут быть встроены в политические, юридические и экономические институты реального мира. Автор утверждает, что в его теории справедливость и благо совпадают, они «конгруэнтны»⁵³. Фактически, этот тезис задает тон всей теории Ролза. Исходя из того, что справедливость является столь расплывчатым понятием, что вряд ли можно ожидать от какой-либо теории совпадения по объему этого термина с термином «благо». В истории философии было много теорий, в которых «справедливость» имела и больший объем, и меньший по сравнению с объемом термина «благо». Установление конгруэнтности этих терминов является важнейшими целью и результатом любой теории справедливости. Поэтому мы должны уделить некоторое внимание тому, как Ролз демонстрирует эту конгруэнтность.

«Две основные концепции этики – это концепция правильности и концепция блага... Структура этической теории в этом случае, по большей части, зависит от того, как в теории определяются и увязываются два этих понятия. Кажется, что простейший способ их сопоставления предлагается телеологическим теориям: благо определяется

⁵³ Rawls J. The independence of Moral Theory // Proceeding and Addresses of the American Philosophical Association, 1974-1975. P. 47.

независимо от правильности, и тогда правильность определяется как то, что максимизирует благо»⁵⁴.

Ролз хочет показать, что правильность конгруэнтна с благом, поскольку при этом абстрактные принципы, им полагаемые, не конфликтуют с тем, что принято считать благом, то есть с существующими ценностями.

Здесь следует сделать два комментария, которые позволят прояснить этот чрезвычайно трудный вопрос. Принципы справедливости должны оказаться в качестве представления о справедливости приемлемыми для большинства граждан, что характерно для демократического общества. Подход Ролза к правильности, и тем самым к общим проблемам права как такового, как уже было указано выше, является в целом кантианским. Второй комментарий касается оснований самой концепции конгруэнтности. Здесь ситуация становится ясной из текста самого Ролза. «Теперь я хочу обратить внимание на основания конгруэнтности... Прежде всего, как того требует договорная доктрина, принципы справедливости публичны: они характеризуют общепризнанные моральные убеждения, разделяемые членами вполне упорядоченного общества... Поскольку другие обладают (и будут обладать) эффективным чувством справедливости, наш гипотетический индивид на самом деле рассматривает для себя вопрос о том, стоит ли притворяться человеком, обладающим определенными моральными чувствами, хотя он всегда готов действовать как «безбилетник», когда возникают обстоятельства, способствующие его личным интересам. Поскольку концепция справедливости публична, он обсуждает, следует ли установить систематический курс на обман и лицемерие, пропагандируя без веры, раз это способствует его целям, принятые моральные взгляды... В большинстве обществ положение таково, что за такое притворство не приходится платить большую цену, поскольку несправедливость институтов и низость других делает собственный обман легко переносимым; но во вполне упорядоченном обществе такого комфорта нет»⁵⁵. В последней фразе кроется суть подхода Ролза: вполне упорядоченное общество, принявшее два принципа справедливости, будет иметь адекватную им мораль.

Теория Ролза относится к деонтологическим теориям, поскольку

⁵⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 35.

⁵⁵ Там же. С. 492.

соблюдение двух принципов справедливости правильно, независимо от того, ведет ли оно к благу. Теория Ролза полагает нечто благом только в том случае, если оно совместимо с принципами справедливости, которые у нас уже имеются. Ввиду деонтологического характера теории справедливости, основанной на двух принципах Ролза, правильность имеет приоритет по отношению к благу. Конечно, нужно понимать, что сама концепция правильности тоже нуждается в уточнении, но как раз в этом пункте и видна кантианская направленность всей теории Ролза, поскольку влияние категорического императива очевидно⁵⁶.

М. Дж. Сэндел критикует представление деонтологической этики о моральном субъекте как независимой личности, способной выбирать цели, оценивать и пересматривать свои фундаментальные предпочтения и концепции блага. Ролз это сформулировал так: «Личность первична по отношению к целям, которые она утверждает; даже преобладающая цель должна выбираться из многочисленных возможностей»⁵⁷. А Сэндел полагает, что «невозможно проводить различие между целями и определяющими их ценностями, с одной стороны, и личностью – с другой. Цели и ценности конституируют личность. Ценностно «ненагруженная» личность пуста, она не в состоянии вообще сделать какой-либо выбор, если лишена предпочтений. Личность не выбирает цели, а скорее открывает их, будучи включенной в некий социальный контекст, разделяемый с другими»⁵⁸.

При рассмотрении принципов справедливости Ролза возникает подозрение, что реализация их в отношении принятия определенных благ, или определенной шкалы ценностей, не является однозначной. Действительно, сам Ролз говорит о возможности реализации слабой и бесспорной концепции блага – «так называемой слабой теории блага»⁵⁹. Участники соглашения предполагают, что благо для них представлено тем, что они выбрали бы при полном знании о результате своего выбора. При этом неизбежно было бы заключение о том, что благом являются некоторые «первичные блага». Мы оставляем в

⁵⁶ См.: Rawls J. Constructivism in Moral Theory // The Journal of Philosophy. – 1980. V. 88. P. 515-572.

⁵⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 484.

⁵⁸ Сэндел М. Дж. Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм: Сб. ст. / Пер. с англ. М., 1998, С. 213.

⁵⁹ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 352-356.

стороне сложный вопрос, что считать основными благами. Важно то, что личности в исходном положении выбирают такие принципы, при реализации которых они будут обладать долей таких первичных благ.

Как отмечает Т.А. Алексеева «Ролз ввел новую теорию блага как объекта распределительного интереса. Если моральность права обращается к нашему «я» и говорит о том, что людей различает, то моральность блага говорит о единстве людей, о том, что их связывает»⁶⁰.

Что касается вышеизложенного замечания Т.А. Алексеевой о том, что в вопрос о благе Ролз внес распределительный смысл, следует вернуться к вопросу о понятии чисто процедурной справедливости. Оно введено для того, чтобы понять природу понятия справедливости. При соотнесении этого понятия с этическими понятиями возникает искушение связать справедливость с некоторым этическим идеалом. При соотнесении справедливости с экономическими категориями есть искушение связать это понятие с каким-то конкретным способом распределения (например, по потребностям). Это противоречит замыслу Ролза. При наличии определенной базисной структуры правильность понимается как справедливое распределение благ. Но сама справедливость при этом понимается как результат выполнения публично принятых правил. Если таковые правила выбраны, тогда распределение является справедливым. Следовательно, справедливость – это не вопрос соглашения с некоторым идеалом или предпочтительной структурой распределения. Теория справедливости должна быть теорией чисто процедурной справедливости.

Такого рода современная реинтерпретация классического (прежде всего кантианского и неокантианского) философско-правового наследия определила высокий теоретический уровень творчества Дж. Ролза, при всей новизне и оригинальности его воззрений на проблему воплощения принципов справедливости и законности в современном правовом пространстве.

Теория справедливости Дж. Ролза обосновывает его идею права, которая концентрированно выражена относительно двух основных принципах справедливости⁶¹. Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных свобод для других. Второй принцип: социальные и

⁶⁰ Алексеева Т.А. Справедливость. С 31.

⁶¹ Ролз Дж. Теория справедливости. С.66.

экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы:

- а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и
- б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем.

Первый принцип является первичным по отношению ко второму.

Первый принцип требует, чтобы определенные виды правил, определяющие основные свободы, применялись равным образом ко всем, и чтобы они позволяли наибольшим свободам совмещаться с подобными свободами для всех. Единственная причина для ограничения основных свобод и для уменьшения сферы их действия состоит в том, что в противном случае они будут противоречить друг другу.

Принципы не позволяют обмена между основными свободами и экономическими и социальными приобретениями, за исключением извинительных обстоятельств. Основные свободы задаются перечнем таких свобод.

Ни один принцип не применяется к выделению конкретных благ конкретным индивидам, которые могут быть идентифицированы по имени.

Принципы предназначены для регулирования, в основном, базисных институциональных устройств⁶². Они выражают традиционный либеральный взгляд.

Согласно концепции справедливости Дж. Ролза все социальные ценности – свобода и благоприятные возможности, доходы и богатство, социальные основы самоуважения – все это должно быть равно распределено, кроме тех случаев, когда неравное распределение любой или всех из этих ценностей дает преимущество каждому.

В своей работе Джон Ролз попытался «обобщить и представить в виде теории высокой степени абстракции традиционную теорию общественного договора, выдвигавшуюся Локком, Руссо и Кантом»⁶³.

Для того, чтобы появилась возможность корректно применить ее к политико-правовым аспектам, необходимо совершить восхождение от абстрактного к конкретному⁶⁴. Первым шагом на пути такого восхождения, вероятно, целесообразно считать переход от теории «строгого согласия» (по Дж. Ролзу) к теории частичного согласия. Такого рода теория «исследует принципы, декларирующие,

⁶² Там же. С. 68.

⁶³ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 15.

⁶⁴ Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 152-156.

как следует «обращаться» с несправедливостью. Это включает такие темы, как теория наказания, доктрина справедливой войны и оправдание способов противодействия несправедливым режимам, от гражданского неповиновения и военного сопротивления до революции и восстания. Сюда же включаются вопросы компенсационной справедливости и сопоставление одной формы институциональной несправедливости с другой. Ясно, что проблемы теории частичного согласия являются неотложными, важными проблемами. Это вещи, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни»⁶⁵.

Идеальная же теория строгого согласия дает, по мнению Дж. Ролза, единственное основание для систематического осмысления этих более неотложных проблем.

Кроме того, в качестве субъектов справедливости в работе Дж. Ролза рассматриваются: законы, институты и социальные системы, конкретные действия, включая решения, суждения и обвинения, расположения и нерасположения людей, да и самих людей. При этом главным субъектом справедливости, по Дж. Ролзу, является базисная структура общества, т.е. способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделения социальной кооперации. Под основными институтами автор понимает конституцию и основные экономические и социальные устройства. К ним относятся: свобода мысли и свобода совести, свободный рынок, частная собственность на средства производства, моногамная семья и т.д.

Базисная структура – это первичный субъект справедливости. Эта структура содержит различные социальные положения. Институты общества с самого начала одни социальные положения ставят выше других, существенно углубляя неравенство между членами общества. «Справедливость социальной системы существенно зависит от того, как приписываются фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий в различных слоях общества»⁶⁶.

Таким образом, дальнейшая конкретизация концепции справедливости по Дж. Ролзу связана с переходом в политико-правовую сферу. В настоящее время существует множество определений права. На наш

⁶⁵ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 24.

⁶⁶ Там же. С. 25.

взгляд, наиболее подходящими для рассматриваемой проблемы являются следующие определения:

- Право – это система общеобязательных, установленных и обеспеченных государством норм, предназначенных для регулирования отношений в обществе⁶⁷;
- Право – это система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы, выраженная большей частью в законодательстве и регулирующая общественные отношения⁶⁸.

Право как система состоит из дозволений, запретов и обязываний⁶⁹. Оно имеет неперсонофицированный, неконкретный общий характер. Право устанавливается государственными органами, государством же гарантирована его реализация. Сущность права состоит в его социальном назначении – в регулировании общественных отношений, в организации управления обществом.

Право – выразитель справедливости, по своему назначению оно противостоит несправедливости (юстиция в переводе с латинского означает справедливость). Право определяет меру свободы личности в обществе, право и свобода личности неотделимы друг от друга, право определяет границы свободы. Право является средством утверждения нравственных начал в общественной жизни.

В качестве общих начал права принимают принципы права, которые содержат начала гуманизма, демократизма в формировании и реализации права, законности, равенства всех перед законом, взаимную ответственность государства и гражданина. «Принципы права – это общие начала права, отражающие его подчинение «веляниям справедливости» в том виде, как последняя понимается в определенную эпоху и определенный момент»⁷⁰.

⁶⁷ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. – М.: Спартак, 1998. С.10.

⁶⁸ См.: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. Бабаева В.К. – Н. Новгород, 1993. С.111.

⁶⁹ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989; Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 160 с.; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. 3-е изд., дополн. и перераб. – М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

⁷⁰ Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1988. С.145, 322.

Право реализуется через правовые нормы, которые представляют собой одну из разновидностей социальных норм общества.

Без существования правил, регулирующих поведение людей, было бы невозможным и существование общества. Традиционно все нормы по предмету регулирования подразделяются на две большие группы: так называемые социальные нормы, которые регулируют отношения между людьми, их объединениями, и так называемые технические нормы, которые регулируют отношения между человеком и внешним миром, т.е. природой и техникой.

Социальные нормы служат для регулирования общественных отношений. Они представляют собой средство социального управления. Действие социальных норм приводит к общественному порядку⁷¹.

По способам установления и обеспечения принято различать:

- нормы права – правила поведения, установленные и обеспечиваемые государством;
- нормы морали (нравственности) – правила, складывающиеся в соответствии с представлениями людей о добре и зле, справедливости и несправедливости и т.п., т.е. в соответствии с моральными представлениями;
- обычаи (традиции, обряды, ритуалы, деловые обыкновения) – правила, складывающиеся исторически и вследствие их многократного применения вошедшие в привычку людей⁷²;
- корпоративные нормы (нормы организаций) – правила поведения организациями или сложившиеся в организациях и распространяющиеся на их членов.

Когда говорят о соотношении норм права с другими социальными

⁷¹ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. – М.: Спартак, 1998. С.156.

⁷² См.: Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66; Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22; Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31; Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.

нормами, чаще всего имеют в виду три момента: их единство, различия и взаимодействие.

Единство заключается в том, что и нормы права, и нормы морали, и корпоративные нормы, и обычаи – все они относятся к социальным нормам и обладают общими признаками последних.

Различия, существующие между нормами права и иными социальными нормами, устанавливаются по следующим критериям. Во-первых, по происхождению: нормы права издаются государственными органами, корпоративные – вырабатываются соответствующими организациями; нормы нравственности и обычаи возникают постепенно в процессе развития общества. Во-вторых, по форме выражения. Нормы права фиксируются в официально издаваемых органами государства нормативных актах, это свойство права принято называть «формальная определенность», причем таким свойством не обладают иные социальные нормы. В-третьих, по сфере действия. Нормы права регулируют отношения, поддающиеся правовому регулированию и объективно требующие его; это, как правило, наиболее важные общественные отношения. Иные социальные нормы также могут регулировать общественные отношения, на которые распространяют свое действие правовые нормы⁷³.

С другой стороны, нормы морали, обычаи и корпоративные нормы регулируют также и отношения, выходящие за пределы правового регулирования. Кроме того, нормы права распространяют свое действие на всех лиц, находящихся в пределах территории государства или административно-территориальной единицы. Обычаи и корпоративные нормы имеют локальный характер. Многие нормы морали не знают государственных границ, хотя нравственные представления в отдельных странах в разное время могут значительно отличаться. В-четвертых, по степени детализации. Нормы права как правила поведения в конкретных ситуациях отличаются большей степенью подробности. Таким же качеством обладают и корпоративные нормы. Обычаи вообще максимально приближены к конкретным ситуациям. Нормы же морали не содержат строгих и детализированных правил, а являются, прежде всего, общими принципами, которым стараются следовать люди в своем поведении. В-пятых, по способу обеспечения.

⁷³ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. – М.: Спартак, 1998. С.157.

Все социальные нормы в массе своей соблюдаются и исполняются добровольно, под влиянием внутренней убежденности людей. Но за нормами права в случае их неисполнения стоит возможность государственного принуждения. Внешние гарантии соблюдения иных социальных норм в большинстве случаев – сила общественного мнения, возможность применения мер общественного воздействия. Сила общественного мнения проявляется как совокупная воля членов тех или иных социальных групп либо органов формальных общественных организаций. В случае противоречия правовых норм иным социальным нормам почти всегда преимущество имеют первые, как более обеспеченные. Впрочем, иногда бывает и наоборот: когда очевидна несправедливость того или иного нормативного акта, когда сами государственные органы и должностные лица признают абсурдность изложенных в официальных документах предписаний, когда реализация норм права обеспечена недостаточно.

В-шестых, по тенденциям развития. Нормы права появляются только на определенном этапе развития общества. В современных условиях в связи с усложнением общества роль и значение права как эффективного средства социального управления увеличивается (в марксистской теории государства и права было принято говорить о том, что право в будущем должно отмереть⁷⁴).

Одно из свойств права – динамизм: устаревшие нормы права легко заменить на новые, издав соответствующий нормативный акт. Обычаи и нормы морали появились значительно раньше права, они более консервативны, складываются не сразу и быстро не исчезают.

Индивидуальное сознание человека складывается в процессе взросления и развития преимущественно под воздействием нравственных, обычных и корпоративных (например, религиозных) норм. Поэтому для того, чтобы нормы права действовали наиболее эффективным образом, они с необходимостью должны обращаться к внеправовым категориям и ценностям. Право должно быть глубоко нравственным, отвечать принципам справедливости, иначе оно не получит признания в обществе. Если мы проанализируем нормы права, содержащиеся в самом главном нормативном акте любого демократического государства – конституции, то увидим, что большинство из них

⁷⁴ См.: Ленин В.И. Государство и революция: Полн. Собр. Соч. Т.33 С.86-91.

не противоречит, а, напротив, соответствует нормам морали, обычаям, корпоративным нормам. Различные социальные нормы оказывают влияние на право как в сфере правотворчества, так и в сфере правоприменения.

Возможны варианты, когда право вступает в противоречие с иными социальными нормами, в частности, когда правотворческие органы, преследуя свои узкогрупповые или классовые интересы, издают несправедливые нормативные акты. Остро стоит вопрос об исполнении или неисполнении подобных официальных документов. С одной стороны, их необходимо исполнять, ведь за правом всегда стоит возможность государственного принуждения. Но, с другой стороны, во многих случаях исполнение несправедливого нормативного акта может привести к крайне нежелательным последствиям как для государства, так и для отдельных людей. Таким образом, это первый вариант: когда «плохое» право противоречит «хорошим» социальным нормам. Второй вариант – когда «хорошее» право не соответствует «плохим» социальным нормам. Такое положение может возникнуть из-за консервативности обычаев и норм морали. Государство заинтересовано в скорейшем устранении пережитков родоплеменных обычаев, которые несовместимы с современной организацией человеческого общежития (неравенство женщин, кровная месть и т.д.). Поэтому государство борется с подобными явлениями при помощи права.

Первичным субъектом принципов социальной справедливости является базисная структура общества, т.е. устройство главных социальных институтов в рамках одной схемы кооперации.

Под институтом Дж. Ролз понимает публичную систему правил, которые определяют должность и положение с соответствующими правами и обязанностями, властью и неприкосновенностью и т.д.⁷⁵. Эти правила определяют формы действий, одни в качестве разрешенных, а другие – в качестве запрещенных. По ним же наказывают одни действия и защищают другие, когда происходит насилие.

Исходя из того, что институт, и следовательно, базисная структура общества, есть публичная система правил, каждый включенный в нее человек знает, что правила требуют от него и других. Он также знает, что это знают и другие, и что они знают, что он знает, и т.д. Принципы

⁷⁵ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. С. 22-24.

справедливости должны прилагаться к социальным устройствам, являющимся в этом смысле публичными. Публичность правил для институтов гарантирует, что тот, кто участвует в них, знает, какие ограничения на поведение ожидать друг от друга, и какие действия позволяемы. При этом имеется общее основание для определения взаимных ожиданий. В конструировании и реформировании социальных устройств необходимо различать схемы и тактики, которые в них позволяются, и формы поведения, которые поощряются. Идеально правила должны быть устроены так, чтобы люди, ведомые своими преобладающими интересами, поступали в русле содействия социально желательным целям⁷⁶.

Вполне возможно вообразить такую ситуацию, что социальная система несправедлива, хотя ни один из ее институтов, взятый отдельно, не является несправедливым: несправедливость есть следствие того, как они скомбинированы в одну систему. Существуют такие институты, по отношению к которым концепция справедливости не приложима в обычном смысле (например, ритуалы).

Предположим, что существует определенная базисная структура. Ее правила удовлетворяют определенной концепции справедливости, ее институты управляются беспристрастными и последовательными судьями и другими официальными лицами. «Такое беспристрастное и последовательное управление законами и институтами, каковы бы ни были их основные принципы, мы можем назвать формальной справедливостью. Если мы считаем, что справедливость всегда выражает определенный вид равенства, тогда формальная справедливость требует, чтобы законы и институты применялись равно (т.е. одинаковым образом). Формальная справедливость есть приверженность принципу, или, как часто говорят, «повиновение системе»⁷⁷.

Все зависит от принципов, согласно которым построена базисная структура. Тем не менее формальная справедливость, или справедливость как правильность исключает серьезные случаи несправедливости. Неизбежная расплывчатость законов в общем и широкая сфера дозволяемой их интерпретации поощряет произвол в решениях, который может быть уменьшен лишь приверженностью к справедливости.

⁷⁶ См.: Там же. С. 61.

⁷⁷ Perelman Ch. The idea of Justice and the Problem of Argument . – L., 1963. P. 41.

В главе IV своего труда Ролз поясняет, как принципы справедливости должны применяться к институтам. Для этого он рассматривает последовательность из четырех стадий. Эта последовательность из четырех стадий является механизмом для применения принципов справедливости к институтам⁷⁸.

Автор полагает, что после того, как стороны приняли принципы справедливости в исходном положении, они переходят к конституционному собранию. Здесь они должны принять решение относительно справедливости политических форм и выбрать конституцию: они, так сказать, являются делегатами такого собрания. Ограниченные уже выбранными ими принципами справедливости, стороны должны разработать систему конституционных полномочий правительства и систему основных прав граждан. При этом «занавес неведения» частично поднимается. Теперь они знают какие-то общезначимые факты о своем обществе. Имея знание о принципах справедливости и соответствующие факты о своем обществе, они должны выбрать наиболее эффективную справедливую конституцию. В идеале справедливая конституция была бы справедливой процедурой, предназначенной для обеспечения справедливого конечного результата. Такой процедурой был бы политический процесс, управляемый конституцией, конечным результатом – возникший законодательный орган, в то время как принципы справедливости задавали бы независимый критерий как для процедуры, так и для конечного результата.

На самом деле не существует схемы процедурных политических правил, которая гарантированно препятствовала бы принятию несправедливого законодательства. При конституционном режиме, и любом другом политическом устройстве, идеал совершенной процедурной справедливости реализовать невозможно. Лучшая из возможных достижимых схем – схема несовершенной процедурной справедливости.

Следующий этап, таким образом, заключается в выборе из различных процедур, являющихся одновременно и справедливыми, и достижимыми, таких, которые с наибольшей вероятностью приведут к справедливому и эффективному правовому устройству. Для разумного разрешения этой проблемы требуется знание о верованиях и интересах

⁷⁸ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. С. 64-65, 178.

людей в условиях, в которых они находятся. Предполагается, что делегатам известны эти вещи. Теперь, в качестве следующего шага мы переходим к рассмотрению стадии законодательства. В этом случае необходимо дать оценку справедливости законов и политики с точки зрения законодателя, который не имеет какой-либо конкретной информации о себе самом.

Законы должны удовлетворять не только принципам справедливости, но и любым ограничениям, заложенным в конституции. Взаимным приспособлением последовательных стадий конституционного и законодательного собраний находится лучшее решение⁷⁹. Далее Ролз полагает разделение труда по стадиям, на каждой из которых решаются различные вопросы социальной справедливости. Такое разделение примерно соответствует двум частям базисной структуры. Первый принцип равной свободы является первичным стандартом для конституционного собрания. Его главные требования – защита фундаментальных личных свобод, а также и в том, чтобы политический процесс был в целом справедливой процедурой. Второй принцип начинает работать на стадии законодательства. Он требует, чтобы социальная, правовая и экономическая политика была нацелена на максимизацию долговременных ожиданий наименее преуспевших в условиях честного равенства возможностей при сохранении равных свобод.

Вторая часть базисной структуры содержит различия и иерархии политических, правовых, экономических и социальных форм, необходимых для эффективного и взаимовыгодного социального сотрудничества. Таким образом, приоритет первого принципа справедливости над вторым отражен в приоритете конституционного собрания над стадией законодательства.

Последняя стадия – это стадия конкретного применения правил субъектами политико-правовой системы и следования им гражданами вообще. На этой стадии все имеют полный доступ ко всем фактам. Не остается никаких ограничений на знание, так как уже принята полная система правил, которые применяются к людям в зависимости от их характеристик и условий, в которых они находятся. Проблема, обсуждаемая на этой стадии, относится к теории частичного согласия⁸⁰.

⁷⁹ См.: Там же. С. 179, 180.

⁸⁰ См.: Там же. С. 181, 139.

К правовым формам конституционализма, по Ролзу, можно добавить некоторые виды неправового протеста, не нарушающие цели демократической конституции в свете принципов, посредством которых управляется это несогласие. Имеющее оправдание гражданское неповиновение обычно является разумной и эффективной формой несогласия только в обществе, которое в значительной степени регулируется чувством справедливости⁸¹. Весьма вероятно, что чувство справедливости сообщества проявится в том факте, что большинство не сможет решиться на шаги, необходимые для подавления меньшинства и наказания актов гражданского неповиновения, как это позволяет закон.

Итак, чувство справедливости влияет, на нашу интерпретацию политической жизни, хотя мы часто не осознаем этого, наше восприятие возможных альтернатив, нашу волю противостоять оправданным протестам других и т.д. Несмотря на свою верховную власть, большинство может отказаться от своей позиции и согласиться с предложениями протестующих; его желание действовать по справедливости ослабляет его возможности защищать свои несправедливые преимущества.

Существует, конечно, определенный риск в обращении к гражданскому неповиновению⁸². В связи с этим, одной из задач конституционных форм и их юридической интерпретации является необходимость публичного прочтения политической концепции справедливости и объяснение того, как ее принципы применяются к социальным вопросам. Тем не менее, каждый человек должен принимать собственные решения. Даже если люди обычно ищут совета и помощи и принимают предписания тех, кто находится у власти, когда считают их разумными, они всегда ответственны за свои поступки. Это верно в любой теории политических обязанностей и обязательств, совместимой с принципами демократической конституции. Гражданин

⁸¹ См.: Там же. С. 339.

⁸² См.: Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972; Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989; Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 3-9; Керимова Т.В. Риск в жизни современного человека // История и личность. Труды СГУ. – 2001. – Вып. 30; Лукьянов Г.И. Риск в жизни человека и общества. – М.: СГА, 2004; Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.

автономен, однако несет ответственность за свои поступки. Принимая решения, мы не должны опираться на наши личные интересы или узко понимаемые политические пристрастия. Для того, чтобы действовать автономно и ответственно, гражданин должен обращаться к политическим принципам, которые лежат в основе конституции и руководят ее интерпретацией.

Таким образом, в демократическом обществе признается, что каждый гражданин ответственен за свою интерпретацию принципов справедливости и за свое поведение в свете этих принципов.

Не может быть какого-либо правового или одобренного обществом изложения этих правил, которые мы всегда морально обязаны принять, даже если оно дается верховным судом или законодательным собранием.

Действительно, каждый конституционный орган, законодательное собрание, исполнительная власть и суд выдвигают свою интерпретацию конституции и тех политических идеалов, которые ее наполняют. Хотя суд и может иметь последнее слово в решении любого конкретного случая, он не обладает иммунитетом к мощным политическим влияниям, которые могут вызвать пересмотр его прочтения конституции. Суд представляет свою доктрину разумно и аргументировано; его концепция конституции, чтобы быть устойчивой, должна убедить большинство граждан в обоснованности. Последний орган для апелляций – это не суд, не исполнительные органы, не законодательное собрание, а избиратели в целом. Прибегающие к гражданскому неповиновению апеллируют особым образом к этому органу. Угрозы анархии нет до тех пор, пока существует достаточное согласие в имеющихся у граждан концепциях справедливости, и уважаются условия для обращения к гражданскому неповиновению. Не существует способа полностью избежать опасности разделяющей общество борьбы. Однако, если кажется, что оправданное гражданское неповиновение угрожает гражданскому согласию, ответственность падает не на тех, кто протестует, но на тех, чье злоупотребление должностью и властью оправдывает такую оппозицию. Использование принуждающего аппарата государства для поддержания очевидно несправедливых институтов само по себе является видом незаконной силы, которой люди со временем имеют право противостоять.

Применение теории «частичного согласия» к правовым институтам

осуществляется Ролзом при обсуждении случаев гражданского неповиновения и уклонения от воинской службы по каким-либо мотивам в близком к справедливому обществу.

Таким образом, Ролзом рассмотрен детально вопрос неидеальной теории – это гражданское неповиновение в близком к справедливому обществе. При этом идеальная теория является фундаментальной частью теории справедливости и существенна также и для неидеальной теории.

В целом, знакомство с концептуальными посылками и основными выводами Дж. Ролза подтверждает положение классической философии права о том, что нормы права наиболее эффективны тогда, когда они коррелируются с внеправовыми категориями и ценностям, такими как справедливость, свобода, мораль и т.п. Право должно иметь отчетливо выраженное нравственное измерение, отвечать принципам справедливости, иначе оно не получит признания в обществе. При этом нормы нравственности оказывают постоянное влияние на право.

Приступая к детальному обсуждению вопроса об интерпретации Дж. Ролзом проблемы отношения справедливости и права, следует иметь в виду прежде всего то, что его научное творчество в значительной мере отличается от традиционной практики построения научных теорий. Оно в самой значительной мере ориентировано на практику, строится как научная система прежде всего практического действия. В этом смысле творчество Дж. Ролза хотя формально и осуществляется в русле традиций аналитической философии, но может рассматриваться как современная реализация идеала науки и научности выдвинутого в свое время И. Г. Фихте. Научное творчество Дж. Ролза имело прежде всего методологический характер, поскольку в большей мере ориентировалось не на формулировку законченных результатов, а на формирование коммуникативного поля для выработки общих легитимных принципов справедливости и их закрепления в нормах права.

Таким образом можно рассматривать философию права Дж. Ролза как своего рода синтез аналитической философии и неокантовской философско-правовой традиции, весьма близкой к ее фихтеанской (или неофихтеанской) интерпретации. Действуя в таком концептуально-методологическом поле, Дж. Ролз задает новые параметры практической реализации деятельности научного юридического

сообщества. Актуализация этого опыта может дать новый импульс развитию правовой науки в России, содействовать ее ориентации на практику с использованием современных методов воздействия на общественное правосознание.

Глава 2.

КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖ. РОЛЗА И НОРМЫ ПРАВА

1. Правление закона и идея справедливости в политико-правовом учении Дж. Ролза

Согласно Ролзу, правильное и беспристрастное и в этом смысле честное исполнение закона мы можем назвать «справедливость как правильность». Это словосочетание богаче смыслом, чем ранее обсуждавшаяся «формальная справедливость».

Концепция правильного и беспристрастного использования публичных правил в применении к юридической системе становится, по его выражению, «правлением закона». Правление закона явно связано со свободой. В этом можно убедиться, рассмотрев понятие правовой системы и ее тесную связь с предписаниями, характеризующими справедливость как правильность.

Правовая система является обязывающей иерархией общественных правил, адресованных рациональным индивидам с целью регулирования их поведения и создания рамок для социальной кооперации. Когда эти правила справедливы, они образуют основу для законных ожиданий. Они представляют собой основания, на которых люди могут полагаться друг на друга и по праву протестовать, когда их ожидания не оправдываются. Если основания для таких притязаний неустойчивы, неустойчивы и границы свобод человека. Отличительной чертой правовой системы является ее всеобъемлющий характер и регулятивные возможности по отношению к другим ассоциациям⁸³. Определяемые ею конституционные органы обычно поль-

⁸³ См.: Тиунова Л.Б. О понятии правовой системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1985. – № 1. – С. 23-30; Правовая система социализма: В 2-х кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. – М.: Юрид. лит, 1986. – 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. – М.: Юрид. лит, 1987. – 328 с.; Бельсон Я.М., Сальников В.П., Тиунова Л.Б., Экимов А.И. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. М., Юридическая литература. 1986. 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. М., Юридическая литература. 1987.

зуются исключительным юридическим правом, по крайней мере, на более крайние формы принуждения. Виды принуждения, которые могут применять частные ассоциации, строго ограничены. Более того, правовой порядок устанавливает окончательные полномочия над некоторой четко определенной территорией⁸⁴.

Еще одна его характеристика – широкий спектр регулируемых им действий и базисная природа интересов, которые он призван защищать. Эти характеристики просто отражают тот факт, что закон определяет базисную структуру, в рамках которой происходит преследование всех остальных интересов. Принимая, что юридический порядок – это система общественных правил, адресованных рациональным индивидам, мы можем объяснить предписания справедливости, которые ассоциируются с правлением закона. Это, конечно, не значит, что существующие законы с необходимостью удовлетворяют этим предписаниям во всех случаях. Скорее эти максимы следуют из некоторого идеального представления, к которому, как ожидается, должны приближаться законы, по крайней мере, в большей своей части. Смысл представления правового порядка в виде системы общественных правил состоит в том, что он позволяет нам вывести предписания, связанные с принципом легальности. Более того, мы можем

328 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 89-92. Синуков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994; Синуков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правореализации: Учебное пособие. – Саратов: Саратовская высшая школа МВД России, 1995; Загрядский Г.В. Правовые системы современности. – М., 1995; Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ярославль, 1998; Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 1999; Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. – СПб., 1991; Шумилов В.М. Правовая система США. – М., 2003; Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В 2-х т. – Ярославль: ЯрГУ, 2005-2006; Затонский В.А., Малько А.В. Правовая система – ключевой компонент государственности, качественная основа правовой жизни общества // Российский юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 14-23;

84 См.: Явич Л.С. Социалистический правопорядок. – Л., 1972; Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. – Саратов: Саратовский ун-т, 1977. – 408 с.; Сауляк О.П. К вопросу о ценности правопорядка // Право как ценность: многообразие исторических форм и перспективы развития. – Сочи, 2004. – С. 97-101; Пакус О. Правопорядок как единство публичного и диспозитивного интересов // Философия права. – 2006. – № 3. – С. 86-88; Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 224 с.; Селифонов А.А. Общественный порядок: опыт исследования: Монография. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2011.

сказать, что при прочих равных условиях один правовой порядок осуществляется справедливее другого, если он лучше следует предписаниям правления закона. Он даст более надежную основу для свободы и более эффективные средства для создания схем кооперации. Однако поскольку эти предписания гарантируют лишь беспристрастное и правильное применение правил, каковыми бы они ни были, они совместимы с несправедливостью. Они налагают довольно слабые ограничения на базисную структуру, но такие, которыми ни в коем случае нельзя пренебречь.

Начнем с предписания, согласно которому «следует» влечет «можно». Это предписание определяет несколько очевидных характеристик правовых систем. Прежде всего, действия, требуемые законом, а также запрещенные им, должны быть такого рода, чтобы давать людям возможность либо их выполнить, либо от них уклониться. Система правил, адресованная рациональным индивидам для организации их поведения, предписывает то, что они могут, а чего не могут делать. Она не должна обязывать делать то, что сделано быть не может.

Законодатели, судьи и другие представители системы власти должны верить, что этим законам можно подчиняться, и они должны предполагать, что любые отдаваемые приказы могут быть выполнены. Законы и команды принимаются в качестве таковых, если существует всеобщее мнение, что им можно повиноваться, и что они выполнимы. Наконец, это правило выражает требование о том, что правовая система не должна признавать результат действия в качестве оправдывающего или, по крайней мере, смягчающего обстоятельства. Применяя законы, правовая система не может считать неспособность к действию несущественным обстоятельством. На свободе лежал бы невыносимый груз, если бы юридическая ответственность не ограничивалась обычно только теми действиями, выполнять или не выполнять которые в нашей власти.

Правление закона также подразумевает и предписание, согласно которому подобное трактуется подобным образом. Предписание, согласно которому в подобных случаях должны применяться подобные решения, значительно ограничивают свободу действий судей и других представителей власти. Требование последовательности распространяется, конечно, на интерпретацию всех правил и на обоснование на всех уровнях.

Предписание, согласно которому не бывает преступления без закона, и подразумеваемые следствия также вытекают из понятия правовой системы. Это предписание требует, чтобы законы были известны и целенаправленно распространялись, чтобы их смысл был точно определен, чтобы законодательные акты носили общий характер, как в выражении, так и в намерении, и не использовались для нанесения вреда определенным индивидам (лишения прав конкретных людей), чтобы, по крайней мере, наиболее серьезным нарушениям давалось строгое толкование⁸⁵, и чтобы уголовные законы не имели обратного действия и не были во вред тем, к кому они имеют отношение.

Наконец, существуют такие предписания, которые определяют понятие естественной справедливости. Это директивы, предназначенные для сохранения целостности юридического процесса.

Если законы – это директивы, адресованные рациональным индивидам для направления их деятельности, суды должны быть озабочены тем, чтобы применять и претворять в жизнь эти правила подходящим образом. Нужно предпринять сознательное усилие, чтобы определить, имело ли место нарушение, и применить подходящее наказание. Так, правовая система должна предусматривать проведение регулярных судебных процессов и слушаний, она должна содержать правила доказательства, гарантирующие рациональные процедуры расследования. Хотя в этих процедурах существуют вариации, правление закона требует надлежащего процесса, т.е. разумно разработанного процесса установления истины методами, согласующимися с другими целями правовой системы, установления того, имело ли место нарушение и при каких условиях. Например, судьи должны быть независимы и беспристрастны, и никто не может быть судьей в своем собственном деле. Судебные процессы должны быть честными и открытыми и не принимать в расчет требования публики. Предписания естественной справедливости должны обеспечить беспристрастное и правильное исполнение правового порядка. Теперь связь правления закона со свободой становится яснее. Свобода, по мнению Ролза, это комплекс прав и обязанностей, определяемых институтами. Различные свободы

⁸⁵ См.: Жими́ров В.Н., Сальников В.П., Веле́жев С.И. Интерпретация правовых текстов: структурно-функциональный анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 2(22). – С 6-10.

указывают на действия, которые мы можем выбрать, если того пожелаем, и которым (когда природа данной свободы это позволяет) другие обязаны не препятствовать. Но если нарушается правило «не бывает преступления без закона», скажем в силу неясности и неопределенности законодательных актов, становится неясным и неопределенным, что же именно мы свободны делать. И в какой степени, в которой это так, свобода ограничена оправданным страхом применения этого закона. Аналогичные следствия вытекают, если подобные случаи не решаются подобным образом, если юридический процесс не обладает внутренней цельностью, если закон считает возможным признавать результат действия в качестве оправдывающего обстоятельства и т.д. Принцип легальности, таким образом, имеет прочное основание в согласии рациональных индивидов установить для себя максимальную равную свободу. Для того, чтобы быть уверенными в обладании этими свободами и их реализации, граждане во вполне упорядоченном обществе наверняка захотят сохранения правления закона.

Таким образом, даже в относительно идеальных условиях трудно представить, например, работающую схему подоходного налога, основанную на добровольном согласии⁸⁶. Такое устройство нестабильно. Роль полномочной публичной интерпретации правил, подкрепленных коллективными санкциями, заключается именно в преодолении этой нестабильности.

Применяя публичную систему наказаний, правительство устраняет основания для предположения о том, что другие не подчиняются правилам. Представляется, что уже по одной этой причине всегда необходим принуждающий правитель, хотя во вполне упорядоченном обществе санкции не являются суровыми, и, возможно, нужда в них никогда не возникнет. Дело, скорее, в том, что существование эффективного карающего механизма служит людям взаимной страховкой. Эту мысль и стоящее за ней рассуждение мы можем считать тезисом Гоббса.

⁸⁶ См.: Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4. – С. 24-32; Сальников М.В., Щепкин С.С. Эволюция института налогов в контексте развития общества // Юридический мир. – 2004. – № 10. – С. 76-84; Корнилов Г.А., Миронов В.С. Противодействие криминальным угрозам в сфере налогообложения – национальный интерес России: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.В. Мозякова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 224 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).

Создавая такую систему санкций, стороны, принимающие участие в конституционном собрании, должны взвесить ее недостатки. Эти недостатки, по крайней мере, двух типов: расходы по поддержанию такого органа, покрываемые, скажем, за счет налогов; и второй тип – опасность для свободы репрезентативного гражданина, измеряемая вероятностью того, что эти санкции станут помехой его свободе. Образование принуждающего органа рационально только в том случае, если эти недостатки меньше, чем потеря свободы вследствие нестабильности. Предполагая, что это так, лучшая организация будет такой, которая минимизирует эти опасности. Хотя принуждающий механизм необходим, очевидно, что важно точно определить тенденцию его функционирования.

Зная, какие именно действия он наказывает, и зная, что в их власти либо выполнять, либо не выполнять эти действия, граждане соответствующим образом могут составить свои планы. Тот, кто подчиняется объявленным правилам, может никогда не опасаться ущемления своей свободы.

Из предыдущих замечаний ясно, что даже для идеальной теории мы нуждаемся в перечне, хотя бы и очень ограниченном, карательных санкций. Ролз утверждает, что принципы, оправдывающие эти санкции, могут быть выведены из принципа свободы. Идеальная концепция здесь в любом случае показывает, как должна быть устроена неидеальная схема; и это подтверждает предположение о том, что фундаментальной является именно идеальная теория. Мы также видим, что принцип ответственности не основан на идее о том, что наказание носит по преимуществу характер возмездия или обвинения. Скорее оно признается во имя самой свободы. В том случае, если граждане не имеют возможности знать, каков закон, и не имеют возможности принять во внимание его требования, карательные санкции применяться к ним не должны.

Таким образом, концепция правильного и беспристрастного использования публичных правил в применении к юридической системе, становится правлением закона, а правление закона связано со свободой. Свобода, по мнению Ролза – это комплекс прав и обязанностей, определяемых правовыми институтами. Роль полномочной публичной интерпретации правил, подтвержденных коллективными санкциями, заключается в преодолении нестабильности

общественного устройства.

Применяя публичную систему наказаний, правительство устраняет основания для предположения о том, что другие не подчиняются правилам. Представляется, что уже по одной этой причине всегда необходим принуждающий правитель. Отсюда следует тот же вывод, который мы предложили чуть раньше: в том числе для идеальной теории существует необходимость в перечне карательных санкций и принципы, оправдывающие эти санкции, по Ролзу, могут быть выведены из принципа свободы. Идеальная концепция предполагает неидеальную схему.

В силу существования в обществе серьезных разногласий, нет способа предотвратить некоторые несправедливости. Все, что можно сделать – это ограничить эти несправедливости наименее несправедливым образом. Таким образом, аргументы за ограничение свободы следуют из самого принципа свободы. До некоторой степени приоритет свободы переносит свои следствия на теорию частичного согласия. Неблагоприятные обстоятельства и несправедливые замыслы некоторых людей делают необходимой гораздо меньшую свободу, чем та, которой пользуются во вполне упорядоченном обществе.

В целом политико-правовая справедливость имеет два аспекта, возникающие из того факта, что справедливая конституция есть случай несовершенной процедурной справедливости. Во-первых, конституция должна быть справедливой процедурой, удовлетворяющей требованиям равной свободы; во-вторых, она должна быть организована таким образом, чтобы из всех достижимых справедливых устройств, с большей вероятностью, чем другие, приводить в результате к справедливой и эффективной системе законодательства. Справедливость конституции должна оцениваться по обоим параметрам, и эти оценки должны делаться с точки зрения конституционного собрания.

Принцип равной свободы в применении к политической процедуре, определяемой конституцией, Ролз называет принципом равного участия. В соответствии с ним все граждане должны иметь равное право принимать участие в конституционном процессе и определять его результат, когда устанавливаются законы, которым они должны подчиняться. Справедливость как честность начинается с идеи о

том, что когда общие принципы необходимы и выгодны всем, они должны вырабатываться с точки зрения исходной ситуации равенства, в которой каждый индивид надлежаще представлен. Принцип участия переносит это понятие из исходного положения на конституцию как на систему социальных правил высших порядков, предназначенную для создания правил. Если государство должно осуществлять окончательную власть и принуждение на определенной территории и, таким образом, влиять на жизненные перспективы людей, то конституционный процесс должен сохранить равное представительство исходного положения в той степени, в какой это осуществимо.

Рассмотрим некоторые элементы конституционного режима. Прежде всего, полномочия определять основную социальную политику находятся у представительного органа, избранного на ограниченный срок избирателями и в конечном счете подотчетного им. Это законодательный орган, обладающий властью принимать законы, а не просто форум делегатов из разных секторов общества. Конституция может, конечно, ограничивать законодательное собрание во многих аспектах, а конституционные нормы могут определять его функции как парламентского органа. Но по ходу времени твердое большинство избирателей в состоянии будет достичь своих целей, и если необходимо, то с помощью конституционных поправок.

Выборы должны быть честные, свободные и регулярные. Существуют прочные конституционные способы защиты определенных свобод, особенно свободы слова и собраний и свободы создавать политические ассоциации. Признаются принципы лояльной оппозиции и столкновение политических мнений, а интересы и установки, которые могут оказывать на них влияние, принимаются в качестве нормального условия человеческой жизни. Отсутствие единогласия – это одно из условий справедливости, так как разногласия обязательно будут существовать даже между наичестнейшими людьми, желающими следовать во многом одним и тем же политическим принципам. Без понятия лояльной оппозиции и приверженности конституционным правилам, ее выражающим и защищающим, политика демократии не может осуществляться должным образом или быть долговременной⁸⁷.

Принцип равной свободы реализуется правилом: «один выборщик

⁸⁷ См.: Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: Юнити-Дана, 2003.

– один голос», которое подразумевает, что если строго его придерживаться, то каждый голос имеет приблизительно равный вес в определении исхода выборов. Принцип участия предусматривает и то, что все граждане должны иметь равный доступ, по крайней мере, в формальном смысле, к государственным должностям. Каждый может вступить в политические партии, пытаться стать кандидатом и занимать властные должности. Конечно, могут быть ограничения по возрасту, месту жительства и т.д. Но они должны быть разумным образом связаны с задачами органа; по идее, эти ограничения должны быть в интересах всех и не приводить к несправедливой дискриминации людей или групп в том смысле, что при нормальном течении событий эти ограничения касаются всех.

Второе соображение относительно равных политических свобод – это степень их распространения. Несколько произвольно, но, тем не менее, в соответствии с традицией, Ролз предполагает, что степень распространения равной политической свободы варьируется, главным образом, в той мере, в которой конституция является мажоритарной.

Таким образом, максимально распространенная политическая свобода устанавливается конституцией, которая использует процедуру так называемого чистого мажоритарного правила (процедуру, согласно которой меньшинство не может ни перевесить большинства, ни препятствовать ему) во всех значительных политических событиях, дозволяемых конституцией.

Традиционные приемы конституционализма – двухпалатный законодательный орган, разделение властей в сочетании с системой сдержек и противовесов, билль о правах с судебным надзором – ограничивают степень распространения принципа участия. Ролз, однако, предполагает, что такие меры организации согласуются с равной политической свободой при условии, что аналогичные ограничения применяются во всем и что вводимые ограничения с течением времени должны равным образом затронуть все слои общества.

Что касается ценности политической свободы, то конституция должна принимать меры для увеличения ценности равных прав участия для всех членов общества. Она должна гарантировать законную возможность принимать участие в политическом процессе и оказывать на него влияние.

Для того чтобы общественный форум был свободен, открыт для

всех и заседали постоянно, каждый должен иметь возможность получать от него пользу. Все граждане должны иметь возможности получать информацию по политическим вопросам. Граждане должны иметь законный шанс вносить в повестку для политической дискуссии дополнительные предложения. Свободы, защищенные принципом участия, теряют значительную часть своей ценности, когда тем, кто имеет большие личные средства, позволено использовать свои преимущества для контроля над ходом общественного обсуждения.

Дело в том, что в конце концов эти неравенства позволят людям, находящимся в лучшем положении, оказывать большее влияние на ход законодательного процесса. В должное время они наверняка приобретут господствующее положение в решении социальных вопросов. Для сохранения справедливой ценности всех равных политических свобод, таким образом, должны быть приняты меры компенсации. Можно использовать целый набор средств. Например, в обществе, допускающем частную собственность на средства производства, должно сохраняться широкое распределение собственности и богатства, а правительство должно регулярно предоставлять деньги для поддержки свободной дискуссии в обществе. Кроме того, должна быть предусмотрена независимость политических партий от частных экономических интересов с помощью выделения им достаточных налоговых поступлений для того, чтобы они играли свою роль в конституционной системе. Если общество не несет организационных затрат, и партийные фонды должны испрашиваться у социальных и экономических групп, пользующихся большими преимуществами, хатайство этих групп непременно будет получать чрезмерное внимание. Исторически одним из главных недостатков конституционного правления была неспособность обеспечить справедливую ценность политической свободы.

Диспропорции в распределении собственности и богатства, далеко превосходящие то, что является совместимым с политическим равенством, обычно терпелись правовой системой. Общественные ресурсы для поддержания институтов, необходимых для ценности политической свободы, не выделялись. Особая ошибка заключается в том, что демократический политический процесс является, самое лучшее, контролируемым соперничеством. Последствия несправедливостей в политической системе гораздо более серьезные и долговременные,

чем, например, несовершенства рынка. Политическая власть быстро аккумулируется и становится неравной; а используя государственный аппарат принуждения и законы этого государства, тот, кто получает преимущества, часто может обеспечить себе привилегированное положение. Таким образом, неравенства в экономической и социальной системе вскоре могут подорвать всю ту политическую стабильность, которая могла существовать в благоприятных исторических условиях. Всеобщее избирательное право – недостаточный противовес; когда партии и выборы финансируются не из общественных фондов, а через частные пожертвования, политический форум становится настолько ограниченным желаниями доминирующих групп, что фундаментальные меры, необходимые для установления справедливого конституционного правления, редко представлены должным образом.

Принцип участия принуждает тех, кто находится у власти, проявлять отзывчивость к насущным интересам избирателей. Делегаты, конечно, не являются лишь агентами своих избирателей, так как у них есть определенная свобода действий, и ожидается, что при принятии законодательства они будут опираться на собственное мнение. Во вполне упорядоченном обществе они должны, тем не менее, представлять своих избирателей в одном существенном смысле: прежде всего, они должны стремиться принимать справедливые и эффективные законы, так как в этом заключается главный интерес граждан в правительстве, и, во-вторых, они должны отстаивать и другие интересы своих избирателей в той степени, в которой они совместимы со справедливостью.

Принципы справедливости относятся к главным критериям оценки деятельности делегата и тех доводов, с помощью которых он ее защищает. Наконец, необходимо помнить, что принцип участия применим только к институтам. Он не определяет некий идеал гражданства, не устанавливает он и всеобщей обязанности принимать активное участие в политических делах. Важно то, что конституция должна устанавливать равные права на участие в политических делах и предусматривать меры для поддержания ценности этих свобод.

Таким образом, политическая справедливость, как мы уже отмечали, имеет два аспекта. Во-первых, конституция должна быть справедливой процедурой, удовлетворяющей требованиям равной свободы; во-вторых, она должна приводить к справедливой и эффективной

системе законодательства. И конечно, справедливость конституции должна оценивать по обоим параметрам. Принцип равной свободы в применении к политической процедуре, определяемой конституцией, Ролз называет принцип равного участия, который реализуется правилом «один выборщик – один голос». Принцип участия предусматривает и то, что все граждане должны иметь равный доступ, по крайней мере, в формальном смысле, к государственным должностям.

Исторически одним из главных недостатков конституционного правления, по Ролзу, была неспособность обеспечить справедливую ценность политической свободы. Когда партии и выборы финансируются не из общественных фондов, а через частные пожертвования, политический форум становится ограниченным желаниями доминирующих групп, что фундаментальные меры, необходимые для сохранения справедливого правления, редко реализуются должным образом.

В справедливости как честности общество интерпретируется в качестве кооперативного предприятия во имя взаимной выгоды. Базисная структура – это публичная система правил, (право) определяющих схему деятельности, которая приводит людей к совместным усилиям для произведения большей суммы выгод и приписывания каждому признаваемых требований в дележе продукта. Человек опирается на то, что публичные правила диктуют ему по поводу его действий, а правила зависят от того, что он делает. Получающееся распределение есть результат выполнения требований, определяемых тем, что человек решает делать в свете этих законных ожиданий.

Эти рассуждения предполагают идею долевого распределения как чисто процедурной справедливости. Интуитивная идея заключается в таком устройстве социальной системы, когда результат справедлив независимо от того, каким бы он конкретно ни был, по крайней мере, пока этот результат находится в допустимых рамках. Чисто процедурная справедливость лучше всего понимается через сравнение с совершенной и несовершенной процедурной справедливостью. Первая может быть проиллюстрирована простейшим случаем честного дележа. При этом проявляются две характерные особенности совершенной процедурной справедливости. Первая: имеется независимый критерий того, что такое честный дележ, критерий, определяемый отдельно и до процедуры, которая за этим следует. Вторая:

возможно изобрести такую процедуру, которая наверняка даст желаемый результат. Существенно тут то, что есть независимый стандарт для решения того, какой результат и какая процедура, ведущая к этому результату считаются справедливыми. Довольно ясно, что совершенная процедурная справедливость редка, если вообще возможна, в случаях, где большую роль играет практический интерес.

Несовершенная процедурная справедливость представлена уголовным судом. Желаемый результат тут заключается в том, что подозреваемый должен быть провозглашен виновным, если и только если он совершил проступок, в котором обвиняется. Судебная процедура оформлена так, чтобы установить истину в этом отношении. Но кажется невозможным изобрести такой закон, чтобы соответствующие правила в его рамках всегда вели к правильному результату. Теория суда проверяет, какие процедуры и правила свидетельствования и т.п. наилучшим образом приспособлены для целей, совместимых с другими целями закона. Разумно ожидать от самых различных видов слушаний дел в суде при различных обстоятельствах, что все они приведут к правильным результатам, если не всегда, то, по крайней мере, в большей части случаев. Суд есть пример несовершенной процедурной справедливости. Даже если строго следовать закону и вести дело честно и правильно (с соблюдением правовых норм), мы можем получить неверный результат. Невинный человек может быть провозглашен виновным, а совершивший преступление окажется на свободе. В таких случаях мы говорим о судебной ошибке: несправедливость есть результат не человеческой ошибки, но результат случайного стечения обстоятельств, которые одерживают верх над законом. Характерной особенностью несовершенной процедурной справедливости является то, что в то время как есть независимый критерий правильности результата, не существует возможной процедуры, которая наверняка вела бы к нему.

В противоположность этому чисто процедурная справедливость получается тогда, когда нет независимого критерия правильности результата: вместо этого имеется правильная или честная процедура, такая, что результат, каким бы он ни был, скорей всего правилен или честен, при условии, что процедуре следуют правильно.

Отличительной особенностью чисто процедурной справедливости является то, что процедура определения справедливого результата

должна осуществляться реально, поскольку в этих случаях нет независимого критерия, по которому некоторый результат может быть объявлен справедливым.

Следовательно, для применения понятия чисто процедурной справедливости к долевному распределению необходимо установить и беспристрастно проводить в жизнь справедливую систему правовых институтов. Только учитывая сопутствующие обстоятельства справедливой базисной структуры, включая справедливую политическую конституцию и справедливое устройство экономических и социальных институтов, можно сказать, что требуемая справедливая процедура существует.

Роль принципа честных возможностей заключается в том, чтобы гарантировать системе кооперации характер чисто процедурной справедливости. Если такой гарантии нет, распределительная справедливость не может быть предоставлена сама себе, даже в ограниченной степени. Практическое преимущество чисто процедурной справедливости заключается в том, что больше нет необходимости иметь в виду бесконечное разнообразие обстоятельств и изменяющиеся относительные положения конкретных личностей⁸⁸.

Переходя к рассмотрению распределительной справедливости, отметим, что главной проблемой здесь является выбор социальной системы. Принципы справедливости относятся к базисной структуре и регулируют процесс комбинирования ее основных институтов в одну систему. Мы видели, что идея справедливости как честности заключается в использовании понятия чисто процедурной справедливости для того, чтобы справиться со случайными обстоятельствами конкретных ситуаций.

Социальная система должна быть организована таким образом, чтобы итоговое распределение было справедливым, независимо от того, как сложатся дела. Для достижения этого результата необходимо поместить социальный и экономический процесс в окружение соответствующих политических и правовых институтов. Без должной системы этих сопутствующих институтов результат процесса распределения не будет справедливым. Недостает честности окружения. Ролз дает краткое описание таких поддерживающих институтов, которые

⁸⁸ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. С.85-88.

могли бы существовать в нормально организованном демократическом государстве, допускающем частную собственность на капитал и природные ресурсы. При этом предполагается, что базисная структура регулируется справедливой конституцией, которая гарантирует свободы равного гражданства. Политический процесс представляет (насколько позволяют обстоятельства) справедливую процедуру для выбора между правительствами, а также для принятия справедливого законодательства. Предполагается также, что существует честное (в противоположность формальному) равенство возможностей. Это означает, что кроме поддержки обычных типов общественного капитала, правительство пытается обеспечить равные шансы на образование и культуру для людей со сходными дарованиями и мотивацией с помощью либо субсидирования частных школ, либо создания системы общественных школ. Оно приводит к равенству возможностей в экономическом поведении и в свободном выборе профессий. Это достигается политикой руководства фирмами и частными ассоциациями, а также путем устранения монополистических ограничений и барьеров на пути к более желательным положениям. И, наконец, правительство гарантирует социальный минимум либо путем выплаты семейных пособий и специальных выплат по болезни и нетрудоспособности, либо более систематическим образом – с помощью таких средств, как дифференцированные доплаты к доходу (так называемый негативный подоходный налог).

Правительство, устанавливающее такие сопутствующие институты, можно представить разделенным на четыре ветви⁸⁹. Каждая ветвь состоит из различных органов или сопутствующих видов деятельности, функция которых – сохранение определенных социальных и экономических условий. Эти подразделения не пересекаются с обычной структурой правительства, и должны пониматься совершенно отличным образом.

Выделительная ветвь, например, должна поддерживать ценовую систему в конкурентном состоянии и предотвращать неразумную власть рынка. Стабилизационная ветвь, с другой стороны, стремится обеспечить разумно полную занятость, когда те, кто хочет работать, могут найти работу, а свободный выбор профессии и размещение

⁸⁹ См.: Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. – New York, 1959, ch.I.

финансов поддерживаются сильным эффективным спросом. Эти две ветви совместно должны поддерживать эффективность рыночной экономики в целом.

Ветвь безвозмездных социальных выплат ответственна за социальный минимум. Механизмы этой ветви учитывают потребности и приписывают им определенный вес по отношению к другим притязаниям. Так как рынок не приспособлен реагировать на потребности, отвечать на них нужно с помощью специально созданной системы.

Вопрос об удовлетворении принципов справедливости переходит в вопрос о том, является ли доход наименее преуспевших (заработная плата плюс социальные выплаты) таким, чтобы максимизировать их долговременные ожидания (совместимые с ограничениями равной свободы и честного равенства возможностей).

И, наконец, должна существовать распределительная ветвь. Ее задачей является сохранение приблизительной справедливости в долевом распределении с помощью налогообложения и необходимых изменений в правах собственности. Можно выделить два аспекта этой ветви.

Во-первых, она вводит ряд налогов на наследство, на дары и устанавливает ограничения на право наследования. Цель этих мер в том, чтобы постепенно и неуклонно корректировать распределение богатства и предотвращать концентрацию власти, которая наносила бы ущерб справедливой ценности политической свободы и честному равенству возможностей. Например, прогрессивный принцип мог бы быть применен по отношению к получателю или наследнику⁹⁰. Такая мера поощрила бы широкое рассредоточение собственности, что, как представляется, является необходимым условием для сохранения справедливой ценности равных свобод. Таким образом, наследование допустимо при условии, что результирующие неравенства – к выгоде наименее удачливых и совместимы со свободой и честным равенством возможностей.

Честное равенство возможностей означает определенный набор институтов. Именно эти институты подвергаются опасности, когда неравенства в распределении богатства превышают определенный предел; политическая свобода также имеет тенденцию терять свою

⁹⁰ См.: Meade. Efficiency, Equality and the Ownership of Property, pp.56f.

ценность, а представительное правительство – быть таковым лишь по внешнему виду. Налоги и действия распределительной ветви должны обеспечить то, чтобы этот предел не был превышен. Конечно, где находится этот предел – вопрос политического суждения, направляемого теорией, здравым смыслом и просто интуицией, во всяком случае, в довольно широких границах. По вопросам такого рода теория справедливости не может сказать ничего определенного. Ее цель заключается в формулировании принципов, которые должны воплощать сопутствующие институты. Безусловно, вопрос определения допустимых пределов неравенства в распределении, а следовательно и меры несправедливости является очень важным. Но, к сожалению, по вопросам такого рода теория справедливости Дж. Ролза не может сказать ничего определенного.

Вторая часть распределительной ветви – это система налогообложения для сбора доходов, которых требует справедливость. Социальные ресурсы должны быть переданы правительству, чтобы оно могло обеспечить производство коллективных благ и осуществлять безвозмездные коллективные выплаты, необходимые для удовлетворения принципа различия. Это проблема распределительной ветви, так как бремя налогообложения должно справедливо делиться, и эта ветвь стремится создать справедливый механизм.

Несмотря на различие в общественном устройстве между капиталистическим и социалистическим режимами, Дж. Ролз считает, что, по крайней мере, в теории либеральный социалистический режим также может соответствовать двум принципам справедливости. Необходимо лишь предположить, что средства производства находятся в общественной собственности и что фирмы управляются рабочими советами или назначенными ими представителями. Коллективные решения, принятые демократически, в соответствии с конституцией, определяют общие черты экономики, такие как уровень накопления и пропорция произведенного обществом продукта, отводимая на коллективные блага. В результате получающейся экономической ситуации фирмы, регулируемые рыночными силами, ведут себя во многом по-прежнему. Хотя сопутствующие институты принимают другую форму, особенно в случае распределительной ветви, не существует принципиальных причин, по которым нельзя добиться равного долевого распределения. Теория справедливости сама по себе

не благоприятствует тому или иному режиму. Решение о том, какая система является наилучшей для того или другого народа, зависит от обстоятельств, институтов и исторических традиций⁹¹.

Демократическое общество может решить полагаться на рыночные механизмы, поскольку такое решение имеет определенные преимущества, а затем поддерживать сопутствующие институты, которых требует справедливость. Такое политическое решение так же, как и регулирование сопутствующих устройств, может быть вполне обдуманным и свободным.

С другой стороны, общество, в котором все могут достичь своего полного блага или в котором нет конфликтующих требований, а также в котором потребности всех без принуждения складываются в гармоничный план действий, – такое общество в некотором смысле находится за пределами справедливости. Оно устранило случаи, где апелляция к принципам правильности и справедливости является необходимой⁹². Однако даже в этом случае, по Дж. Ролзу, теория справедливости играет важную теоретическую роль: она определяет условия, при которых спонтанная согласованность целей и желаний индивидов возникает не в силу принуждения или хитрости, а выражает действительную гармонию, совместимую с идеальным благом.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что принципы справедливости совместимы с довольно разными по типу режимами⁹³.

В случае действия несправедливых законов при справедливой конституции принципы естественной обязанности и принцип честности устанавливают требуемые обязанности и обязательства.

⁹¹ См.: Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 634-637; Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Роль традиций философии права в формировании правовой культуры личности // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 3-12; Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005; Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.

⁹² См.: Tucker R.C. The Marxian Revolutionary Idea. – New York, 1969, chs. I and II.

⁹³ См.: Джон Ролз Теория справедливости. С. 85-88.

Граждане, в общем, связаны обязанностью справедливости, а тех, кто принял привилегированные должности и положения или воспользовался определенными возможностями для продвижения своих интересов, принцип честности, кроме того, обязывает вносить свой вклад. Насущный вопрос заключается в том, при каких обстоятельствах и в какой степени мы связаны обязательством подчиняться несправедливому устройству. Иногда говорится, что в этих случаях от нас никогда не требуется подчинения. По мнению Дж. Ролза, это ошибка. Несправедливость закона, в общем, является достаточным основанием не придерживаться его не более, чем юридическая обоснованность законодательства (как она определена существующей конституцией) является основанием ему следовать. Когда базисная структура общества разумно справедлива, а оценивается это по тому, что допускает существующее положение вещей, мы должны признать несправедливые законы в качестве обязывающих, при условии, что они не переходят определенные границы несправедливости.

Пытаясь различить эти границы, мы подступаем к более глубокой проблеме политических обязанностей и обязательств. Трудность здесь частично заключается в том, что в этих случаях существует конфликт принципов. Некоторые принципы предписывают подчиняться, в то время как другие говорят противоположное. Рассмотрение такого рода проблем принадлежит теории частичного согласия, части неидеальной теории справедливости. Она включает, среди других вещей, теорию наказания и компенсаторной справедливости, справедливой войны и уклонения от воинской службы по убеждениям, гражданского неповиновения и вооруженного восстания. Эти вопросы относятся к центральным вопросам политической теории. В связи с этим, целесообразно рассмотреть несколько вопросов, относящихся к политическим обязанностям и обязательствам.

Во-первых, очевидно, что наша обязанность или наше обязательство принимать существующее устройство могут терять силу. Эта ситуация зависит от принципа правильности, который в определенных условиях может оправдать неподчинение, принимая во внимание все обстоятельства. Оправдано ли неподчинение зависит от степени, до которой законы и институты несправедливы. Не все несправедливые законы обладают одинаковым статусом, то же самое верно и в отношении проводимой политики и институтов.

Таким образом, есть два пути, посредством которых может возникнуть несправедливость: существующее общественное устройство может в разной степени отходить от публично принятых стандартов, которые более или менее справедливы; или это устройство может соответствовать концепции справедливости, имеющейся в обществе, но сама эта концепция может быть неразумной и, во многих случаях, явно несправедливой. Когда законы и проводимая политика отходят от публично признанных стандартов, можно предполагать, что до некоторой степени возможна апелляция к чувству справедливости общества. В частности, это условие является предпосылкой в принятии гражданского неповиновения. В других случаях, когда, например, общество регулируется принципами, благоприятствующими интересам некоторого узкого класса, может не оказаться другого выбора, кроме как противостоять преобладающей концепции и оправдываемым ею институтам такими способами, которые обещают некоторый успех.

Во-вторых, мы должны рассмотреть вопрос о том, почему, по крайней мере, в ситуации, близкой к справедливости, у нас обычно имеется обязанность подчиняться несправедливым, а не только справедливым законам. Поскольку постулируется почти справедливое общество, в котором существует жизнеспособный конституционный режим, более или менее удовлетворяющий принципам справедливости, конституция в этом случае характеризуется несовершенной процедурной справедливостью.

Конституция считается справедливой, но несовершенной процедурой в том случае, когда обстоятельства позволяют гарантировать справедливый результат. В то же время, она несовершенна, поскольку не существует какого-либо достижимого политического процесса, который гарантировал бы, что принятые в соответствии с ней законы будут справедливыми. В политических делах совершенная процедурная справедливость не может быть достигнута. Тем не менее, наша естественная обязанность поддерживать справедливые институты заставляет нас подчиняться несправедливым законам или проводимой политике, или, по крайней мере, не противостоять им незаконными средствами до тех пор, пока они не превышают определенных границ несправедливости.

Так как от нас требуется поддерживать справедливую конституцию,

мы должны соглашаться с одним из ее существенных принципов – принципом мажоритарного правления. В состоянии, близком к справедливости, обычно у нас есть обязанность подчиняться несправедливым законам в силу нашей обязанности поддерживать справедливую конституцию. Когда в конституционном собрании стороны принимают мажоритарный принцип, они соглашаются на несправедливые законы лишь на определенных условиях. Вообще говоря, в долговременном плане бремя несправедливости должно быть более или менее равным образом распределено между различными группами в обществе, а тяготы несправедливой политики не должны быть слишком обременительными в каждом конкретном случае. Следовательно, обязанность подчинения является проблематичной для постоянных меньшинств, которые страдали от несправедливости в течение многих лет. Таким образом, мы подчиняем свое поведение демократическому органу лишь до той степени, в которой это необходимо для того, чтобы равным образом разделять неизбежные несовершенства конституционной системы. Принятие этих трудностей – это просто принятие границ, налагаемых обстоятельствами человеческой жизни, и желание работать в их рамках. Ввиду этого, у нас имеется естественная обязанность гражданственности не прибегать слишком охотно к недостаткам социального устройства в качестве причин для неподчинения ему, а также не использовать неизбежные пробелы в правилах для продвижения наших интересов. Гражданственность обязывает к должному принятию недостатков институтов и определенному ограничению на получение от них преимуществ. Без какого-либо признания этой обязанности взаимное доверие и уверенность обязательно будут нарушены. Таким образом, в ситуации, близкой к справедливой, обычно существует обязанность (а для некоторых и обязательство) подчиняться несправедливым законам при условии, что они не выходят за определенные границы несправедливости.

Итак, рассматривая применение принципов политико-правовой справедливости Дж. Ролз предлагает выделять последовательность из четырех стадий, которая и является, по существу механизмом для применения принципов справедливости к правовым институтам. При этом, рассмотрение начинается с использования исходного положения: сначала выбираются политические формы и конституция, затем – процедуры, приводящие к справедливому и эффективному

правовому устройству.

Далее рассматривается стадия законодательства, и последняя – стадия конкретного применения субъектами правил политико-правовой системы. Проблемы, обсуждаемые на этой стадии, относятся к теории «частичного согласия». Применение теории «частичного согласия» в правовым институтам осуществляется Ролзом при обсуждении случаев гражданского неповиновения и уклонения от воинской службы по каким-либо мотивам в обществе, близком к справедливому.

Роль полномочной публичной интерпретации правил, подкрепленных коллективными санкциями, заключается в преодолении нестабильности общественного устройства. Применяя публичную систему наказаний, правительство устраняет основания для предположения о том, что другие не подчиняются правилам. Представляется, что уже по этой причине всегда необходим принуждающий правитель. Отсюда следует, что даже для идеальной теории существует необходимость в перечне карательных санкций.

Говоря о политической справедливости, Дж.Ролз трактует ее как справедливость конституций, которая имеет два аспекта. Во-первых, конституция должна быть справедливой процедурой, удовлетворяющей требованиям равной свободы; во-вторых, она должна приводить к справедливой и эффективной системе законодательства. Исторически одним из главных недостатков конституционного правления, по Дж.Ролзу, была неспособность обеспечить справедливую ценность политической свободы. Когда партии и выборы финансируются не из общественных фондов, а через частные пожертвования, то весь политический процесс попадает под влияние доминирующих групп и ограничивается их желаниями.

Теория справедливости Дж.Ролза представляет собой альтернативу различным версиям утилитаристской концепции, которая распространяет на целое общество принцип рационального выбора для одного человека. За счет такой конструкции множество личностей сливается в одну. При этом утилитаризм не принимает различий между личностями и, таким образом, игнорирует их индивидуальные права.

Концепция справедливости как честности требует, чтобы социальная системы была организована таким образом, чтобы итоговое перераспределение было справедливым, независимо от того, как сложатся дела. Для достижения этого результата необходимо

поместить социальный и экономический процесс в окружение соответствующих политических и правовых институтов. Без должной системы этих сопутствующих институтов результат процесса распределения жизненных благ не будет справедливым. Недостает честности окружения. При распределении жизненных благ существуют определенные пределы неравенства, а, следовательно, и несправедливости, превышение которых создает опасность нестабильности государственного устройства. Нахождение этих пределов – вопрос политического суждения, направляемого теорией, и здравым смыслом.

По вопросам такого рода теория справедливости Ролза не может к сожалению дать определенных рекомендаций. Ее цель – формулирование принципов, которые должны воплощать соответствующие институты.

2. Государство и справедливость: исторические аспекты и современные тенденции в интерпретации Дж. Ролза

В концепции права, юридической справедливости и законности Дж. Ролза главным субъектом является базисная структура общества или более точно, способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации⁹⁴. Под основными институтами Ролз понимает конституцию и основные социальные устройства. Взятые вместе в рамках одной схемы, основные институты определяют права и обязанности людей и влияют на их жизненные перспективы. Базисная структура – это первичный субъект справедливости, поскольку ее воздействие весьма глубоко и присутствует с самого начала. Справедливость социальной схемы существенно зависит от того, как приписываются фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий в различных слоях общества. Сущность базовой структуры общества весьма близка одному из определений государства с его правовыми институтами: «организация политической власти, необходимая для выполнения как сугубо классовых задач, так и общих дел, вытекающих из природы всякого общества»⁹⁵.

⁹⁴ См.: Ролз, Дж. Теория справедливости. С.22.

⁹⁵ Теория государства и права /Под ред. Матузова Н.И., Малько А.В. – М., 2000. С.51.

В базисной структуре общества (государстве) люди занимают различные социальные положения от рождения, имеют различные ожидания, которые определяются как политической системой, так и экономическими и социальными обстоятельствами. Все это создает существенное неравенство. Именно к такого рода неравенствам, по предположению, неизбежным в базисной структуре любого общества (государства), должны, в первую очередь, применяться принципы социальной справедливости. Эти принципы регулируют выбор политического устройства и основные элементы социальной и экономической системы. По Дж. Ролзу, справедливость социальной системы (государства) существенно зависит от того, как приписываются фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий в различных слоях общества. При этом Дж. Ролз заявляет об ограничениях сферы его исследования этого вопроса в двух отношениях: прежде всего, он имеет дело со специальным случаем проблемы справедливости. Он не рассматривает справедливость институтов и социальных практик вообще, как и отдельные случаи справедливости международного права и отношений между государствами⁹⁶. Дж. Ролз считает удовлетворительным, если ему удастся сформулировать разумную концепцию справедливости для базисной структуры общества, временно рассматриваемой в качестве замкнутой системы, изолированной от других обществ.

Вполне естественно предположить, утверждает Дж. Ролз, что если мы имеем основательную теорию для этого случая, остальные проблемы справедливости будут в свете этой теории более легкими. С подходящими модификациями такая теория даст ключ для некоторых других подобных вопросов.

Другое ограничение, по Дж. Ролзу, заключается в том, что по большей части, он рассматривает принципы справедливости, которые должны регулировать вполне упорядоченное общество. При этом предполагается, что любой человек поступает справедливо и играет свою роль в поддержании справедливых институтов. Таким образом, Дж. Ролз рассматривает, главным образом, то, что он называет теорией согласия в противоположность теории частичного согласия. Дж. Ролз считает, что концепция справедливости для базисной структуры

⁹⁶ См.: Ролз. Дж. Теория справедливости. С. 22, 23.

обладает ценностью сама по себе. От нее не следует отмахиваться, даже если ее принципы не будут универсально применимыми. Концепция социальной справедливости в этом случае обеспечивает в первом приближении стандарт, посредством которого должны оцениваться распределительные аспекты базисной структуры общества (государства).

По Дж. Ролзу, общество – это более или менее самодостаточная совокупность людей, которые в своих взаимоотношениях осознают определенные обязывающие их правила поведения и которые, по большей части, поступают согласно этим правилам. Предполагается далее, что эти правила устанавливают систему кооперации, предназначенную обеспечить блага тем, кто следует правилам⁹⁷.

Но хотя общество и представляет собой общественное предприятие во имя взаимной выгоды, для него характерны конфликты интересов, как и их совпадение. Совпадение интересов заключается в том, что социальная кооперация дает возможной для всех лучшую жизнь по сравнению с тем. Чем она была бы, если бы каждый жил за счет собственных усилий. Конфликт интересов выражается в том, что людям небезразлично, как большие выгоды, полученные их сотрудничества, распределяются между ними, поскольку в преследовании собственных целей они предпочитают получить больше сами и уменьшить долю, которую нужно разделить с другими. Требуется определенное множество принципов для того, чтобы сделать выбор среди различных социальных устройств, которые определяют распределение выгод, и чтобы прийти к соглашению о распределении долей. Эти принципы являются принципам социальной справедливости: они обеспечивают способ соблюдения прав и обязанностей основными институтами общества. Они же определяют подходящие распределение выгод и тягот социальной кооперации.

Дж. Ролз предлагает назвать общество (государство) вполне упорядоченным, когда оно предназначено не только для обеспечения блага своим членам, но и для эффективного регулирования общественной концепции справедливости.

Вполне упорядоченное общество – это общество, которое предназначено для блага своих членов и которое эффективно управляется

⁹⁷ Ролз, Дж. Теория справедливости. С.20, 22, 24.

в соответствии с публичной концепцией справедливости. Это такое общество, в котором каждый принимает принципы справедливости и знает, что другие принимают те же самые принципы, а основные социальные институты удовлетворяют этим принципам и всем известно, что они им удовлетворяют.

При этом справедливость как честность сформирована так, чтобы соответствовать такой идее общества.

Поскольку вполне упорядоченное общество регулируется своей публичной концепцией справедливости, отсюда следует, что его члены обладают сильным и эффективным желанием действовать так, как того требуют принципы справедливости. Так как вполне упорядоченное общество продолжает существовать по ходу времени, предполагается, что его концепция справедливости стабильна; иначе говоря, когда институты справедливы (как определено в этой концепции), все участвующие в подобных устройствах приобретают соответствующее чувство справедливости и желание выполнять свою роль по их поддержанию. Стабильность концепции зависит от баланса мотивов: чувство справедливости, которое она культивирует, и цели, которые она поощряет, должны обычно побеждать все побуждения к несправедливости.

По Дж. Ролзу, наиболее стабильная концепция справедливости – это та, которая понятна для нашего разума, соответствует нашему благу и основывается не на отказе от «я», а на его утверждении. В отсутствие меры согласия в отношении того, что справедливо и что несправедливо, ясно, что индивидам труднее координировать свои планы достаточно эффективно в деле достижения взаимной выгоды. Поэтому, в то время как отличительная роль концепции справедливости заключается в спецификации основных прав и обязанностей и в определении приемлемого распределения долей, способы реализации каждой концепции увязаны с проблемами эффективности, координации и стабильности. По мнению Дж. Ролза, справедливая система (государство) должно генерировать собственную поддержку.

Это означает, что она должна быть устроена таким образом, чтобы вызывать в своих членах соответствующее чувство справедливости, действенное желание вести себя в соответствии с ее правилами исходя из доводов справедливости.

Выбор институтов государства предполагает некоторое видение

человеческого блага и институционального устройства, необходимого для его достижения. Это выбор, следовательно, должен делаться не только исходя из экономических, но также моральных и политических оснований. Соображение эффективности является лишь одним из оснований для такого решения, к тому же зачастую относительно второстепенным.

Как только сформулированы принципы справедливости, договорная концепция накладывает определенные ограничения на концепцию блага. Эти ограничения следуют из приоритета справедливости над эффективностью и приоритета свободы над социальными и экономическими преимуществами (если предположить, что лексический порядок сохраняется). Эти приоритеты означают, что стремление к вещам, внутренне несправедливым им ли такие стремления, которые могут быть удовлетворены лишь путем нарушения справедливых устройств, не имеют веса. Выполнение этих желаний не имеет ценности, и социальная система не должна их поощрять.

Таким образом, требование стабильности и критерий препятствования желаниям, вступающим в конфликт с принципами справедливости, налагают дальнейшие ограничения на институты. Они должны быть не только справедливыми, но и устроены таким образом, чтобы поощрять добродетель справедливости в тех, кто принимает в них участие. В этом смысле принципы справедливости задают частичный идеал личности, который должны уважать социальные и экономические устройства. Принципы справедливости детерминируют идеальную базисную структуру или очертания таковой, по направлению к которой и должны развиваться курс реформ. Вывод из этих соображений заключается в том, что справедливость как честность не находится во власти существующих желаний и интересов. Долговременная цель общества установлена в общих чертах независимо от конкретных желаний и потребностей его сегодняшних членов. Во вполне упорядоченном обществе, регулируемом принципами справедливости, все имеют одинаковое чувство справедливости, и в этом отношении оно однородно. На этом теоретико-методологическом фундаменте Дж. Роз разворачивает свою концепцию государства.

Существует множество определений государства, при этом основная суть их примерно одинакова: государство есть управляющий орган человеческого общества как единого целого. Государство

формируется как орган возникающего общества, а общество организуется как человеческий институт с таким управляющим органом, каким является государство⁹⁸. «Это – единый процесс... Если в человеческом институте нет государственности, этот институт не есть общество, а если в каком-то виде возникла государственность, то тут можно констатировать зарождение общества». Основная функция государства – обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. Для реализации функций по управлению обществом государству необходимы властные полномочия. Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, т.е. признана обществом как законная. Для нее требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве. Государственность возникает в такой тесно связи с правовым (юридическим) аспектом общества, что они образуют единое целое. Государственность действует в рамках правовых норм и в соответствии с ними.

Поскольку государство является кооперативным предприятием во имя взаимной выгоды, в типичном случае оно характеризуется как наличием конфликтов, так и тождеством интересов. Тождество интересов существует, так как социальная кооперация делает для всех жизнь лучше по сравнению с той, когда каждый старался бы жить в одиночку за счет лишь собственных усилий. Существует и конфликт интересов, потому что люди не безразличны к тому, как распределяются большие прибыли, производимые за счет сотрудничества, так как в преследовании собственных интересов они предпочитают взять больше и отдать меньше. Таким образом, существуют объективные обстоятельства, которые делают человеческое сотрудничество как возможным, так и необходимым. При этом естественные и другие ресурсы не столь изобильны, чтобы сделать схему кооперации ненужной, но и условия не столь жесткие, чтобы плодотворное сотрудничество неизбежно кончилось крахом.

Наряду с объективными обстоятельствами существуют субъективные, определяющие для субъектов кооперации, т.е. для людей живущих и работающих вместе, которые имеют собственные виды

⁹⁸ См.: Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х т. Том 1. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 216 с; Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2008. – 624 с.

на жизнь, или собственные планы⁹⁹.

Эти планы или концепции блага ведут их к различным целям, что обуславливает появление конфликтующих притязаний на естественные и социальные доступные ресурсы. Такое сочетание обстоятельств Дж. Ролз называет обстоятельствами справедливости. Ранее они были рассмотрены еще Юмом.¹⁰⁰ Для простоты Дж Ролз предполагает рассматривать умеренную скудность (среди объективных обстоятельств) и конфликт интересов (среди субъективных обстоятельств). То есть обстоятельства справедливости возникают всякий раз, когда люди выдвигают конфликтующие притязания на дележ социальных преимуществ в условиях умеренной скудости. Пока этих обстоятельств не существует, нет повода к возникновению добродетели справедливости. Таким образом, возникновение обстоятельств справедливости органически связано с возникновением и развитием различных правовых и государственных норм человеческого общества.

Подводя общий итог, отметим, что справедливость, как общественное явление, складывалась стихийно, на протяжении предчеловеческой и человеческой истории. Сложность понимания категории справедливость состояла в том, что одно и то же слово выражало в истории философии моральное и законодательное отношение к действительности. В то же время появилось соотношение между моралью и законом в том смысле, что закон выше нравственности, как результат преимущества разума над чувствами. Принцип приоритета права над справедливостью постоянно подвергался сомнению до второй половины XX века, когда восторжествовал приоритет справедливости над правом.

Проблема справедливости волновала и волнует каждого мыслящего человека. Философы права решали её теоретически на основании чисто рассудочного мышления, подчёркивая зависимость справедливости от права. В совершенстве государственного права они видели метод развития справедливости, право выступает гарантом

⁹⁹ См.: Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. Сер. Безопасность человека и общества. – 208 с.

¹⁰⁰ Юм Д. Исследование о принципах морали. Соч. Т.2. – М.: Мысль, 1965.

справедливости. Но развитие справедливости зависит не только от права, как возможности, как ограниченной свободы, в большей степени на её развитие влияют формы общественной жизни, способы жизни, рождаемые самой жизнью.

Идеи Ролза находятся в центре внимания научных дискуссий на протяжении двух десятилетий. Его теория представляет анализ «социального государства». Наряду с постановкой социально-политических проблем он конструирует моральную теорию, формулирует идею личности как морального агента. Кризис нравственности российского общества делает весьма актуальным изучение идей либерального философа с точки зрения постановки этических проблем. Как отметил Д. Юм, «проблема справедливости возникает только в случае умеренной скудности»¹⁰¹. Реализация утопических проектов, имеющих целью справедливость, приводит по причине неадекватности экономических ресурсов, к резким потрясениям в обществе.

Проведенный в работе анализ теории Ролза подводит нас к основному вопросу: возможно ли ее воплощение на практике? Учитывая то, что в реальности политическое и экономическое положение значительно отличаются от идеального проектирования справедливого общества, возникает вопрос, какую роль играют принципы справедливости Ролза, если они не будут применимы в реальности?

Ролз отвечает на этот вопрос таким образом: даже если общество весьма далеко от идеала справедливости, это не значит, что принципы, на которые должны были бы согласиться участники договора, должны действовать в любом случае. То есть, участники договора соглашаются с тем, что конституция является справедливой, но не совершенной процедурой, такой процедурой, которая не гарантирует справедливого исхода. Он полагал, что «социальная система должна быть организована так, чтобы итоговое распределение было справедливо независимо от того, как сложатся дела. Для достижения этого результата необходимо поместить социальный и экономический процесс в окружение соответствующих политических и правовых институтов. Без должной помощи этих сопутствующих институтов результат процесса распределения не будет справедливым. Не хватает честности окружения. Я дам краткое описание поддерживающих институтов, которые могли

¹⁰¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения в 2 тт. Т. 1. Ч. 2. «О справедливости и несправедливости». – М.: Мысль, 1965. – С. 602-735.

бы существовать в нормально организованном демократическом государстве... Такое устройство нам знакомо, но может быть полезным проверить, как оно соответствует двум принципам справедливости»¹⁰².

Как считает Алексеева Т.А. «главное здесь то, что основной институт (рынок) и дополнительные институты должны быть совместимыми с двумя принципами справедливости и как тенденция совместно удовлетворять этим принципам. В самом общем виде они могут быть описаны как совместимые с принципами, и, следовательно, справедливые.

С аналитической точки зрения вся процедура, таким образом, делится на две части. На первом этапе рассматривается результат, даваемый рынком, оценивается, насколько процедурно честными и адекватными были его устройство и способы деятельности, разумеется, с точки зрения задач рыночной экономики. На втором этапе осуществляются приспособление или серия приспособлений результатов посредством дополнительных институтов»¹⁰³.

Из вышеизложенного следует вывод, что роль государственно-правовых институтов у Ролза такова, что они должны являться следствием принципов справедливости и воплощать их, но, в то же время, должны позволять сделать принципы справедливости осуществимыми в реальных условиях.

С учетом важности проблематики справедливости для построения гражданского общества и социального государства в России, анализ концепции Ролза позволит дать обоснование практическим мерам по установлению справедливых стандартов распределения в строящемся в России обществе. Актуальность такого анализа определяется еще и тем, что в России практически неизвестна фундаментальная аргументация в пользу политического либерализма.

К сожалению, следует отметить, что, как уже упоминалось, по определению Дж. Ролза его теория является деонтологической¹⁰⁴, т.е. она рассматривает то, что должно быть. Это противоречит позиции научного подхода. Так, А.А.Зиновьев (мыслитель, близкий Ролзу по своим методологическим установкам) утверждает: «Научный подход

¹⁰² Ролз Дж. Теория справедливости. С. 245.

¹⁰³ Алексеева Т.А. Справедливость. С. 90.

¹⁰⁴ См.: Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – М.: Полит.. Лит., 1986. – С.116.

означает, что исследователь познает то, что существует..., а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть по его мнению. Позиция долженствования не есть позиция научная»¹⁰⁵. Аналогичный взгляд высказывает и Людвиг фон Мизес – один из крупнейших мыслителей XX в.: «Нормативной науки, науки о том, что должно быть, не существует»¹⁰⁶.

Сам же Дж. Ролз при обосновании своих принципов справедливости пишет: «Я не требую, чтобы принципы справедливости были необходимыми истинами или же выводились из таких истин. Концепция справедливости не может быть дедуцирована их самоочевидных посылок или условий на принципы; напротив, ее обоснование – это дело взаимной поддержки многих рассмотрений, которые складываются в один согласованный взгляд»¹⁰⁷. Таким образом, критерий истинности к теории справедливости Дж. Ролза не применим.

Вместе с тем, появление «Теории справедливости» вызвало большой общественный резонанс, который можно объяснить идеологической привлекательностью и возможностью обновления наследия либерализма.

Концепция справедливости Дж. Ролза органично вошла в идеологию различных политических течений, в том числе левого крыла Демократической партии США, в программы таких политических деятелей, как Джордж Мак Говерн, Эдвард Кеннеди, Джесси Джексон.

Действительно, к моменту появления теории справедливости Дж. Ролза уже весьма остро ощущалась неадекватность традиционной трактовки основных либеральных ценностей. Социально-антропологическая доктрина «классического» либерализма стала утрачивать свою привлекательность¹⁰⁸. Уже к 60-гг. XX столетия значительная часть политологов признала, что идея равенства возможностей, влияния на принимаемые в масштабе государства решения является универсальным, высшим принципом регуляции в области политики, и что применительно к практике построения демократических институтов и нормам их деятельности в качестве специфического регулятора выступает идея справедливости.

¹⁰⁵ Зинovieв А.А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, 2006. – С.175.

¹⁰⁶ Мизес фон Л. – Теория и история. – М.: Юнити, 2001. – С.48.

¹⁰⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. – С.33.

¹⁰⁸ См.: Алуksеш Т.А. Справедливость как проблема политической философии: Автореф. дис. ... докт филос. наук. – М., 1992. – С.7.

Под влиянием демократического подъема либеральная идеология подверглась серьезному переосмыслению: была сделана попытка примерить либеральные ценности индивидуализма и принцип равенства, автономность личности и вопрос о перераспределении доходов. Взгляды Дж. Ролза 70-х гг., несомненно, отражали реальность тогдашней политической жизни и идейной полемики.

Дж. Ролз говорит о справедливости прежде всего с либерально-демократических позиций. В этом смысле его работы носят не только философский, но и идеологический характер¹⁰⁹. Он считает либерализм доминирующей моральной и политической идеологией, хотя он у него и носит более ярко выраженные уравнивательные черты, чем в «классическом» либерализме XVIII – XIX вв. Более трех десятилетий, отделяющие нас от выхода в свет его труда «Теория справедливости», со всей очевидностью показали, что ему во многом удалось вдохнуть новую жизнь в политическую идеологию либерализма.

С конца 80-х гг. дискуссии вокруг свободы и справедливости вновь выдвинули идеи Дж. Ролза в центр внимания. Этому способствовали как пересмотр и уточнение Дж. Ролзом своей теории так и колебания маятника реальной политики. Труды Дж. Ролза остаются темой многочисленных симпозиумов и семинаров, введены в учебные программы многих высших учебных заведений.

Говоря о сегодняшнем понимании справедливости в России, отметим, что вероятно в обозримом будущем Россия не станет – в структурном и функциональном отношении – либерально-демократической страной: нет ни сколько-нибудь развитого рынка, ни правового – в строгом смысле слова – государства, ни соответствующих культурных институтов. Пока мы имеем главным образом патримониальную разновидность иерархической справедливости, которая проявляет себя, несмотря на все изменения законов. Кроме того, налицо глубокая формальная несправедливость, т. е. даже те нормы справедливости и законы, которые формально провозглашены, практически не соблюдаются. Речь пока идет только в лучшем случае о становлении справедливого абсолютного иерархического государства с чиновничеством в виде основного привилегированного сословия.

К сожалению, отдельные работы, которые затрагивают тему

¹⁰⁹ Там же. С. 8.

справедливости, относящейся к современному государственному устройству и развитию исходят из различных теоретических оснований и не создают поле дискуссии. Как полагает Б.Н. Кашников, государственно-правовой позитивизм, равнодушный к нормативным проблемам политики и права, продолжает безраздельно господствовать в пространстве политической и правовой мысли России¹¹⁰.

Возможно ли применить теорию Дж. Ролза к политической действительности России, создать прецедент размышления в отношении государственных проблем России в свете теории справедливости? Прежде всего этот вопрос значим для решения задач разработки концептуальных основ социально-правового государства¹¹¹. Здесь теория Ролза может быть наиболее актуальна, поскольку именно в ней наиболее полным и систематическим образом по сравнению с работами других современных западных ученых разрабатывается проблема справедливости применительно к объекту исследования теории государства и права, обобщаются основные подходы к трактовке понятия справедливости, выдвинутые его предшественниками, разрабатываются методологические средства развития правовых основ социального государства.¹¹²

Исходя из теории Ролза, следует оценить, является ли Россия хорошо организованным обществом. Ведь как полагает Ролз, хорошо организованное общество – такое, в котором каждый признает и знает, что все признают одни и те же принципы справедливости.

¹¹⁰ См.: Кашников Б.Н. Либеральный утилитаризм и его критика в политической философии Д. Роулза // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 84-95.

¹¹¹ См.: Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.

¹¹² См.: Гапоненко Л.Б. Современные проблемы взаимодействия социального государства и гражданского общества. Автореф. дис... канд. полит. наук. – М., 2004. С. 11-16. См. также: Правовое и социальное государство: проблемы становления в России: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 21. Часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 304 с.; Евстратов А.Э. Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы: Автореф. дис... канд. юрид. наук.- М., 2005; Наумова Е.Н. Социальное государство в России: проблемы теории и практики. Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2006; Увачев В.А. Социально-правовое государство и гражданское общество постиндустриальной эпохи: правовые основы функционирования и взаимодействия (на примере Западной Европы и США): Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2006.

Увы, в современной России мы имеем плохо организованное (если соотносить в критериями Ролза) общество, поскольку никто не признает и знает, что другие не признают, каких бы то ни было общих принципов справедливости. Основные общественные институты не соответствуют провозглашенным принципам справедливости и это молчаливо понимает и принимает большинство населения. Граждане не имеют развитого чувства справедливости и не следуют справедливым институтам.

Таким образом, рассмотрение сегодняшней российской действительности свидетельствует, во-первых, об отсутствии фундаментального консенсуса в отношении субстанциональных принципов общей справедливости (нормативный раскол общества). Во-вторых, можно говорить о невыполнении основными институтами даже тех принципов, которые формально провозглашены и закреплены в конституции. Все это свидетельствует о явной несправедливости современного российского общества как в плане субстанциональной, так и в плане формальной справедливости.

Одна из главных трудностей, которые возникают, как только мы пытаемся применить теорию справедливости к современной российской действительности, заключается в том, что для России трудно определить даже сам тип общества, справедливость которого мы хотим найти.

Разумеется, граждане справедливого общества имеют нормально эффективное чувство справедливости и они, в общем и целом, следуют основным его институтам, которые считают справедливыми¹¹³.

Институты (концепты справедливости) соответствуют двум принципиально различным типам общественных связей. Первый тип – это эгалитарная справедливость – тип, который утвердился в современном западном обществе и представляет собой наиболее общий принцип справедливости современного индустриального общества. Справедливое эгалитарное общество предполагает, что политическое равенство, или равенство всех в свободе, является наиболее общим принципом организации основных общественных институтов. Современное западное общество – это общество эгалитарной справедливости. Идея равенства представляет собой не только единый

¹¹³ См.: Rawls J. Political Liberalism. – P. 35.

фундамент теоретических дебатов на Западе, но и общий интуитивно-ценностный фундамент всей западной цивилизации.

Напротив, иерархическая общая справедливость предполагает, что исходным политическим принципом является неравенство статусов отдельных индивидов и групп, но это неравенство осознается как морально оправданное, поскольку в нем выражена различная степень их совершенства, которую они демонстрируют на путях служения высшей цели этого общества. Многие современные авторы определяют Россию как расколотое общество, для которого характерен конфликт фундаментальных концептов справедливости¹¹⁴.

Первое, с чего следует начать применение теории справедливости к политическим реалиям России, – это определить, какие типы фундаментальных концепций справедливости представлены и конфликтуют в России. Это позволит нам сделать, по крайней мере, самый общий вывод в отношении наиболее вероятного последующего движения фундаментальных ценностей политической справедливости и позволит найти точки соприкосновения и объединения разрозненных ценностей в некое общее и гармоничное целое, которое могло бы сыграть роль единой для всех общей справедливости. Мы полагаем, что ценностный раскол, характерный для российского общества, – это главным образом раскол по той линии, которая отделяет традиционное общество от индустриального.

Сегодня многие исследователи и обществоведы полагают, что Россия представляет собой гибрид традиционного и индустриального общества. Этому расколу соответствует раскол представлений о справедливости. Идея эгалитарной справедливости, присущая современному индустриальному обществу, противостоит здесь идее иерархической справедливости, присущей обществу традиционному. Таким образом, гибридный характер российского общества связан с наличием двух несовместимых концепций фундаментальной справедливости: иерархической справедливости и эгалитарной справедливости. Это несопоставимые, взаимоисключающие концепции. Одновременное присутствие их в качестве фундаментальных ценностей политического бытия обуславливает трагизм и неопределенность

¹¹⁴ См.: Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.

этого самого бытия.

Но здесь мы согласны с Ролзом, ведь создание справедливого иерархического общества, которое сможет гарантировать пусть неравные, но твердые права и соблюдение законности, представляется необходимым этапом, если только он не превратится в самоцель. На наш взгляд, главные усилия сейчас должны быть направлены на достижение формальной и процедурной справедливости, пусть даже и в иерархическом варианте содержательной справедливости.

В долговременной перспективе наш путь лежит в эгалитарную справедливость и либеральное общество. Такова логика развития всех современных обществ, и нет никаких оснований полагать, что Россия может идти каким-то иным путем. Демократические институты постепенно начинают работать, несмотря на засилье теневых мафиозных и иерархических институтов.

Очевидно, Россия не сможет в долговременной перспективе оставаться в рамках иерархического, тем более патримониального общества. Главным гарантом этого процесса будет появление людей, не только осознавших свои права и достоинство, но и готовых принять ответственность за судьбы общества. Принципиально важным условием этого движения, как показал опыт научной и с связанной с наукой общественной деятельности Ролза, является возникновение публичного дискурса справедливости, и мы надеемся внести в этот процесс определенный вклад своей работой.

Глава 3.

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

1 Идеи справедливости и законности в контексте современных течений западной политико-правовой мысли

Рациональный баланс между индивидуальной свободой и социально легитимированной справедливостью составляет фундамент «теории справедливости» Джона Ролза, одного из крупнейших современных представителей этической мысли. Как пишет сам Ролз, его теория «не концепция справедливости, которая является истинной, а такая, которая может служить основой сознательности и желательного политического соглашения»¹¹⁵.

Тип философствования Ролза оказал исключительно сильное влияние на всю современную англо-американскую политическую философию. Как уже приходилось отмечать, творчество Ролза было ориентировано прежде всего на методолого-практическое измерение. Американский ученый стремился прежде всего к тому, чтобы в соответствии с принципами своей теории сформировать коммуникативное поле для выработки общих легитимных принципов справедливости. В том числе и на метатеоретическом уровне, задавая серию последовательных импульсов для научной дискуссии. Можно сказать, что эта творческая программа удалась, поскольку именно работы Ролза вызвали к жизни дискуссию либералов и коммунитаристов, в самой значительной степени определившую пространство политической и политико-правовой мысли последней трети XX столетия.

В целом дискуссионное поле получило достаточно сложную конфигурацию, поскольку и коммунитаристы, и либералы имели критические претензии к теории Ролза и в то же время использовали

¹¹⁵ Ролз Дж. Теория справедливости. С. 9.

поставленные в ней проблемы для рефлексии сложившихся точек разногласия и артикулирования собственных позиций, обновленных в соответствии с актуальными проблемами развития государства и права. Споры вокруг теории справедливости Дж. Ролза было чрезвычайно много. Детальному критическому анализу были подвергнуты, практически, все положения, выдвинутые Ролзом. Следует отметить, что некоторыми философами права, особенно либерального толка, полностью отвергаются идеи Ролза. Его концепцию, по их мнению, вообще не стоит принимать во внимание при устройстве политических институтов.

Наиболее известной работой этого направления является книга «Анархия, государство, утопия» Р. Нозика¹¹⁶, последовательно критиковавшего Ролза именно с позиций классического либерализма, минимизирующего роль в обществе государства, «ограниченного функцией защиты всех своих граждан от насилия, воровства и мошенничества, исполнением договоров, и так далее»¹¹⁷.

Нозик указывает прежде всего на то, что концепция справедливости Джона Ролза является антиисторической. Учитывая то, что как и в любой теории, реализация идеи справедливости основывается на принципах распределения благ, трактовка их распределения должна соотносываться с представлениями о том, кто производит эти блага, а не только о том, кто обменивает их. Нозик считает, что точка зрения Ролза ошибочна, так как нельзя трактовать блага так, будто они существовали от века и не принадлежали до этого никому. Сам он отстаивает идею о невыводимости системы государственных отношений из элементарного взаимоотношения между индивидами, если даже допустить их неравенство на основе силы. Перераспределение благ, не связанных с властью, по Нозику, несправедливо и аморально, но оно заложено в самой государственности, обеспечивающей выборочную защиту отдельных прав.

Критика нормативной ценности аналитического подхода Ролза у Р. Нозика выливается в радикальный отказ от той принудительной силы, которая неявно содержалась в формализме аналитического способа мышления. Философская аргументация совпадает для него с репрессивной эпистимологической моделью. Либеральная

¹¹⁶ См.: Nozick R. Anarchy, State and Utopia. N.Y., 1974. P. 64.

¹¹⁷ Там же. P. 46.

альтернатива Нозика исходит из критического анализа понятия аргументации, ибо теорию права нельзя сводить к науке об аргументации. Из некоторых посылок и доказательства не вытекает одно и то же заключение – более нравственно и эпистемологически плодотворно стимулировать собеседника к альтернативным способам мышления. Объективное знание о праве может быть получено не построением неопровержимой аргументации, а нравственным совершенствованием человека.

Сравнивая между собой концепции Ролза и Нозика, немецкий правовед Отфрид Хёффе полагает, что последний уделяет относительно мало внимания вопросу об основоположениях права. Рассматривая первоначальное приобретение имущества как форму присвоения бесхозных предметов, Нозик по умолчанию объявляет нетронутую природу бесхозным добром, которое становится собственностью в результате захвата и переработки. На это Хёффе, солидаризуясь по данному вопросу с Ролзом, возражает, что «как минимум столь же очевидной является посылка, что природа есть изначальная собственность всего человечества, из-за чего любой захват и переработка носят характер лишь вторичного, а не первичного присвоения. Согласно этому альтернативному пониманию человечество в целом обладает (коллективным) преимуществом, «правом участия в прибыли» от Земли и ее плодов»¹¹⁸.

В противоположность Нозигу О. Хёффе видит в творчестве Ролза новую парадигмальность, которую он связывает с его трактовкой справедливости как распределения. Такой подход с использованием обмена обладает уже тем преимуществом, что принципы распределения являются спорными, а принцип справедливости при обмене, т.е. равноценность даваемого и получаемого, никто не оспаривает¹¹⁹.

На этой основе внеправовое состояние как естественное состояние конфликтов свободы, может быть преодолено именно посредством первоначального правового договора, носящего характер как негативного, так и «трансцендентального» обмена. Поясняя эту мысль, Хёффе отмечает, что обмен является негативным, поскольку заключается во взаимном отказе от применения насилия, и относительно трансцендентальным, поскольку происходит на уровне, отказаться от

¹¹⁸ Хёффе О. Справедливость. Философское введение. – М., 2007. С. 99.

¹¹⁹ См.: Там же. С. 100.

которого не сможет ни один человек, поскольку лишь здесь становится возможным подлинно человеческое существование. В результате чего соблюдается элементарный критерий справедливости, который Хёффе называет дистрибутивно-коллективной выгодой. Согласно этому критерию, среди коллективно выгодных правил значимы прежде всего те, которые выгодны каждому индивиду.

Хёффе замечает, однако, что подобное притязательное условие соблюдается там, где выходят за рамки критериев Ролза, т.е. общественных основных благ, и ориентируются, во-первых, на трансцендентальные интересы: на условия возможности дееспособности и свободы действий, и при этом, во-вторых, останавливаются на интересах, которые соблюдаются лишь в рамках взаимности и благодаря ей.

Кроме указанных выше возражений Р. Нозика (в связи с замечаниями Хёффе) существует еще ряд аргументов либералов против основных положений теории Ролза. Так, Ф. фон Хайек, утверждает, что введение в действие принципов справедливости Ролза, да и любой концепции перераспределения, потребует такой информации, которая никогда не будет доступна центральному правительству, призванному перераспределять доходы через систему налогообложения. Другое возражение состоит в том, что теория Ролза неадекватна современному миру, в котором государства глубоко задействованы в системе международной торговли и администрирования.

С позиций теории естественного права указанную концепцию справедливости критиковал в своей работе «Естественное право и естественные права» (1980) Дж. Финнис. «Теория естественного права, — указывал он, — претендует на способность выявить условия и принципы практической разумности, а также хорошего и правильного порядка среди людей и в их индивидуальных поступках»¹²⁰. Согласно Финнису, постулат естественного права состоит не в том, что «несправедливые законы нельзя считать законами», а в том, что существуют объективно действующие нормативные принципы, которым и должен соответствовать комплекс норм позитивных законов и всех случаев их применения¹²¹.

Финнис выдвинул положение, согласно которому познавательная

¹²⁰ Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford, 1980. P. 18.

¹²¹ См.: Ibid, p. 351.

способность раскрывает перед человеком принцип справедливости в качестве «базовой ценности человеческого существования»¹²². Различия в определении справедливости, согласно точному замечанию Финниса, исторически связаны с абсолютизацией той или иной ценности. Однако преодолеть эту абсолютизацию можно лишь в процессе длительных дискуссий и, в конечном итоге, в процессе исторического развития разума: «Несомненно, иногда искажения и отклонения проще всего объяснить неразборчивой и неразумной непосредственностью; иногда их можно объяснить предвзятостью и невниманием, вытекающими из условностей языка, структуры и нравов общества; иногда же (и, скорее всего, в наиболее радикальных случаях) они объясняются предвзятостью, связанной с любовью к самому себе или с другими эмоциями и наклонностями, которые не уступают требованиям простой разумности»¹²³.

Также критиковал теоретические выкладки Ролза с либеральных позиций Д. Ричардс в своей работе «Моральная критика права», предлагая при этом свой вариант решения проблемы соотношения права и справедливости. Согласно Д. Ричардсу, закон и принципы справедливости не связаны друг с другом непосредственно: «С точки зрения абстрактного теоретического анализа, приходится признать, что закон не обязательно является нравственным». В действительности же «юридические и нравственные принципы в значительной степени переплетаются в рамках самых разнообразных конкретных юридических институтов».¹²⁴

Отмечая, что хотя закон может и не соответствовать требованиям справедливости, Ричардс признавал вместе с тем, что существуют принципы справедливости, истинность которых может быть верифицирована практической деятельностью в сфере обеспечения прав и свобод личности и потому ею же они могут быть также и востребованы. Как нам представляется, это несколько упрощенная, по сравнению с Ролзом позиция, который, рассматривая роль справедливости в конституировании правовых норм, также в конечном итоге апеллирует к практике. Однако требование формирования коммуникативной дискурсивности, выдвигаемое Ролзом, фактически, означает

¹²² Ibid, Pp. 59, 85.

¹²³ Ibid, p. 127.

¹²⁴ Richards D. The Moral Criticism of Law. Encino, 1977. P. 33.

требование выражения рефлексивного отношения в сфере права и в сфере нравственности, что представляет собой более высокую точку зрения по сравнению с позицией Ричардса¹²⁵. Данную позицию выдвигает и отстаивает Г.Г. Бернацкий, в том числе и в своей докторской диссертации¹²⁶.

Собственную концепцию соотношения принципов справедливости и права, исходя из общего принципа синтетического единства правовых феноменов, разработал другой известный американский правовед Рональд Дворкин в своей работе «Империя закона». Согласно Дворкину, справедливость получает свое воплощение в независимых нормативных принципах, которые раскрываются через систему позитивного законодательства.

Предложенное Ролзом описание практической разумности представляет собой прежде всего способ решения проблемы соответствия принципов справедливости и норм права. В идеале нормы права должны соответствовать принципам справедливости. Если же соответствия не устанавливается, то это снижает обязанность соблюдения закона. Дворкин же стремится уйти от какого бы то ни было универсального решения данного вопроса, сводя его к конкретной интерпретации той или иной жизненной ситуации, которую должен решить судья, независимо от всяких общих принципов отношения права и справедливости. Однако это, как нам кажется, вовсе не решает проблему, а воспроизводит ее всякий раз в новой ситуации и на новом уровне. В таком случае всякие теоретические изыскания оказываются бессмысленными. И это при том, что сам Дворкин вовсе не склонен отрицать объективный смысл принципов справедливости и их реализуемость в сфере права.

Наиболее радикально выступили против теории Ролза коммунистаристы. С их точки зрения Ролз вообще затрагивает не те аспекты, которые требуют внимания. Либералы ищут такие моральные стандарты, по которым можно оценивать социальные и политические институты. Но с точки зрения коммунистаристов, подлинная задача состоит в том, чтобы определить принципы, которые задействованы

¹²⁵ См. подробнее: Бернацкий Г.Г. Естественное право в истории правовых учений. – СПб, 2001. С. 110-122.

¹²⁶ См.: Бернацкий Г.Г. Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2001. – 504 с.

в реальной практике реальных обществ¹²⁷. Бесплезно, с их точки зрения, постулировать абстрактные принципы, и затем уже исследовать их следствия, что допустимо на практике. Дело в том, что практика предшествует теории, и вряд ли абстрактные принципы могут играть какую-либо существенную роль. К. Бейнс дает следующие комментарии по этому поводу: «Либералы защищают приоритет права над благом на том основании, что не существует бесспорной концепции блага, признаваемой всеми гражданами в качестве общей основы для определения направлений общественного сотрудничества. Коммунитаристы утверждают, что либеральная попытка определения принципов справедливости без признания предполагаемого разнообразия благ и принципов распределения означает самообман. Тем не менее, риторический флер, создаваемый обеими сторонами, делает разногласия более острыми, чем они есть на самом деле»¹²⁸.

На практике правоведы коммунитаристской школы призывают к созданию и распространению локальных сообществ в самых различных формах. Эти сообщества, по их мнению, обеспечивают формирование основных человеческих добродетелей, а также предполагают согласие между людьми по поводу основополагающих нравственно-правовых ценностей. В них бытие «мы» дано как переживаемая и открывающая себя реальность¹²⁹. Такого рода сообщества могут стать в современных условиях первичными «ячейками» самоуправления гражданского общества, обеспечивающими его действенность и устойчивость, а также четко выраженное ощущение справедливости или несправедливости тех или иных принимаемых законов¹³⁰.

Несмотря на нововведения Ролза, право по преимуществу исследуется коммунитаристами как сущее бытие и сохраняется ориентация на

¹²⁷ См.: Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Гнозис, 1997.

¹²⁸ Бейнс К. Либерализм Ролза и коммунитаристская критика // Историко-философский ежегодник. – М., 1995. – С. 90. См. также: Хайруллин В.И. Что такое «коммунитарная справедливость» // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 93-97.

¹²⁹ См.: Интервью с А.Макинтайром // Вопросы философии, 1996.- № 1.-С.94

¹³⁰ См.: Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994; Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51; Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.

формальный логико-лингвистический анализ феномена права. Однако в научной среде, близкой к коммунитаристам, имеются и оригинальные исследования, например, Дж.Элстера по приложению семантики возможных миров к анализу важнейших правовых принципов и понятий; конструктивное использование Р.Дебманом феноменологической концепции интенциональности применительно к анализу природы государственной власти. Близкие проблемы разрабатываются и в философии политики. Т. Нагель не воспринимает модель антагонистических социальных интересов и раскрывает простое существование разнообразных видов равенства в праве. Ш.С. Уолин пытается переосмыслить программу революционной деятельности якобинцев как предпосылку глобального преобразования общества.

Ряд коммунитаристов стремится интегрировать идеи Ролза. Так, Т.М. Скэнлон разрабатывает программу исторической контекстуализации Ролза. Р. Унгер пытается создать новый вариант «освободительного социального экспериментизма», по сути, нечто среднее между теориями коммуникативного действия Хабермаса и Ролза¹³¹.

Особую позицию занял уже упоминавшийся нами в связи с дискуссией между Ролзом и Нозиком О. Хёффе. Теоретические претензии, которые Хёффе предъявляет к Ролзу, носят прежде всего методологический характер. Методологический инструментарий, которым располагает Ролз, считает Хёффе, не позволяет ему обеспечить обоснование всеобщей «перспективы справедливости». Хёффе, по сути, обвиняет Ролза в эмпирическом подходе: «Ролз ведет поиски эмпирической теории справедливости, оставляя при этом вопрос о правомочности самой перспективы справедливости открытым. Разумеется, объектом ролзовской теории является справедливость – феномен нормативный, а применительно к нормативным феноменам эмпирическая теория принимает несколько иной вид, нежели к естественно-научным»¹³².

¹³¹ См.: Шульц В.Л. Метод познания социальных явлений Ю. Хабермаса // Современная западная социология. Межвузовский сборник. – Л.: ЛГУ, 1979; Шульц В.Л. Культурологические тенденции в концепции общественного развития Ю. Хабермаса // Современные политологические и культурологические концепции общественного развития. – Л., 1986; Шульц В.Л. Анализ концепции социальных изменений Н. Лумана и Ю. Хабермаса // Западные концепции социальных изменений. – Л., 1987; Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология: реферат, сб. Вып. 1. – М., 1991;

¹³² Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической

Хёффе обращает также внимание на то, что отсутствие нормативной компетенции обнаруживает себя в том обстоятельстве, что предпринимаемое Ролзом обоснование принципов справедливости имеет своей предпосылкой существование некоего смысла справедливости. В последнем, вместе с тем, уже содержится руководящий нормативный принцип, а именно: принцип беспристрастности. Предпосылкой смысла справедливости выступают у Ролза те качества, которыми он наделяет как процесс справедливой оценки, так и компетентного субъекта, подобную оценку осуществляющего. В итоге принцип справедливости теряет у Ролза, согласно Хёффе, определения всеобщности и объективности, столь значимые именно для научного принципа.

О. Хёффе оправданно указывает на отсутствие у Ролза важной составляющей понятия справедливости, а именно: понятия социальной обязательности. Этот аспект особенно важен для исследования сущности справедливости в правовом дискурсе, т.к. он указывает нам на сопряженность справедливости с ответственностью. Впрочем, понятие обязательности в дискурсивном пространстве справедливости Хёффе трактует исключительно в кантианском ключе. Для него, чтобы точно определить характер социальной обязательности, необходимо вначале провести различие между позитивной и конвенциональной, т.е. реально действующей в рамках определенной группы, обязательностью и такой обязательностью, с помощью которой мы задаемся вопросом по поводу реально действующего и оцениваем его как правильное или неправильное. Согласно позиции, занимаемой Хёффе, о справедливости можно говорить лишь применительно ко второму случаю, поскольку она является понятием не позитивной, а критической легитимации.¹³³

На этой основе, опираясь на посылки неокантианской критической философии права, Хёффе предлагает свой вариант разрешения разногласий между Ролзом и его оппонентами. При этом он отмечает, что «... нормативная оценка, имеющая место в критике права и государства, может пониматься тройко. Правовые и государственные феномены можно оценивать как позитивные или негативные, во-первых, в техническом, и, соответственно, стратегическом, а затем – в

философии права и государства. – М., 1994. С. 23 – 24.

¹³³ См.: Там же. С. 26.

прагматическом, и наконец, – в нравственном смысле; в случае справедливости речь идет о третьем, нравственном смысле критической оценки».¹³⁴

Важным представляется нам то, что Хёффе вводит различие личной и институциональной справедливости. Последнюю он соотносит с политической справедливостью, имеющей четко выраженный правовой аспект. Согласно Хёффе, «политическая справедливость как справедливость государственно-правового сообщества является составной частью институциональной справедливости».¹³⁵ Поскольку право и государство оцениваются политической справедливостью с точки зрения морали, можно также говорить о моральной позиции или установке по отношению к праву и государству. При этом Хёффе подчеркивает, что следует говорить не об одной единственной, а об одной из возможных моральных установок по отношению к праву и государству. Он также предлагает различать, справедливость в оценке единичного действия какой-либо политической инстанции, т.е. указа, закона или судебного решения, и справедливость деятельности государства, когда его действия постоянно, по самой своей сути, т.е. когда речь может идти «о справедливом характере политических инстанций и институтов и даже о справедливом правовом и государственном устройстве»¹³⁶. Предметом оценивающего суждения в аспекте «справедливо – несправедливо» здесь выступает по преимуществу правовой и государственный порядок, попустительствующий этой несправедливости и даже являющийся ее источником.

Эти категориальные дифференциации вводят определенные категориальные уточнения, которых лишена философия права Ролза, однако преимущество последней нам видится в том, что Ролз более конкретно определяет самый главный момент в теоретической конструкции правовой справедливости. А именно: субъекта описываемого Хёффе (но подразумеваемого также и Ролзом) оценивающего суждения в аспекте «справедливо – несправедливо». Для Ролза определение этого субъекта составляет один из краеугольных камней его философско-правовой концепции. И в этом, он, кстати, оказывается близок коммунитаристам. Фактически, основное внимание в теории

¹³⁴ Там же. С. 28.

¹³⁵ Там же. С. 31.

¹³⁶ Там же. С. 32.

Ролза сосредоточено на проблеме конституирования принципов справедливости в рамках так называемой «конструктивистской» интерпретация концепции общественного договора, а также на исследовании вопроса о применении этих принципов и их признании гражданским обществом.

В конечном итоге для Ролза оценивающий субъект – результат сложной организации коммуникативного взаимодействия в пространстве правоотношений. Хёффе же оставляет вопрос о конституировании субъекта, в принципе, открытым.

Отметим, что под влиянием этой критики Ролз начал пересматривать и уточнять некоторые аспекты своей теории. «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли»¹³⁷. Эта знаменитая фраза Ролза определяет огромный круг исследований. Все аспекты концепции Ролза вызвали огромный резонанс в западной литературе, что подтверждается наличием множества комментариев и публикаций по данному вопросу.

Впрочем, в большинстве случаев критический настрой в отношении Ролза не стоит преувеличивать. В рамках своей конструктивной критики во многом солидаризовались с подходами Ролза и Нозик, и Хёффе, и Финнис. В этом ряду следует также указать имя видного правоведа Лона Л. Фуллера, идея которого во многом предвосхитили умопостроения Ролза.¹³⁸ Исследуя природу права, Фуллер указывал, что принципы справедливости не могут быть выведен за границы области бытия права, поскольку они сами основаны на началах, имеющих общую природу с правом. Тем самым ставится вопрос о возрождении подхода, характерного для концепций естественного права.

Принято считать, что концепция естественного права находит свои истоки в античности и средневековье.¹³⁹ Наибольший же свой

¹³⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. С.19.

¹³⁸ Fuller L. The Morality of Law. New Haven, 1964. Pp. 33 – 94.

¹³⁹ См.: Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический

расцвет она получает в Западной Европе в эпоху Просвещения и Нового времени¹⁴⁰. Именно XVII-XVIII века в истории Европы отмечены активным развитием философско-правовой мысли. В это время концепция естественного права набирает популярность. Результаты творчества Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа изучались во всех европейских университетах, где звучали их имена¹⁴¹. Что касается России, то появление естественной концепции здесь связано с именем А.П. Куницына, профессора Императорского Царскосельского лицея и Санкт-Петербургского университета. Именно он на базе работ мыслителей Запада подготовил и издал двухтомный труд «Право естественное»¹⁴², и пропандировал естественно-правовые идеи среди лицеистов и студентов университета. Издание книги для А.П. Куницына сослужило недобрую службу. Он был отстранен от преподавательской деятельности в университетах и уволен с государственной службы. Возвратиться в высшие учебные заведения России ему не удалось; вместе с тем его творческая и педагогическая деятельность была очень значима как для России, так и для всего мира. Его идеи были востребованы концепцией возрожденного естественного права.

Концепция естественного права исследовалась представителями классической немецкой философии¹⁴³ и постклассической фило-

институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.

¹⁴⁰ См.: Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157; Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.

¹⁴¹ См.: Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001. С. 174.

¹⁴² См.: Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб., 1818; Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб., 1820.

¹⁴³ См.: Проблемы философии права в классической немецкой философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава III // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б.,

софии права¹⁴⁴. Она серьезно разрабатывалась сторонниками русской религиозно-нравственной философии права¹⁴⁵ и в концепции возрожденного естественного права¹⁴⁶.

Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 158-259.

¹⁴⁴ Идеи права в постклассической философии (Шопенгауэр, Ницше, Диннел, Дильтей (А.Н. Сотникова), Кухта, Иеринг, Еллинек) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, А.И. Пешков, Л.А. Чеговадзе. Глава IV // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 260-402; Савиньи Ф. Римское право в Средние века (1838) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 379-422; Пухта Г-Ф. Энциклопедия права (1872) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 423-510; Кениг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции (1863) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 351-378.

¹⁴⁵ См.: Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.; Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Яценко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633; Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.; Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 8-25. – в кн. 448 с.; Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 8-25. – в кн. 399 с.

¹⁴⁶ См.: Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 75-80; Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48; Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его

Пожалуй, наибольший расцвет концепция естественного права получила в конце XX – начале XXI века, и в первую очередь на постсоветском пространстве¹⁴⁷, когда нашла отражение в конституциях суверенных государств, появившихся после развала Советского Союза¹⁴⁸. А некоторые из республик СССР, приобретя государственную независимость и суверенитет, приняли конституции, полностью базирующиеся на основе данной концепции. К ним можно отнести Россию и, например, Таджикистан. В статье 2 Конституции РФ прямо записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹⁴⁹. Аналогичный вывод зафиксирован и в статье 5 Конституции Республики Таджикистан: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны.

Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством»¹⁵⁰.

Вероятнее всего, именно данная базовая констатация позволила одному из разработчиков российской Конституции, профессору С.М. Шахраю сформулировать данный вывод во многих его работах,

значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 36 с.; Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – СПб., 2002.

¹⁴⁷ См.: Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14; Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).

¹⁴⁸ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. документов. – М., 1994; Конституции стран – членов СНГ. Сборник документов. – Ереван, 1997.

¹⁴⁹ Конституция Российской Федерации. – М., 2012.

¹⁵⁰ Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012.

в том числе и учебнике¹⁵¹. Аналогичной позиции придерживается и Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин. Он, в частности, полагает, что «отличительной чертой российской Конституции является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию»¹⁵².

Профессор В.М. Шафиров, хотя и пишет о бинарной природе российской Конституции, все-таки вкладывает в ее понимание именно естественную концепцию прав человека¹⁵³. Именно она выдвигает действующую Конституцию Российской Федерации в ряд авторитетнейших, правовых и нравственных Конституций мирового сообщества.

Структура нравственного авторитета, которая через принцип справедливости представляется организующим началом права, является сама продуктом естественного права. В конечном итоге расселовский парадокс фиксируется в классическом естественном праве – суверен столь силен, что не обладает силой ограничить свою власть. Характер условий существования системы юридических норм не являются условиями, определяющими надлежащую форму права. Возникает проблема определения лингвистического статуса вновь введенного в аналитику естественного права.

Стремясь объяснить, каким образом в социальных системах реализуется действие права, Фуллер определял его как комплекс нормативных предписаний, которые, после того как их значение определено в рамках ценностного консенсуса, можно рассматривать относительно независимо от времени и исторических особенностей социума¹⁵⁴. В рамках этого общего контекста конкретный конфликт между юридическими обязанностями и нравственными обязательствами является простой демонстрацией разделения закона и принципов справедливости.

¹⁵¹ См.: Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. Изд. 2-е, стереотипное / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 636 с.

¹⁵² Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011. С. 53

¹⁵³ См.: Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004. – 260 с.; Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.

¹⁵⁴ См.: Fuller L. The Morality of Law. New Haven, 1964. Pp. 72-81.

Решая поставленную Фуллером проблему, Ролз заменяет аксиому классической аналитики о наличии суверена системой «естественного состояния» и, оставаясь при этом в пределах формального анализа, заменяет проблему материальной причинной связи между правом и справедливостью проблемой теоретической (логической) выводимости концепции права из достаточно сложного набора моральных суждений. Принципы справедливости в этом случае следует считать честными, верными и истинными. Ролз заявил о независимости морального горизонта от лингвистических и эпистемологических предпосылок аналитического исследования, чем сделал определенный шаг навстречу интуитивистским моделям этики и права.

Такого рода поворот американского ученого представляется не случайным. В последней трети XX столетия годы на Западе активно росло число ученых-этиков, желающих защищать важные аспекты интуитологии и достаточно активно обращавшихся также и к проблемам юридической справедливости. Достаточно много факторов гносеологического и онтологического характера послужило возрождению интереса к этической интуитологии. Но до сих пор на Западе говорят о преодолении препятствий для развития современной этической интуитологии. Причард писал, что из-за растущей неудовлетворенности философией морали, он пришел к мнению, что ее предмет в целом, как он обычно понимается, основан на ошибке.¹⁵⁵

Частью эта неудовлетворенность состояла в том, что слишком много мнений и аргументов в книгах по философии морали представляются «неубедительными и искусственными». Они искусственны в том смысле, что они не приобретают черты того, что мы действительно думаем, как сказал бы Росс. Если спросить, почему мы считаем несправедливость неправильной, мы можем указать на то, что, когда мы лжем, мы изменяем обязательству говорить правду, которое кто-то заложил в нас, или что мы каким-то образом вредим другим. Если продолжать спрашивать дальше о том, в чем состоит аморальность нанесения вреда другому человеку или неисполнения обязательств перед другими, то большинство окажется в явном затруднении.

Можно, конечно, пытаться в духе категорического императива Канта доказать, что неисполнение обязательств перед другими

¹⁵⁵ См.: *The Methods of Ethics*, 7th edn. London: Macmillan, 1998. p. 256.

неправильно, потому что совершается по принципу, который не может быть вменен как универсальный закон, или потому что общество, в котором уважаются обязательства, было бы более счастливым, чем то, в котором они нарушаются. Но такая кантианская аргументация многим покажется и неуместной, и излишней. Изначально мы не думаем, что соображения верности нравственно привлекательны для тех доводов, которые выдвигают кантианцы и консеквенциалисты, трактуя в своих интересах их как нравственно привлекательные.

Именно по этой причине, как мы считаем, интуиционисты, как, например, Кларк, думают, что философия морали в такой степени неубедительна и абстрактна. И дело не просто в том, что мы не мыслим так, как настаивают некоторые философы морали, но в том, что мы не можем убедить себя, что нам следует мыслить таким образом. Настаивая на том, что к простым нравственным идеям нужно относиться более серьезно, чем это часто происходит, философия интуиционистов избегает этой искусственности. Нельзя сказать, что эти интуиционисты враждебно относятся к теории. Как мы видели, их этические теории содержат характерные мета-этические и гносеологические воззрения.

При этом они выступают не против теории справедливости как таковой, а против ее определенной формы. А именно: той, где обнаруживается слишком большое расхождение между способом, которым мы действительно мыслим и размышляем, и теорией, которая пытается придать моральному размышлению смысл. В этом они кажутся правыми. Кто-то мог бы быть в состоянии систематизировать наши основные нравственные убеждения, подведя их под какой-то один принцип, но если мы не можем убедить себя, что эти убеждения истинны просто потому, что случается, что они подпадают под этот принцип, то ценой такой систематизации будет совершенно неубедительная в условиях морального выбора искусственность,

Часто возражают (и не только критики интуитологии), что логически неправильно придавать такую важную роль соображениям здравого смысла. Говорится, что теория морали должна не просто прояснить здравый смысл, но критиковать его сквозь призму независимой теории. Трудность здесь состоит в том, что, чтобы такие критические аргументы имели действенность, то есть, считались здоровой критикой. Мы должны быть способны, при некотором размышлении,

не просто извлекать выводы из этих аргументов, но достоверно их подтверждать. Если, например, мы не можем отступить от нашего ощущения, что обязательства имеют особую обязывающую силу, которая не зависит от позитивных последствий, которые может принести приверженность идее верности, то мы не сможем принять как истинную ту теорию, которая требует от нас этого.

Как выражается Росс: «просить нас отказаться в пользу какой-либо теории от нашего конкретного понимания, что есть [prima facie] правильно, а что есть неправильно, это то же самое, что просить людей отречься от их конкретного восприятия красоты в пользу теории, которая гласит, что “только то, что удовлетворяет таким-то и таким-то условиям, есть красивое“». ¹⁵⁶ Ссылка на то, что мы действительно думаем, была бы, конечно, неуместна в науке, поскольку здесь мы имеем гораздо более надежный метод обнаружения не-нормативных истин о мире. Но мы не можем обосновать нравственные истины путем эмпирического исследования, или эксперимента. Такое исследование может показать нам, например, что отдельные животные могут или не могут чувствовать боль, но оно не может показать, что эти факты являются нравственно значимыми, что они дают нам нравственные основания относиться к этим животным определенным образом. Единственный способ обосновать нравственные истины – это размышления о том, что мы действительно думаем, с того момента, как соответствующие понятия и принципы были дискурсивно изложены, разграничены друг от друга и систематизированы. Можно, конечно, допустить, что этот метод не гарантирует истину, но это дает нам не более оснований отказываться от этого метода в этике, чем возможность ошибки дает оснований отказываться от экспериментов и наблюдений в естественных науках.

Если убеждение в справедливости того или иного действия может быть подтверждено каким-то иным признаком, нежели его логическая связь с другими убеждениями, что это может быть за признак? Традиционный ответ – самоочевидность. Как пишет В.Д. Росс, самоочевидное высказывание есть «очевидное без какой-либо необходимости доказательства, или каких-либо дополнительных данных, кроме самого себя». Ничего более, чем адекватное понимание

¹⁵⁶ The Methods of Ethics, 7th edn. London: Macmillan, 1998. p. 263.

самоочевидного суждения, не требуется, чтобы обосновать доверие к нему (что не означает, что не может существовать также и других обоснований доверия к нему).

Самоочевидные суждения о справедливости и несправедливости должны быть интеллектуально убедительны, независимо от того, из чего они следуют, и что следует из них. Если наше обоснование доверия к суждению таково, что высказывание согласуется с конкретными убеждениями, которые мы уже имеем, то это обоснование для суждения опять-таки является логически выведенным. Для того чтобы доверять суждению по причине его самоочевидности, мы должны понимать, что же есть то, чему мы доверяем, и это понимание должно быть основой доверия. Понимание самоочевидного суждения обеспечивает обоснование доверия к нему. Кажется, что обоснование того, что понимание самоочевидного суждения дает основания для убежденности в этом высказывании, не является логически выведенным.

Но очевидно, что мы не можем адекватно понять высказывание без проведения логических умозаключений. Ведь результаты нравственной интуиции справедливости будут лишь в том случае обладать для самой личности признаками очевидности и всеобщности, если они будут выходить за пределы сферы субъективного. Таким образом, нравственная интуиция справедливости должна быть дополнена некоторой «интуицией объективности» и здесь этический интуиционизм находит для себя путь к примирению с этическим рационализмом.

Думаем, что многих исследователей в области теории права привлекала в предложенной Ролзом модели отношения законности и справедливости, и шире – права и нравственности, именно ее усложненность, в основе которой лежит поиск возможной гнсоеологической модели сочетания объективного и субъективного в этико-правовом дискурсе. Более того, можно говорить о принципиально новом отношении к функциям научной методологии. Под непосредственным влиянием Ролза в правовой науке хотят видеть не просто некоторую объективную «картинку» действительности, а своего рода геном коммуникативного взаимодействия по поводу артикулируемых в науке реальных, практических проблем развития государства и права. Таким образом формируется научное сообщество, стремящееся ставить и решать практически значимые задачи, а по мере втягивания в его дискуссии более широких кругов общественности

формируется и субъект социального действия.

В отношении фундаментальных понятий, которые в историко-правовой ретроспективе традиционно конституировали дискурс правовой науки, такой подход выглядит также привлекательным, особенно для правоведов, сформировавшихся под значительным влиянием неокантианства. Растянувшийся на многие десятилетия поиск эффективных подходов к разработке модели оценивающих суждений в праве привел в качестве результата к тому выводу, что справедливость и право, взятые в своей фундаментальной основе, не могут быть лишь понятиями нравственной оценки. Наряду с процедурой оценки важен еще и комплекс действий, одновременно определяющих и объект действия (в данном случае – комплекс правоотношений), и параметры субъекта, выстраивающиеся в процессе коммуникативного взаимодействия, и в качестве рефлексии такие представления о праве и справедливости, которые могут стать основой общественного консенсуса. Справедливость, в таком случае, обнаруживает себя как нормативно закрепленная социальная обязательность, исполнения которой люди не только ждут друг от друга, но могут друг от друга требовать и полагать ее как нечто должное.

Такого рода право, в основе которого лежит рефлексированный ценностный консенсус относительно содержания принципа справедливости, является нормативным механизмом не только регулирования, но саморегулирования личности в системе социальных отношений.

В этом аспекте правовая политика в современном гражданском обществе должна быть в первую очередь ориентирована на формирование самоопределения личности в системе правовых ценностей, на формирование позитивно ориентированного правосознания и правовой культуры. Однако позитивные правовые ценности, основанные на идеалах свободы личности, сами по себе не могут признаваться личностью приоритетными. Они приобретают нормативное содержание при обращении к конкретности справедливости. Согласно Ролзу, эта конкретность достигается в результате консенсуса, воспроизводимого в процессе коммуникативного взаимодействия субъектов коммуникативного действия. Такого рода взаимодействие предполагает изначальную свободу воли и установку на сохранение и реализацию этой свободы.

Таким образом, Ролз решает одну из основных проблем

современной философии права. А именно: проблему логического круга во взаимоотношении свободы и справедливости. При том, что в правоотношении свобода и справедливость, по сути, тавтологически взаимоотнопределяются, все же содержательно они различаются тем, что свобода выступает как более субстанциальная категория, а справедливость как категория, задающая нормативность системы отношений, построенных на взаимоотношении свободы (право). Делая акцент на проблеме субъектности в определении справедливости и решая ее через модель коммуникативного правового разума, Ролз разрывает этот порочный круг в определении и открывает путь к дальнейшему развитию наиболее фундаментальных определений правовой теории.

Этим, в первую очередь, и определяется, как нам кажется, место творчества Ролза в современных философско-правовых исканиях.

2. Единство принципов законности и справедливости в современном гражданском обществе

Одним из наиболее важных выводов истории правовых и политических учений, от Платона до Ролза, можно считать признание того, что справедливость и несправедливость, с одной стороны, оказывают влияние на право, а с другой – нуждаются на каждом определенном этапе исторического развития в большей или меньшей, но необходимой опоре на соответствующие правовые ценности.¹⁵⁷ Как один из важных регуляторов поведения человека, эти категории служат мерой прав, благ личности или социальной группы, основой требований и оценок с точки зрения определенного класса или общества. В их содержании закрепились и важнейшие общечеловеческие требования.¹⁵⁸ Право в жизни общества, будучи государственно санкционированным, должно так или иначе (а часто формально) поддерживать правовыми нормами простые, элементарные требования справедливости.

Для установления правильного отношения между справедливостью и законностью следует прежде всего учитывать их значение как социальных регуляторов гармоничного отношения личности и

¹⁵⁷ См.: Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. - № 10. – С. 5-14.

¹⁵⁸ См.: Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Белгород, 2002.

общества. Именно такой характер понимания как справедливости, так и законности установился в классическом правоведении еще со времен Платона и его диалога «Государство». Ни у кого не вызовет сомнения тот факт, что деятельность людей, отношения, возникающие между ними, поведение каждого члена общества и действия отдельных социальных групп требуют регулятивного воздействия, установления общих правил. Цивилизация выработала множество различных правил и норм, обеспечивающих жизнедеятельность общества. Вся совокупность норм, осуществляющих регулирование поведения и деятельности, составляет систему нормативного регулирования общественных отношений. При этом вопрос о соотношении права и нравственности был и остается одной из важнейших проблем теории права и государства.¹⁵⁹ Заслуга Ролза во многом состоит именно в том, что он показал: эта проблема не может быть решена раз и навсегда в рамках какой-либо завершенной философско-правовой концепции. Но ее принципиальная незавершенность и даже «нерешаемость» – это не слабость правовых позиций, а скорее наоборот – их сильная сторона, поскольку именно теория права и должна каждый раз решать эту проблему. Важность этой деятельности состоит в том, что научное сообщество здесь может и должно, как показал Ролз, решая, казалось бы, чисто научные проблемы, организовать при этом такого рода коммуникативное взаимодействие субъектов правоотношений, которое станет основой формирования и экспликации реального нравственно-правового консенсуса в обществе.

На ранней стадии развития общества социальные нормы вырабатывались многократным повторением однообразных поступков людей, без рефлексивной экспликации их нравственных основ. Конкретные действия людей осознавались как наиболее целесообразные, становились привычными, приобретали общественное санкционирование

¹⁵⁹ См.: Матузов Н.И. Право и мораль в их взаимодействии. – Саратов: СГУ, 1969; Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М., 1986; Ойгензихт В.А. Мораль и право. – Душанбе, 1987; Колотова Н.В. Мораль и право: анализ традиции и исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: ИГП РАН, 1996; Карпунин В.А., Сальников В.П. Право и мораль // Лики морали. Введение в этику. – СПб., 1996; Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119; Крогова Н.В. Нравственные основы теории государства и права // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 112-113;

и обязательный характер. Так, еще при первобытнообщинном строе существовали правила пользования имуществом, позднее возникли правила торгового обмена. Некоторые из таких правил вследствие положительного санкционирования государством закреплялись в законах, т.е. превращались в правовые нормы, другие служили основой религиозным нормам, нормам этики и т.п.

Социальные нормы складываются также в результате установления новых правил поведения. В развитом обществе, в рамках которого функционирует сложная система общественных отношений, путь установления государством, различными группами и объединениями таковых правил является преобладающим.¹⁶⁰ Система социального регулирования складывается в конкретно-исторических рамках, она изменяется и совершенствуется вместе с развитием общества. От страха перед стихийными силами окружающей живой природы человек пришел к безотказному подчинению действий обычаев и запретов, осознал жизненно необходимое соблюдение определенных правил. Табу по существу выступало единственным механизмом регулирования. В дальнейшем дифференциация классовой структуры общества обуславливает насыщение социальных норм специфичным содержанием и сущностью, определяет их форму и направленность.

Социальные нормы рассчитаны на то, чтобы направлять поведение людей в заранее фиксированных случаях в рамки определенных отношений. В этом проявляется их неперсонифицированность. Как инструмент общественного регулирования они выступают внешним регулятором и имеют предписывающий характер. Эти свойства социальных норм раскрывают их социальное назначение. Именно в данном контексте и может быть поставлен вопрос о характере взаимовлияния справедливости и законности.

Еще в XIX в. выдающийся русский правовед В. Г. Щеглов отмечал взаимосвязь справедливости и права, раскрывающуюся в контексте социальных отношений: «Вся задача права в обществе, осуществляемая в нем государством, сводится к тому, что все общественные отношения регулируются правом на основании начала

¹⁶⁰ См.: Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13; Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.

справедливости как принципа равной свободы для всех граждан общества, в котором выражается идея альтруизма как общего базиса личной и общественной жизни человека. Деятельность государства в юридической жизни общества на начале справедливости вносит во все общественные отношения тот же альтруистический, нравственный идеал, который должен проявляться и в личной жизни каждого. Так личная и общественная жизнь сближаются и взаимно проникаются одним и тем же альтруистическим характером, который сообщает всей деятельности общества и государства нравственное единство, целостность и гармоничность как условия наилучшего достижения нравственных идеалов человека»¹⁶¹.

Отметим, что в истории нравственное понятие справедливости оказывало влияние прежде всего на те законы и правовые нормы, которые были направлены на охрану элементарных прав и свобод личности, на обеспечение равенства всех перед законом. Именно в них нравственное понятие справедливости становится действительным фактом права, т.е. реализуется в праве. И несомненно, что коренные этические принципы – справедливость и несправедливость – и право оказывают взаимное влияние друг на друга, как регуляторы поведения людей в обществе.

На данное обстоятельство обращают внимание и современные исследователи воздействия социальных регуляторов на жизнь человека и общества. А.С. Ахиезер называет совместное влияние различных социальных форм на сознание и поведение членов общественных отношений философией синкретизма¹⁶². Ф.Х. Галиев обосновывает синкретизм современной правовой культуры¹⁶³. Он обращает внимание на то, что в обществе, характеризующимся социальной неоднородностью, существуют и действуют не только нормативно-правовые акты, но и другие социальные регуляторы. Они вместе с

¹⁶¹ Щеглов В.Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль, 1888. С. 67 – 68.

¹⁶² См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.

¹⁶³ См.: Галиев Ф.Х. Социальные нормы гражданского общества и правовая культура // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 5(36). – С. 70-73; Галиев Ф.Х. Правовая культура и социальные нормы. – М.: NOTA BENE, 2010. – 174 с.; Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. – М.: Этносоциум, 2009. – 184 с.

правом регулируют общественные отношения и способствуют гармонизации жизнедеятельности людей. Нормы права постоянно взаимодействуют с другими социальными правилами (моралью, корпоративными правилами, религиозными догмами, обычаями, традициями, этикой и др.), и совместными усилиями обеспечивают необходимый порядок и законность, нормальные человеческие отношения. «Этим и объясняется тот феномен, – пишет Ф.Х. Галиев, – что правовая культура по своей сути синкретична, она вбирает в себя многие моменты и нюансы всей общественной системы, функционирующих в обществе социальных норм, которые, в свою очередь, также не могут быть свободны от влияния и воздействия правового поля государства. Единое информационное пространство страны делает эту ситуацию неумолимой и уже predetermined. И религия как система социальных норм, и мораль, представляющая собой подобную же систему регулирующих поведение людей в обществе социальных норм, и даже кажущиеся само по себе разумеющимися традиции и обычаи, не могут функционировать без основополагающих структурных элементов, которыми являются запреты, разрешения и обязывания»¹⁶⁴.

По мнению Ф.Х. Галиева, все функционирующие в обществе системы социального регулирования по своей сути схожи друг с другом и преследуют одну и ту же цель – добиться в обществе необходимой справедливости.

Эту же цель преследуют и разные люди, опираясь на различные социальные регуляторы. Интересное замечание по этому поводу сделал профессор С.С. Алексеев: «Право – одно из немногих явлений современной цивилизации, которое получило общее признание в качестве неперемennого условия нормального существования людей, феномена исконно цивилизационного порядка, достижения человечества, его культуры. И именно в таком качестве и таком значении праву, по общему признанию, уготовано оптимистическое будущее – оно переходит в новое, третье тысячелетие и призвано по-прежнему играть достойную высокозначимую роль в жизни человеческого общества.

Потому-то, надо полагать, само понятие «право» производные от него формулы и лозунги, в том числе «правовое государство», «правовой порядок», «законность» и т.д., независимо от реального

¹⁶⁴ Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – С. 41-42.

положения дел в том или ином обществе, повсеместно и постоянно используются буквально всеми: и правящими режимами, и политической элитой, и оппозиционными кругами, деятелями разной политической и моральной ориентации, обывателями. Притом неизменно используется как надежный знак приверженности высоким требованиям современной развитой цивилизации, культуры, морали»¹⁶⁵.

Людям нравится, они придерживаются и принимают те условия, которые обеспечивают им наиболее комфортную жизнь, при соблюдении которых у них появляется возможность свободной жизнедеятельности без каких-либо ограничений. Регулируется данная ситуация всей совокупностью сложившихся в обществе и функционирующих в нем социальных правил, таких как мораль, эстетика, этика, религия, обычаи, традиции и т.д. В этом и проявляется синкретизм правовой культуры, который позволяет ей синтезировать в себе многие аспекты и нюансы регулирующихся способностей и возможностей, функционирующих в обществе, различных социальных правил.

Под синкретизмом правовой культуры Ф.Х. Галиев понимает объективно формируемую в ходе жизнедеятельности общества естественную взаимосвязь, взаимообусловленность, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в совокупности воздействующих на сознание и поведение субъектов права и оптимизирующих общественные отношения соответственно потребностям человеческого развития¹⁶⁶.

Именно синкретизм правовой культуры, по мнению Ф.Х. Галиева, и обеспечивает взаимное влияние различных социальных норм друг на друга, в том числе права и иных регуляторов¹⁶⁷.

Конечно, это взаимовлияние различно по степени, по формам, но

¹⁶⁵ Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М.: Статут, 2000 С. 180.

¹⁶⁶ Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: С. 44-45.

¹⁶⁷ См.: Галиев Ф.Х. Правовая культура и традиционная картина мира // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8(56). – С. 129-133; Галиев Ф.Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 4(18). – С. 8-9; Галиев Ф.Х. Сочетание традиционного и правового регуляторов в правовой культуре федеративного государства // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 3(17). – С. 17-21; Галиев Ф.Х. Социальные нормы и правовая культура в призме исторического развития // История государства и права. – 2010. – № 2. – С. 5-9.

в целом можно признать, что соблюдение установленных правовых норм тем успешнее в обществе, чем выше убеждение всех (или большинства) членов общества в справедливости господствующих в нем принципов законности и правопорядка.

Следовательно, законность и правопорядок, в свою очередь, нуждаются в опоре на принципы справедливости, как на свое моральное обоснование и подкрепление. Этот вывод подтверждается еще и тем важным обстоятельством, что, с одной стороны, нравственные понятия справедливости и несправедливости должны лежать в основе правильной меры наказания и воздаяния, выступая в качестве одного из важнейших критериев правомерности правовых норм, а с другой стороны, правосудие, правовое регулирование лишь тогда справедливы, когда соответствуют объективной истине. Таким образом, взаимное влияние справедливости и законности друг на друга отнюдь не дает оснований считать справедливость и несправедливость преимущественно правовыми категориями. Они не перестают из-за этого оставаться важнейшими категориями этики.

Далее, по своей форме и по роли, значению в развитии общества законность и справедливость также существенно различаются. Установление режима законности всегда неотделимо от государства и по форме выступает в виде свода писаных законов данной государственной власти, охраняемых ее аппаратом, тогда как справедливость и несправедливость в качестве важных этических категорий по форме выступают в виде норм поведения, оценки, принципов, нигде не зафиксированных и охраняемых общественным мнением.

Право влияет на поступки людей путем прямого или косвенного внешнего принуждения. Закон, часто выступая или как гарантия против несправедливостей или как средство, восстанавливающее справедливость, не всегда при этом способствует нравственному совершенствованию личности. А принцип справедливости, как и другие категории нравственности, всегда действует как внутреннее убеждение, т.е. влияет на поведение людей посредством морального воздействия. Строгое следование этому принципу всегда способствует нравственному совершенству личности.

Справедливость и несправедливость никогда не укладываются в рамки закона, они охватывают такие человеческие взаимоотношения, которые далеко не всегда находят свое отражение в праве. Например,

ложь, клевета, злословие, необоснованное оскорбление в частных разговорах – все это несправедливость, требующая решительного нравственного осуждения. Но юридический закон зачастую остается к этому равнодушным.

Противоречие между справедливостью и законностью нередко возникает и тогда, когда закон, будучи по своей природе справедливым, реализуется формально, без всестороннего учета обстоятельств, жизненной ситуации, особенностей личности. В этих случаях справедливый закон может выступать в глазах людей как несправедливость. Справедливость требует также, чтобы факты, к которым применяется норма права, устанавливались в строгом соответствии с действительностью, чтобы к ним применялась именно та норма, которая их предусматривает.

Принципиальное несовпадение принципов справедливости и принципов законности, все аспекты которого важно учесть уже на практическом уровне, имеет место и на самом высоком уровне теоретического обобщения, в сфере самых общих, абстрактных определений. Это наглядно показывает история классических правовых учений. В постклассическую эпоху постепенно наметился отход от попыток поднять вопрос об отношении законности и справедливости на уровень проблематики естественного права. Что особенно определено проявилось в теоретических построениях правоведов позитивистского направления, начиная с Дж.Ст. Милля.

Понимание позитивистами права как порождения воли суверена, без учета социальных, моральных и т.п. характеристик права, в конечном счете обнаруживало неспособность позитивистов – последовательных сторонников этицистской концепции законности отличить право от его антипода – произвола, если таковой санкционирован государством, и указать те основания, при которых законность и справедливость могут соответствовать друг другу. Оправданным оказывается и упрек позитивистам в том, что они, замыкаясь в рамках наличного нормативно-юридического материала, отрываются от реальных запросов общественной жизни, отказываются от изучения динамики правоотношений, факторов, влияющих на их формирование и развитие.

Ограниченность позитивистской методологии в философии права ясно проявилась на Западе в связи с возникновением исключительно

сложных социальных проблем, связанных с формированием новых отраслей права индустриального общества – трудового права, всей сферы социального права. Позитивисты, безусловно, многое сделали для стабилизации сложившихся общественных отношений. Они справедливо расценивали закон как важнейшее средство поддержания в обществе стабильного правопорядка. Но позитивисты всегда упускали и упускают из виду, что “состояние законности определяется не только (а иногда и не столько) позитивным законом, даже надлежащего качества”¹⁶⁸.

Сегодня целый ряд проблем и сложностей теоретического характера, которые возникли при этом, побуждают правоведов вновь и вновь переосмысливать классическое философско-правовое наследие, пытаться решать вопросы философско-правового порядка с учетом современного состояния проблемы отношения законности и справедливости.

В последних философско-правовых дебатах, проводимых на Западе, активно утверждается, что только специфическое содержание справедливости привязано к характеристикам гражданского общества, поэтому всякая попытка оценить справедливость как независимую нормативную идею ошибочна.¹⁶⁹ “Онтология” справедливости – это лишь образ жизни гражданского общества. Ее смысл обнаруживается в ценностях общества и не имеет отношения к чему-либо иному.

Коммунитарная модель самоуправления гражданского общества обладает особой привлекательностью именно потому, что подтверждает: нравственные ценности, осуществление в обществе реальной справедливости, формирование режима законности, отвечающего нравственным устремлениям личности, не только возможны, но и необходимы в нынешнем разделенном обществе, так как могут стать реальной основой практически функционирующих институтов управления и самоуправления в гражданском обществе. Однако она не может быть распространена на “большое общество” или на государство в целом, и поэтому проблема обеспечения порядка и сохранения целостности в рамках крупных общностей остается актуальной. Установка на самоуправление поликультурного общества диктует необходимость многоуровневой системы нормативного

¹⁶⁸ Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. – СПб., 1996. С. 185.

¹⁶⁹ Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, 1986. P. 114.

регулируемая, на каждом уровне которой используются специфические способы достижения индивидуальной и коллективной идентичности.

Для поликультурного общества оптимально понимание права как института, предусматривающего и обеспечивающего сосуществование всех граждан общества, какими бы они ни были, и принятого всеми членами общества в силу его соответствия, в каждом конкретном случае, идее справедливости¹⁷⁰. Право перестает быть жесткой системой обеспечения “средней нормы” добра и справедливости, а превращается в процесс непрерывного творчества, органично соединяющего общее и особенное, государственный и местный уровень.¹⁷¹

Результатом этого творчества является компромиссная формула справедливости. От профессионального юриста требуется не только знание закона, но и контекста, в котором тот применяется. Он должен знать не только писаное, но и обычное право, традиции и историю местности, в которой вершит суд. Он должен быть всесторонне образованным человеком, обладать гуманистическим мировоззрением, в основе которого лежит убеждение в том, что альтернативой гражданского общества в современных условиях является только тоталитаризм со всеми вытекающими последствиями.

Не случайно наблюдается очень пристальное и детальное внимание ученых-юристов к исследованию проблем, в том числе и на диссертационном уровне, связанных с обычным правом¹⁷², политико-

¹⁷⁰ См.: Галиндо Ф. Культурная среда и понятие права // Александров А.И., Кузнецов Э.В. Вызов закону XXI века: Сб. науч. статей. - М., 1998. С. 282. См. также: Поленина С.В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. - 2005. - № 5. - С. 66-77.

¹⁷¹ См.: Хёффле О. Политика. Право. Справедливость. - М., 1994. С. 224 -226.

¹⁷² См. Дашин А.В., Ломакина И.Б. Обычное право и правовой обычай: от социальной монономы к правовой нормативности. - СПб.: Астерион, 2005. - 146 с.; Дашин А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ: Дис. ... докт. юрид. наук. - СПб., 2006. - 431 с.; Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Реуф В.М. Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве // Мир политики и социологии. - 2012. - № 9. - С. 75-92;

правовыми традициями¹⁷³, правовым гуманизмом¹⁷⁴ и гражданским обществом¹⁷⁵, т.е. к тем проблемам, которые работают на компромиссную формулу справедливости.

Эти аргументы правоведов-коммунитаристов преимущественно опираются на понятие полностью социализированной личности, хотя и не привязывает его конкретно к антиномии между заслугой и правомочием в полной идее справедливости. Они обычно утверждают, что нет определенных человеческих целей, оторванных от сообщества. Фактический образ жизни в рамках сообщества не изменяет полностью сформированную, социализированную личность. Сообщество скорее сообщает абстрактной личности форму и содержание, которых она в противном случае не имеет и без которых все с нею связанное также является абстрактным, общим и неточным. Хотя личность

¹⁷³ См. Каныков С.К. Генезис права собственности в контексте эволюции российской правовой традиции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002; Ищенко Е.Н. Развитие евразийских традиций в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004; Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.; Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166; Сальников М.В. Традиционализм как политико-правовой феномен: методология познания и исследования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 169-179.

¹⁷⁴ См. Мальцев В.В. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве // Российская юстиция. – 2002. – № 7; Прокофьева С.М., Зайцев О.А. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с.; Мкртычев С.Б. Философско-правовой анализ гуманизма в современном российской правопонимании: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.; Джегутанов Б.К. Глобальные конфликты современности и актуальные проблемы гуманизации международного права. – СПб., 2008; Мусаев М.А. Понятие развития права и правовой гуманизм: вопросы теории // Юристы-правоведы. – 2010. – № 3. – С.91-94; Крылова Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 26-29.

¹⁷⁵ См. Сальников С.П. Российские правоведы об идеальном гражданском обществе дореволюционной России // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 28-33; Кузнецова А.П. Принцип правовой защищенности как важное условие развития гражданского общества // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 62-66; Рогожевский Е.И. Формирование институтов гражданского общества современной России в условиях централизации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 41-43; Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.

имеет разные характеристики в разных сообществах, нет личности вне сообщества. Человеческое существо, выросшее в изоляции от других человеческих существ, подобно до-общественному существу Гоббса; оно приобретает нормативное понятие личности, порождающее идею справедливости, только в результате постоянного общения с другими человеческими существами.

Следовательно, как утверждают правоведы этого направления, справедливость правильно и «не парадоксально» рассматривается с позиции данного сообщества, так что в принципе не существует более нейтральной и объективной позиции для ее рассмотрения. Тем не менее, справедливость сохраняет нормативную значимость, ибо это просто способ нормативного рассмотрения практики и принципов. И, хотя ее содержание составлено из материала, обнаруживаемого в сообществе, она не просто собирает и включает все возможные ценности сообщества, но рассматривает и критикует тот или иной аспект жизни сообщества в контексте целого. Критический настрой может заставить человека отвергнуть нынешний образ жизни собственного сообщества, потому что оно отошло от более крупной, более прочной моральной традиции сообщества или потому, что он распространяет уроки, полученные в сообществе, за его пределы. И все же, нет и не может быть концепции личности, а следовательно, и концепции справедливости, полностью вне сообщества.

В отечественной правоведческой науке понятию справедливости, включая и его отношение с законностью, также уделяется достаточно внимания (см. работы Д.А. Керимова, В.С. Нерсисянца, Д.И. Луковской, А.И. Экимова и др.). Во многом это связано с преодолением наследия юридического позитивизма, которое было характерно для развития правоведения в советскую эпоху, когда работ по вопросам отношения справедливости и законности выходило в свет сравнительно мало.¹⁷⁶ При этом в качестве интегративного понятия, выражающего взаимозависимость права и нравственности, справедливости и законности, выступает понятие юридической справедливости.

Как свидетельствует история права, справедливость в сфере

¹⁷⁶ См., например: Сергейко П. И. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов. – Краснодар, 1974; Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. – М., 1977; Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. – Л., 1980.

правового регулирования и особенно в правореализационных процессах созвучна законности, правильному и юридически обоснованному внедрению правовых предписаний в жизнь. Законность выступает здесь официальным показателем совпадения нравственной и правовой оценок в акте реализации права. Вместе с тем нетрудно заметить (а анализ юридической практики еще более подтверждает эту мысль), что законность правоприменительных актов автоматически не вызывает их соответствие человеческим представлениям о справедливости. Нередки случаи вынесения юридически обоснованных, законных судебных и иных индивидуальных решений, которые с точки зрения общественного мнения и самих правоприменителей не отвечают требованиям нравственности и морали. А это находит свое выражение в таких показателях, как стабильность юридической практики, единство понимания и применения правовых норм, контрольно-надзорная деятельность правоохранительных органов и т.д.¹⁷⁷

Все это позволяет заметить, что законность – основной, ведущий, но не единственный элемент содержания юридической справедливости. И если попытаться представить этот элементный состав, то он будет выглядеть как законность плюс то, что придает нравственную обоснованность правовому решению. Разумеется, такой чисто количественный подход едва ли всегда уместен и точен при анализе юридической справедливости, содержание которой намного сложнее и не во всех случаях способно укладываться в рамки предлагаемой логической формулы. Но важно учитывать, что справедливость в сфере права не может замыкаться на законности, ограничиваться формально правильным как в целом, так и применительно к конкретным юридическим делам. Очевидно, то «нечто», что придает справедливый характер законному правоприменительному решению, раскрывается в виде нравственно правильной, обоснованной квалификации общественного отношения. Следовательно, юристу необходимо помнить, что в процессе правоприменения осуществляется двусторонняя нормативная квалификация общественных отношений – юридиче-

¹⁷⁷ См.: Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении. – М., 2001; Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура в современном обществе: результаты опроса населения. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2010. – 52 с.; Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура и общественное мнение. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2011. – 72 с.

ская и нравственная¹⁷⁸. И только совпадение правовой и нравственной оценок в правоприменительном решении сообщает последнему качество юридической справедливости.

Таким образом, юридическая справедливость представляет собой правовое закрепление нравственно обоснованного решения по делу. В нем выражается совпадение режимов законности и справедливости в регулировании общественных отношений. Это совпадение юридически и морально правильной оценки в правовом регулировании. Основные параметры, границы юридической справедливости запрограммированы правотворческой деятельностью и находят свое конкретное выражение в источниках права, а также подкрепляются правоохранительной работой компетентных органов государства¹⁷⁹.

Следует различать юридическую справедливость как политико-юридический и морально-психологический режим создания и реализации права и справедливость конкретных правотворческих и правоприменительных актов. В первом значении юридическая справедливость рассматривается как основанный на нравственных идеалах политико-правовой режим правотворческой и правореализационной деятельности субъектов права. Это своеобразная атмосфера политико-правовой жизни общества, складывающаяся на основе реального претворения в жизнь требований законности и справедливости. Основные параметры этой атмосферы определяются экономической основой, основными принципами демократии и нравственными идеалами правового государства. Можно заметить, что это юридическая справедливость, взятая на ее официальном уровне в масштабах гражданского общества.

Во втором значении юридическая справедливость представляет собой нравственно-правовую оценку урегулирования правом конкретного общественного отношения, то есть реальную меру правильности, истинности юридической и моральной квалификации

¹⁷⁸ Лазарев В.В. Применение советского права / Науч. ред. Б.С. Волков. – Казань: Казанский ун-т, 1972. – 200 с.; Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. – Казань: Казанский ун-т, 1975. – 206 с.; Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории. – Казань: Казанский ун-т, 1995. – 207 с.

¹⁷⁹ См.: Беланова Г.О. Понятие юридической справедливости как основания правоприменительного акта: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. С. 11-14.

жизненного случая. Она обеспечивается точным и последовательным применением законодательства, высоконравственной атмосферой правоприменительного творчества, требованием законности и справедливости, конкретизированных в субъективных правах и обязанностях участников правового отношения.

Таким образом справедливость выступает как качественная характеристика юридической формы общественных отношений.

Опыт знакомства с трудами Ролза показывает, что принцип справедливости особенно важен в деятельности правового государства. Определяя роль справедливости, Ролз утверждает, что «справедливость есть главная добродетель общественных институтов, подобно тому как истина есть главная добродетель научных систем»¹⁸⁰, т.е. справедливость – это «главная добродетель» социальной деятельности человека. В период совершенствования гражданского общества осуществление принципов справедливости выдвигается на первый план. Это связано в первую очередь с той ситуацией, что человек и государство во взаимоотношениях выступают как неравнозначные партнеры. Один из авторов данного труда вместе с профессором В.А. Бачининым уже обращали внимание на данное обстоятельство, в частности подчеркивали: «Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, то их разномаштабность позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравнивания»¹⁸¹.

¹⁸⁰ Rawls J. A Theory of justice. – P.5.

¹⁸¹ Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»). С. 133-134.

Справедливость как состояние общества многогранна, она находит и охватывает формальное равенство не только граждан и государства, но и юридических лиц в сфере экономики и политики, правах и обязанностях. Несоответствие в этих отношениях оценивается как несправедливость, которая, как известно, вызывает пассивность и другие негативные явления. Чувство же справедливости повышает активность личности, ее инициативу, служит показателем благополучия общества. Не менее важное значение имеет утверждение принципов юридической справедливости в духовной сфере. Духовная жизнь граждан качественно преобразовалась. Выражается это прежде всего в развитии науки и искусства, в утверждении самой гуманной нравственности, во все более полном удовлетворении духовных потребностей, в высоком образовательном и культурном уровне общества¹⁸².

Понятие юридической справедливости многоаспектно. Принципы юридической справедливости лежат в основе общественных отношений, всех сфер общественной жизни¹⁸³. Поэтому мы говорим о различных ее видах: экономической, социально-политической и т. д. Проблемы юридической справедливости – объект изучения многих общественных и гуманитарных наук. Правомерно выделение юридической как: а) справедливости самого права, реализации норм, правоприменения; б) средства и гарантии утверждения юридической справедливости.

Любое общество – это переплетение общих, коллективно-групповых и индивидуальных интересов, региональных, территориальных, ведомственных и других потребностей. Утверждение юридической справедливости предполагает их сбалансированность при приоритете общегосударственных интересов и потребностей, которые в конечном итоге обеспечивают интересы всего народа, отдельного человека. Следовательно, только посредством деятельности человека утверждается юридическая справедливость. В связи с этим должен быть решен целый комплекс вопросов, связанных с определением степени зрелости личности, ее типологизации и ролевой характеристики, готовности к активному осуществлению

¹⁸² См.: Ильин И.А. Соч. в 10 томах. Т. 1. – М., 1993. С. 158-159, а также с. 194-195.

¹⁸³ См.: Алпатов А.А. Право человека на вознаграждение за труд в контексте соотношения экономики, права и справедливости (теоретико-правовые вопросы): Автореф. дис... канд.юрид.наук. – Волгоград, 2005. С. 4-5.

идей справедливости¹⁸⁴.

«Справедливость» имеет парную категорию – «несправедливость». Устранение несправедливости – одно из средств утверждения справедливости. Именно по этому пути идут сегодня законодательство и практика. Этим «замыкается» и большинство теоретических работ. Юридическая справедливость может стать действительной при неуклонном соблюдении всех объективно присущи правовому государству и провозглашенных обществом принципов. Именно в соответствии деклараций и реальности – высшая справедливость. В институте юридической справедливости сфокусированы принципы и нормы, утверждающие равенство субъектов. Сегодня нормы права – средство, метод, способ борьбы за справедливость, ее гарантия. Не меньшее значение имеют и иные социальные нормы, а их роль юристами учитывается явно недостаточно. В конечном же итоге предназначение права видится в поддержании такого порядка, такого режима, когда для несправедливости не оставалось бы места ни в одной сфере общественной жизни.

В современных условиях развития российского государства в связи с возрастающим значением общечеловеческих факторов юридическая справедливость возведена в основополагающий и по существу конституционный принцип организации и функционирования всех звеньев демократии, организации и осуществления взаимосвязей государства, общества и личности. Именно в условиях правового государства юридически признанная и гарантированная справедливость существует как социальное явление в форме закона, находит в нем свое выражение и закрепление¹⁸⁵.

Принцип юридической справедливости лежит в основе системы правовых форм деятельности государства. Проблема этих форм чрезвычайно дискуссионна. Нет единства не только в их количественном, но и в терминологическом обозначении и наименовании. Правовые формы деятельности государства связаны с обслуживанием сугубо «правовых» сторон функционирования государственной власти. Они не связаны с непосредственным и оперативным социально-политическим и хозяйственным строительством. В обобщенном виде их особенность заключается в том, что: 1) они реализуются

¹⁸⁴ Бичинин В.А. Философия права и преступления. – Харьков, 1999. С. 247-259.

¹⁸⁵ См.: Керимов Д.А. Методология права. – М., 2000. С. 77-78.

специальным кругом субъектов; 2) функционально ограничены фактическим проведением в жизнь требований правовых норм; 3) основываются на нормах, функционально предназначенных регламентировать их деятельность; 4) реализуются в рамках специфических правоотношениях, нацеленных на осуществление властных полномочий; 5) пределы их функционирования имеют «надведомственный» характер и могут распространяться на все звенья механизма государства; 6) результаты их деятельности выражаются в сугубо правовых или организационно-правовых последствиях (правовых актах).

С точки зрения эти особенностей можно выделить лишь три правовые формы, в рамках которых государство непосредственно взаимодействует с правом, претворяя в жизнь свои веления посредством издаваемых (принимаемых) актов: а) правотворческую деятельность; б) учредительную деятельность; в) правоприменительную деятельность. Юридическим последствием первой формы является издание нормотворческих актов, второй – создание (учреждение) новых звеньев государственных органов, третьей – фактическое разрешение от имени государства конкретных дел и правовых ситуаций на основе принимаемых индивидуальных актов. Все эти формы функционально опосредуются специфическим кругом норм материального и процедурно-процессуального характера, которые условно можно именовать нормотворческими, учредительными, правоприменительными.

Особенно четкое выражение принцип справедливости находит в правовом регулировании, где такие его требования, как объективность, бескорыстность, беспристрастность, уважение к закону и законности, индивидуализация оценки деяния обязанных лиц, честность, уважение к правам личности, незыблемость и обеспечение интересов общества, государства и личности и т. д., находят свое осуществление и служат нормой деятельности по упорядочению конкретных отношений.¹⁸⁶

В правовом регулировании государство и право действуют совместно. Поэтому правовое регулирование – это не просто правовое воздействие на общественные отношения, осуществляемое через систему юридических средств. Это динамическая форма воздействия государства с помощью права на систему таких отношений и

¹⁸⁶ Дмитриев Ю.А., Златопольский А.А. Гражданин и власть. – М., 1994. С. 44.

поведение людей, которая осуществляется в рамках правоотношений как решающих средств реализации правовых требований в соответствии с принципами законности и справедливости.

Подводя некоторые итоги и в целом характеризуя нормативную систему, действующую в обществе, следует отметить, что законность и справедливость как социальные регуляторы имеют общее содержание. Это их нормативность, их воздействие на общественные отношения единым масштабом, мерой, правилами поведения. Именно эта их общность и объединяет все нормативные регуляторы в систему, позволяет осуществить их комплексное изучение и усовершенствование. Действенность этих регуляторов (и здесь мы также возвращаемся к точке зрения Ролза) является следствием общих принципов нравственности, их своего рода воплощением. И в то же время единство законности и справедливости в системе нормативного регулирования общественных отношений позволяет сделать принципы справедливости осуществимыми в реальных условиях.

Вместе с тем каждый вид социального нормативного регулятора обладает спецификой. Эти регуляторы различны по своей структуре, формам действия, способам обеспечения, сферам применения, иерархичности и приоритетности.

Нормативная система в обществе – это действительно целостная система, так как кроме определенных элементов, составляющих ее, она еще имеет четкие связи между ними, а эти связи в свою очередь имеют соответствующие характеристики. Характер этих связей проявляется с наибольшей полнотой в действии нормативной системы. При этом вся система нормативных регуляторов выполняет вполне определенные, необходимые обществу функции. Она всегда обладает функциональной целесообразностью. И прежде всего рассматривается как средство регуляции поведения личности, средство влияния на сознание человека. С помощью социальных норм общество формирует, оценивает, поддерживает, защищает необходимый, обеспечивающий его существование и развитие тип общения, поведения и сознания личности.

Развивая и совершенствуя систему социального регулирования, можно оказывать положительное влияние на общественные процессы, поддерживать общественное согласие, атмосферу социальной справедливости и прочного общественного порядка.

Глубокое изучение и обстоятельный анализ возникающих противоречий между отдельными социальными нормами имеют не только теоретическое, но и большое практическое значение для дальнейшего совершенствования законодательства. Своевременное раскрытие противоречий позволяет выбрать научно обоснованные рекомендации изменения законов, что является одной из важнейших задач юридической науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея справедливости является неотъемлемым элементом правового мышления, опосредуя отношение права и морали. При этом сама идея справедливости трансформировалась при переходе в новые дискурсы правовой мысли, связанные с развитием традиции правовой мысли от теории естественного права до философско-правовых моделей немецких классиков. Идея справедливости в той или иной форме присутствовала в любой традиции классической философии права, включая теорию естественного права, теорию общественного договора или более сложные теоретические построения немецких классиков. Применительно к проблемам современной теории права и государства, в которой она также активно обсуждается, тематика отношения справедливости и права может быть актуализована лишь с учетом нового критического переосмысления этого наследия.

На исходе XX столетия стало очевидно, что традиционные категории теории права, включая понятие юридической справедливости, нуждаются в кардинальной ревизии. Прежде всего это связано тем новым вызовом истории, который представляет собой процесс глобализации и на который политико-правовая наука должно дать новый результативный ответ. Можно уловить импульс основной части современной философии права, нацеленной на создание концепции справедливости путем выявления смысла свободы и равенства. Рассматриваются ли эти ценности и сама справедливость как универсальные и вневременные или как условные, связь между ними можно установить с достаточной степенью точности. В высокоразвитых современных обществах государственная политика и практика формируют решающие аспекты самоопределения личности. Однако ошибочно считать принципы свободы и равенства приоритетными и независимыми. Они приобретают нормативное содержание при обращении к содержанию справедливости, без которого просто описывают положение. Это – взаимная связь. Они в свою очередь сообщают содержание идее справедливости. В рамках человеческого сообщества, в котором власть юридического закона не ограничена,

справедливость реализуется как свобода и равенство. Весьма вероятно, что в связи с нашими практическими соображениями проще продвигаться при построении современной концепции естественного права от свободы и равенства к справедливости, чем наоборот. Но справедливость включает их как идея более общая и более фундаментальная.

Такого рода подход обладал и продолжает обладать определенными эвристическими возможностями, но он оставляет открытым вопрос, который представлялся первостепенным для наиболее глубоких и вдумчивых представителей западной и современной русской политико-правовой науки. Это был вопрос о наличии в нормах права и морали некоторого абсолютного начала. Именно это начало выводит право за пределы отношений, связанных с социальными, психологическими и т.п. особенностями людей, включая и те особенности, которые определены исторической эпохой. Рассматриваемое с этой стороны, право абсолютно внеисторично: указанные особенности должны определять характер исторически обусловленного проявления правовой формы социальных отношений, но не его сущность.

Право, в таком случае, как раз и оказывается феноменом, имеющим не относительную, но абсолютную природу и его требования должны иметь силу для любого человека, независимо от его социального статуса, национальности, пола и т.п. Только будучи всеобщими, т.е. предъявляемыми абсолютно к каждому, требования права становятся одновременно и гарантиями свободы каждого.

Более того, именно абсолютная природа делает право для человека ценностью. Поскольку только то есть ценность, что имеет абсолютную, а не относительную, значимость для человека. Здесь аксиологический подход противопоставляет себя утилитарному. Утилитарный подход побуждал Сократа бежать из тюрьмы – отношение к закону как к ценности требовало подчиниться решению суда.

Абсолютная природа правовой аксиологии выражается и в том, что в этой сфере отсутствуют степени сравнения. Утилитарная ценность вещи или действия может быть большей или меньшей, может количественно измеряться, например, соотносясь с мерой стоимости. А вот права не может быть «больше» или «меньше». Право либо присутствует в социальной жизни, либо нет. Один закон не может быть «законнее» другого. В наше время, правда, пытаются ввести такого

рода степени сравнения законов и государств как правовых феноменов, используя при этом понятие легитимности. Но это – понятие социологическое, а не правовое. Попытка же внедрить в правовую теорию, а особенно в практику, понятия, взятые из другой смысловой ткани, редко ведет к органическому синтезу. Чаще же порождает опасных химер.

Именно аксиологический подход к праву, в конечном итоге, определяет его возможность регулировать социальные отношения вне прямого государственного принуждения и не зависимо от методов государственного убеждения. В конечном итоге, люди подчиняются нормам права, поскольку они являются для них выражением высших ценностей, чем-то священным, элементом мирового нравственного порядка. Только в таком случае человек, выступая субъектом и объектом правоотношений, осознает себя как свободного субъекта, а право – как «математику свободы» (В.С. Нерсесянц).

Следовательно, именно наличие в праве абсолютных начал позволяет увидеть диалектику всеобщего и единичного в праве, диалектику всеобщей регулирующей функции права, ограничивающей произвол человека, и функции обеспечения индивидуальной свободы каждого единичного человека.

Подводя общий итог исследованию, отметим: нет сомнения в том, что сегодня, в условиях, когда юридическая наука должна противостоять постоянным попыткам ущемления нравственного содержания права, должно быть обязательно востребовано все богатство теоретического наследия прошлого, в котором мы находим как тщательно проведенное различие понятий справедливости и законности, так и выявление существенных оснований их взаимосвязи и внутреннего единства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Учебная и научная литература

1. Алексеев Н.Н. Идея государства. – 2-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: «Классики истории и философии права». – СПб.: Лань, 2001.
2. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Д.В. Масленников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1998. – 216 с. – Серия «Классики русской философии права».
3. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989.
4. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М.: Статут, 2000.
5. Алексеева Т.А. Ролз и возрождение американской политической философии // Историко-философский ежегодник. – М., 1995.
6. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. – М., 2001.
7. Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулса. – М., 1992.
8. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989.
9. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.
10. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1. – М., 1976.
11. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: история и современность. – СПб., 1998.
12. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.
13. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
14. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). – М.: ВЮЗШ МВД России, 1991.
15. Бачинин В.А. История философии и социологии права. – СПб, 2001.
16. Бачинин В.А. Философия права и преступления. – Харьков, 1999. – 242 с.
17. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
18. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
19. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.:

- Лань, 2000. – 400 с.
20. Бейнс К. Либерализм Ролза и коммунитаристская критика // Историко-философский ежегодник. – М., 1995.
 21. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000.
 22. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001. – 301 с.
 23. Белов С.В. Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение». Том I. – СПб.: Алетейя, Российская национальная библиотека, 2001. – 573 с.
 24. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М., 1998.
 25. Берман Дж. Г. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998.
 26. Берман Дж. Гарольд. Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. яз. (Harold J. Berman. Faith and Order. The Reconciliation of Law and Religion. Scholars Press, Atlanta, 1993). – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 464 с (печатается по одноименному изданию AdMarginem, 1999).
 27. Бернацкий Г.Г. Естественное право в истории правовых учений. – СПб, 2001.
 28. Бессонов Е.Г. Механизмы формирования духовной культуры общества (социокультурный и политико-правовой аспекты). – М.: Этносоциум, 2011.
 29. Бешлер Ж. Демократия: Аналит. очерк / Пер. с фр. Ларионовой Л.Г. Ин-т всеобщ. истории РАН, ЮНЕСКО. – М., 1994. – 208 с.
 30. Биневский А.А. Идеалистическая гносеология русского «академического» неокантианства конца XIX – начала XX вв. (Критический анализ). – М., 1982.
 31. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: Юнити-Дана, 2003.
 32. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
 33. Боргош Ю. Фома Аквинский. – М.: Мысль, 1966.
 34. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. – Саратов: Саратовский ун-т, 1977. – 408 с.
 35. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М., 2004.
 36. Вебер М. Город. История хозяйства. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.
 37. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1999. – 235 с.
 38. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 158 с.
 39. Величко А.М. Философия русской государственности. – СПб., 2001.
 40. Виндельбанд В. Иммануил Кант (к 100-летию юбилею его философии): Прелюдии / Пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. – М., 2011.
 41. Виндельбанд В. История новой философии и ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2-х т. Т. 2. От Канта к Ницше. – СПб., 1905.
 42. Виндельбанд В. История философии / Пер. с нем. П. Рудина. – СПб, 1998.
 43. Виндельбанд В. Философия Канта: (Из истории новой философии Виндельбанда) / Пер. с нем. Н. Платонова. – СПб., 1895.
 44. Волгин И.Л. Последние годы Достоевского. – М.: Известия, 1990. – 656 с, ил.
 45. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении. – М., 2001.
 46. Гайда А.В., Вершинин С.Е., Шульц В.Л. Коммуникация и эмансипация:

- критика методологических основ социальной концепции Ю.Хабермаса. – Свердловск: Уральский ун-т, 1988.
47. Гайденко П.П. Парадоксы свободы в учении Фихте. – М., 1990.
 48. Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. – М.: Этносоциум, 2009. – 184 с.
 49. Галиев Ф.Х. Правовая культура и социальные нормы. – М.: NOTA BENE, 2010. – 174 с.
 50. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
 51. Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура в современном обществе: результаты опроса населения. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2010. – 52 с.
 52. Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура и общественное мнение. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2011. – 72 с.
 53. Галиндо Ф. Культурная среда и понятие права // Александров А. И., Кузнецов Э. В. Вызов закону XXI века: Сб. науч. статей.- М., 1998.
 54. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. Т. 1. – СПб., 1994.
 55. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 3. – СПб, 1994.
 56. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 2. – СПб, 1994.
 57. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб, 1997.
 58. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М., 1978.
 59. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. – М., 1990.
 60. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М., 1959.
 61. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
 62. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М., 1977.
 63. Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. – М., 1995.
 64. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М., 1989-1991.
 65. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М., 1936.
 66. Гоббс Т. Соч. в двух томах. – М.: Мысль. 1989.
 67. Голосовкер Э.Я. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». – М.: АН СССР, 1963.
 68. Гражданское общество России: перспективы XXI века. – СПб, 2000.
 69. Гражданское общество России: стратегия и тактика формирования. – СПб, 2001.
 70. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. – М., 1998.
 71. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
 72. Грацианский П.С. С. Десницкий. Из истории политической и правовой мысли. – М.: Юридическая литература, 1978.
 73. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. – СПб, 1996. – 263 с.
 74. Грей Дж. Поминки по просвещению: Политика и культура на закате современности. – М.: Праксис, 2003.
 75. Грин Роберт. 48 законов власти / Пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. – 768 с.
 76. Гринберг Л., Новиков А. Критика современных буржуазных концепций

- справедливости. – Л., 1977.
77. Гроссман Л.П. Достоевский: ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 544 с.
 78. Грызлов Б.В. Статьи, выступления, интервью. – М., 2004. – 62 с.
 79. Гурвич Г.Ф. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и философия права: избранные сочинения. – СПб., 2004.
 80. Гуссерль Э. Идея феноменологии: пять лекций. – СПб, 2006.
 81. Гуссерль Э. Логические исследования: прологемы к чистой логике. – Киев, 1995.
 82. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1988. – 495 с.
 83. Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 1999.
 84. Дашин А.В., Ломакина И.Б. Обычное право и правовой обычай: от социальной монономы к правовой нормативности. – СПб.: Астерион, 2005. – 146 с.
 85. Дворкин Р. О правах всерьез. – М., 2004.
 86. Де Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1992.
 87. Десницкий С.Е. Избранные произведения. – Л., 1979.
 88. Джегутанов Б.К. Глобальные конфликты современности и актуальные проблемы гуманизации международного права. – СПб., 2008.
 89. Дмитриев Ю.А., Златопольский А.А. Гражданин и власть. – М., 1994.
 90. Дмитриев Ю.А., Магомедов Ш.Б., Понамарев А.Г. Суверенитет в науке конституционного права. – М.: Манускрипт, 1998.
 91. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 512 с.
 92. Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 160 с.
 93. Достоевская А.Г. Воспоминания. – М.: Правда, 1987.
 94. Достоевский без глянца / Сост., предисл. П.Е. Фокина. – СПб.: Амфора, 2008. – 460 с. – (Серия «Без глянца»).
 95. Дроздова А.М., Комаров С.А. Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности (социально-философские и правовые аспекты). – СПб., 2009.
 96. Дудкин В.В. Достоевский – Ницше (Проблема человека). – Петрозаводск: КГПИ, 1994.
 97. Дэй Дж. Свобода и справедливость. – М.: ИНИОН, 1988.
 98. Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.
 99. Загрядский Г.В. Правовые системы современности. – М., 1995.
 100. Замалеев А.Ф. Русская религиозная философия XI–XX вв. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 208 с.
 101. Зарубежный опыт государственности. – Орел, 2003. – 219 с.
 102. Зеньковский В.В. История русской философии в двух томах. Т. Часть 1. – Л.: Эго, 1991.
 103. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. округа, 1913. – 7 с.
 104. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000.
 105. Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, Экспо, 2006.
 106. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском

- пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
107. Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в.: Б.Н. Чичерин. – М.: МГУ, 1975. – 173 с.
 108. Зорькин В.Д. Чичерин / Отв. ред. П. С. Грацианский. — М.: Юридическая литература, 1984. – 112 с. – (Из истории политической и правовой мысли).
 109. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
 110. Зорькин В.Л. Позитивистская теория права в России. – М., 1978.
 111. Зубков А. И. Основные понятийные формы гегелевской философии права. – М., 1999. – 17 с.
 112. Идея свободы в русской философии права. Сб. статей. – СПб, 1997. – 156 с.
 113. Ильин И.А. О грядущей России: избранные статьи / Под ред. Н.Н. Полторацкого. – М., 1993.
 114. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Рарот, 1993.
 115. Ильин И.А. Проблемы современного правосознания. – Берлин, 1923.
 116. Ильин И.А. Религиозный смысл философии. – М.: АСТ, 2003.– 694 с.
 117. Ильин И.А. Соч. в 10 томах. Т. 1. – М., 1993.
 118. Ильин И.А. Теория государства и права. – М., 2008.
 119. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 114 с.
 120. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
 121. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
 122. История политических и правовых учений. Древний мир. – М., 1985.
 123. История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. – М., 1986.
 124. История политических и правовых учений. XVII – XVIII вв. – М., 1989.
 125. История философии права: Монография / А.П. Альбов, Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
 126. Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 432 с.
 127. Кант И. Критика практического разума. Т.4, кн.1, ч.1, гл.2. – М., 1965.
 128. Кант И. Критика чистого разума. – М., 1994.
 129. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб, 1995.
 130. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т.4. Ч.1. – М.: Мысль, 1965.
 131. Капустин Б. Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.

132. Кармин А. С. Интуиция: философские концепции и научное исследование. – СПб.: Наука, 2011. – 901 с. (серия «Психология сознания»)
133. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ярославль, 1998.
134. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В 2-х т. – Ярославль: ЯрГУ, 2005-2006.
135. Кассирер Э. Познание и действительность. – СПб., 1912..
136. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004. – 260 с. (Серия «Монографии»; Вып. 3.).
137. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000.
138. Керимов Д.А. Основы философии права. – М., 1992.
139. Керимов Д.А. Свобода, право и законность. – М., 1960.
140. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
141. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.
142. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки о методологии социальных наук и общей теории права. – М., 1916.
143. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч; указ. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1998.
144. Кларк П. Преступность в США. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля / Под ред. Б.С. Никифорова; пер. с англ. А.С. Никифорова. – М., 2002..
145. Козлихин И.Ю. Идея правового государства. – Л., 1994. – 150 с.
146. Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История правовых и политических учений. – СПб, 2007.
147. Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «проблем идеализма» до «Вех» 1902-1909. – СПб.: Алетейя, 1996. – 380 с.
148. Комаров С.А. Личность в политической системе российского общества (политико-правовое исследование). – Саранск, 1995. – 206 с.
149. Комаров С.А. Личность. Права и свободы. Политическая система. – М., 2001. – 334 с.
150. Конституции стран – членов СНГ. Сборник документов. – Ереван, 1997.
151. Конституционно-правовые идеи в монархической России / Отв. ред. Ю.Л. Шульженко. – М., 2007. – 157 с.
152. Коркунов Н. М. История философии права. – СПб, 1915.
153. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1909.
154. Корнилов Г.А., Миронов В.С. Противодействие криминальным угрозам в сфере налогообложения – национальный интерес России: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.В. Мозякова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 224 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
155. Корольков А.А. Русская духовная философия. – СПб., 1998.
156. Котляревский С.А. Оздоровление // Из глубины. – М.: Новости, 1991.
157. Красовский С.П. Средний класс в постиндустриальном обществе // Проблемы современной российской и зарубежной экономики. – М., 2002.
158. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гишинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милуков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В.,

- Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
159. Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А., Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милоков С.Ф., Ростов К.Т., Соболев И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.
160. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
161. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милоков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
162. Кристи Н. Удобное количество преступлений / Пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 2006 – 182 с.
163. Кромби Д. Самые глупые законы мира. – М.: Городец, 2006.
164. Крот П. Наблюдение русских писателей над человеческой душой. – М., 1901.
165. Крыжановская О.А. Свобода. Воля. Власть. – Ростов-на-Дону, 1997. – 165 с.
166. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – М, 1986. – 448 с.
167. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
168. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права – М., 1993.
169. Кудрявцев В.Н., Керимов Д.А. Право и государство (опыт философско-правового анализа). – М., 1993.
170. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. – М.: МГУ, 1991.
171. Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989.
172. Кузьмин А.В. Нравственные аспекты моральной концепции справедливого общества и морально-политической философии Джона Ролза. – М., 1998.
173. Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб., 1818.
174. Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб., 1820.
175. Лазарев В.В. Пробелы в праве: Вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань: [б. и.], 1969. – 95 с.
176. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. – Казань: Казан. ун-т, 1982. – 144 с.
177. Лазарев В.В. Применение советского права / Науч. ред. Б.С. Волков. – Казань: Казанский ун-т, 1972. – 200 с.
178. Лазарев В.В. Теория государства и права: Учебное пособие. – М., 1992.
179. Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России: Кант – Гегель – Вл. Соловьев. – М.: ИФРАН, 1996. – 305 с.
180. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. – Казань: Казанский

- университет, 1975. – 206 с.
181. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права; Учебник для вузов. – М.: Спартак, 1998.
 182. Лаут Рейнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гульги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. – М.: Республика, 1996.
 183. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии. – М.: Зерцало, 2008.
 184. Ленин В.И. Государство и революция: Полн. собр. соч. Т.33.
 185. Лобеева В.М. Социальная философия Б.Н. Чичерина: системный анализ. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. – 304 с.
 186. Локк Дж. Два трактата о государственном правлении. Книга вторая // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т. 3. – М.: Мысль, 1988.
 187. Локк Дж. Избранные философские произведения. Т.2. – М., 1960.
 188. Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль. 1989.
 189. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Изд-во политической литературы, 1991.
 190. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М., 1986.
 191. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. – М.: Наука, 1973.
 192. Лукьянов Г.И. Риск в жизни человека и общества. – М.: СГА, 2004.
 193. Лунина Н.А., Свиридов С.А. Социальная справедливость и трудовое право. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1997. – 133 с.
 194. Макиавелли Н. Государь. – М., 1998.
 195. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
 196. Макхиджани А. От глобального капитализма к экономической справедливости. – Новосибирск, 2000.
 197. Малейн Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М., 1992.
 198. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. 3-е изд., дополн. и перераб. – М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
 199. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. – М., 2012.
 200. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. – М.: Мысль, 1977.
 201. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007.
 202. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. – М., 2008. – 521 с.
 203. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). Монография. – СПб: НОИР, 2011.
 204. Матузов Н.И. Право и мораль в их взаимодействии. – Саратов: СГУ, 1969.
 205. Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика. 1995.
 206. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников, В.А. Сапун, В.П. Федоров, Н.Г. Янгол. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1986.
 207. Мизес фон Л. – Теория и история. – М.: Юнити, 2001.
 208. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. – Томск, 1914.
 209. Монтескье Ш. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. – СПб., 1900.
 210. Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999.

211. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестаков. – М., 2006.
212. Немыгина М.В. Право России как интеграционное пространство. – Изд. 2-е, перераб. – Саратов: Научная книга, 2008.
213. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
214. Нерсесянц В.С., Калёнский В.Г., Гранишский П. С. История буржуазного конституционализма. – М.: Наука, 1989.
215. Нерсесянц В.С. Личность и государство в политико-правовой мысли (Из истории идей). – М., 1980.
216. Нерсесянц В.С. Политико-правовые ценности: история и современность. – М., 2000.
217. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М., 1996.
218. Нерсесянц В.С. Право и закон (Из истории правовых учений). – М.: Наука, 1983. – 365 с.
219. Нерсесянц В.С. Политико-правовые ценности: история и современность. – М., 2000.
220. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма-Инфра-М., 1998. – 835 с.
221. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
222. Новгородцев П.И. Введение в философию права. – М., 1996. – 268 с.
223. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2000. (Мир культуры, истории и философии).
224. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с. (Мир культуры, истории и философии).
225. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. – СПб.: Алетейя, 2000.
226. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. – М., 1901.
227. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Введение в философию права. – М., 1996.
228. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. – М., 1914.
229. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI-XIX вв. – М., 2011.
230. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1891.
231. Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. документов. – М., 1994.
232. Общая теория права: Курс лекций / Под ред. Бабаева В.К. – Н. Новгород, 1993.
233. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. Четыре издания. – М., 1994, 1996, 1999, 2005.
234. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. – Ростов-на-Дону, 2002.
235. Ойгензихт В.А. Мораль и право. – Душанбе, 1987.
236. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972.
237. Олейников В.С. Правосознание личности: социально-правовой аспект: Монография. – СПб., 2004.
238. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. – М.: Прогресс, 1987.

239. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Логос, 1998.
240. Пантин И.К. Россия и мир: историческое самоузнавание. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
241. Платон. Сочинения в 4-х т. Т. 3. – М., 1994.
242. Погосбекян Д.Р. Политические и правовые идеи в «Слове о Законе и Благодати» Иллариона (XI в.). – М., 2003
243. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (вопросы теории и практики). – Л.: ЛГУ, 1972.
244. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гишинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
245. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: Учебник. – СПб., 2005.
246. Посконина О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. – Ижевск, 1997.
247. Посконина О.В. Общественно-политическая теория Н. Лумана: методологический аспект. – Ижевск, 1997.
248. Потопейко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. – Киев, 1970.
249. Право как ценность: Материалы дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002.
250. Правовая система социализма: В 2-х кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. – М.: Юрид. лит, 1986. – 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. – М.: Юрид. лит, 1987. – 328 с.
251. Правовое и социальное государство: проблемы становления в России: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 21. Часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 304 с.
252. Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьева. – М., 2011.
253. Прокофьева С.М., Зайцев О.А. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с.
254. Пухта Г-Ф. Энциклопедия права (1872) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010.
255. Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. – Львов: Вища школа, 1985. – 166 с.
256. Радбрух Г. Введение в науку права. – М., 1915.
257. Радбрух Г. Философия права. – Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2004.
258. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Естественные права человека. – СПб, 2001.
259. Раянов Ф.М. Правовое государство – судьба России. – Уфа, 2007. – 208 с.
260. Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 175 с.
261. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998.
262. Риккерт Г. Новые идеи в философии. Сб. сем. – СПб., 1913.
263. Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. и науч. ред.: В.В. Целищев. –

- Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1995. – 535 с.
264. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Гнозис, 1997.
265. Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – 438 с.
266. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.
267. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Антология мировой философии в 4 тт. – М.: Мысль, 1970. – С. 567-574.
268. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., 1969.
269. Рябко И.Ф. Правосознание и правовое воспитание. – Ростов-на-Дону, 1969.
270. Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с итал. – СПб.: Академический проект, 2001.
271. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989. – 144 с.
272. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание. / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – Сер. Право и медицина.
273. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
274. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. Сер. Безопасность человека и общества. – 208 с.
275. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – Сер. Безопасность человека и общества.
276. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
277. Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 224 с.
278. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 288 с.
279. Селезнев Ю.И. Достоевский: ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 1985.
280. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.
281. Селифонов А.А. Общественный порядок: опыт исследования: Монография.

- СПб.: СПб ун-т МВД России, 2011.
282. Семёнов В.В. Утраченная интуиция. Диалектика. Интуиция. Эмпиризм. – Пушино, – 2005. – С. 52-56.
283. Сергейко П. И. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов. – Краснодар, 1974.
284. Синха Сурия Пракаш. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. – М., 1996.
285. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994.
286. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правореализации: Учебное пособие. – Саратов: Саратовская высшая школа МВД России, 1995.
287. Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrücken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.
288. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. – М.: Наука, 1988.
289. Соловьев В. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.– 656 с.
290. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. – М.: Республика, 1996. – 478 с.
291. Соловьев В.С. Право и нравственность. – Минск; М., 2001.
292. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. – СПб., 1899.
293. Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. VII. – СПб, 1901-1907.
294. Соловьев О.Г., Ярулин И.Ф. Институты государства и гражданского общества. – М., 1999.
295. Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. – М., 1992.
296. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.
297. Спекторский Е.В. Государство. – Пг., 1918.
298. Спекторский Е.В. Христианство и культура. – Прага, 1925.
299. Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 2. – М., 1957.
300. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. – М., 1995.
301. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия: «Право и медицина»).
302. Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права: Краткий курс. – М., 1996.
303. Сырых В.М. Материалистическая теория права. – М., РАП, 2011. – 1260 с.
304. Сэндел М.Дж. Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм: Сб. ст. / Пер. с англ. – М., 1998.
305. Теория государства и права / Под ред. Матузова Н.И., Малько А.В. – М., 2000.
306. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2008. – 624 с.
307. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х т. Том 1. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 216 с.
308. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. — СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
309. Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. – СПб., 1991.
310. Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М., 1997.

311. Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. X-XVIII века. М.: Зерцало, 2003. – 256 с.
312. Труайя А. Федор Достоевский. – М.: Эксмо, 2003.
313. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1-2. – М.: Медиум, 1995.
314. Трубецкой Е.Н. О кн. П.И. Новгородцева «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». – М., 1901.
315. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права / Сост.: Ревнова М.Б.; Отв. ред.: Сальников В.П.; Отв. ред., сост.: Масленников Д.В. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т, 1998. – 183 с.
316. Туманов В.А. Избранное. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010.
317. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963.
318. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Ю. Хабермаса. – М., 1999. – 243 с.
319. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – М.: Полит. лит., 1986.
320. Фокс В. Введение в криминологию / Пер. с англ. Л.А. Нежинской и М.А. Тумановой; вступ. ст.: Б.С. Никифоров, В.Н. Коган. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
321. Фролова Е.А. История юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (в 3-х томах). Том II. Раздел о П.И. Новгородцеве, Е.Н. Трубецком. История развития юридических наук и их преподавания в Московском университете (1755-2005). – М.: Городец, 2005.
322. Фролова Е.А. П.И. Новгородцев о праве и государстве. – М.: МАКС Пресс, 2001.
323. Фролова Н.А. Политические и правовые учения зарубежных стран: история и современность: Учебное пособие / Под ред. Н.М. Чистякова. – М.: Орбита-М, 2011. – 160 с.
324. Фурс В.Н. Контуры современной критической теории. – Минск, 2002. – 163 с.
325. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001.
326. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М., 1995.
327. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М., 2007.
328. Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государственности: вопросы теории и практики. – СПб., 1997.
329. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
330. Хабибулина Н.И. Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона. – СПб., 2001.
331. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной Конституции. – М.: Норма, 2007. – 320 с.
332. Хайек Ф. Дорога в рабство. – М., 1992.
333. Хайек Ф. Конкуренция, труд и правовой порядок свободных людей: Фрагменты сочинений. – СПб.: ПНЕВМА, 2009. – 200 с.
334. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999.
335. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М.: Гнозис; Логос, 1994. – 319 с.

336. Хёффе О. Справедливость. Философское введение. – М., 2007.
337. Чарльз М.Т. Профессиональная подготовка сотрудников полиции (милиции) США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 2000. – 224 с.
338. Черданцев А.Ф.. Логико-языковые феномены в юриспруденции. – М., 2012.
339. Чефранов В.А. Взаимодействие правового сознания с иными видами социального отражения. – Харьков, 1975.
340. Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. – Киев, 1976.
341. Чичерин Б.Н. Вопросы политики. 2-е изд. – М., 1905.
342. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. – М., 1878.
343. Чичерин Б.Н. Опыт по истории русского права. – М., 1858.
344. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. – СПб.: РХГА, 2005.
345. Чичерин Б.Н. Философия права. – М., 1900.
346. Шапошников Л.Е. Русская религиозная философия XIX-XX вв. – Н. Новгород: Волго-Вятское издательство, 1992. – 221 с.
347. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004. – 260 с.
348. Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.
349. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. Изд. 2-е, стереотипное / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 636 с.
350. Шохов И.П. Правда о справедливости. – М., 1995.
351. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. – М.: Наука, 2005.
352. Шумилов В.М. Правовая система США. – М., 2003.
353. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб., 2002. – 231 с.
354. Шур И.М. Наше преступное общество. – М.: Прогресс, 1977.
355. Щеглов В.Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. – Ярославль, 1888.
356. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. – М., 1997.
357. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
358. Эрн В.Ф. Гносеология В.С. Соловьева // Сборник Первый о Вл. Соловьеве. – М.; 1911.
359. Юм Д. Исследование о принципах морали. Соч.Т.2. – М.: Мысль, 1965.
360. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. – М., 1959.
361. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.
362. Явич Л.С. Социалистический правопорядок. – Л., 1972;
363. Явич Л.С. Сущность права. – Л.: ЛГУ, 1985.
364. Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства // Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Алетейя, 1999. – 255 с.

2. Научные статьи

365. Абрамов А.И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» // Кант и философия в России. – М., 1994.
366. Азаркин М.Н. Учение Монтескье о разделении властей // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1982. – № 1.
367. Александров А.И. Главное – право, все остальное – потом // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 2(39). – С. 3-6.
368. Александров А.И. Современное право: взгляд молодых юристов // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 3-7.
369. Алексеев Н.Н. Религия, нравственность и право // Человек. – 2006. – № 6.
370. Алексеева Т.А. Ролз и возрождение американской политической философии // Историко-философский ежегодник. – М., 1995.
371. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность, законность и традиции полиции как социальная ценность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 7-19.
372. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Роль традиций философии права в формировании правовой культуры личности // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 3-12.
373. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 8-25.
374. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 8-25.
375. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С. 8-25. – в кн. 438 с.
376. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Познание права: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 114-121.
377. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон в современном правоведении // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 127-133.
378. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 122-128.
379. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон в теории юридического позитивизма // Юридическая

- наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 148-152.
380. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Реуф В.М. Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 75-92.
381. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
382. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
383. Баранов В.М., Листков А.Н., Сальников В.П. Право. Справедливость. Законность: Рецензия на монографию Блумштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987) // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел: Сб. науч. труд. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. – С. 150-156.
384. Баранов В.М., Сальников В.П. Социалистическое право как ценность: Рецензия на монографию Рабиновича П.М. «Социалистическое право как ценность» (Львов: Вища школа, 1985. – 166 с.) // Вопросы идеологической, массово-политической работы в органах внутренних дел: Сб. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1985. – С. 154-157.
385. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
386. Бейнс К. Либерализм Роулса и коммунитаристская критика // Историко-философский ежегодник. 1994. – М., 1995. – С.89-108.
387. Бельсон Я.М., Сальников В.П., Тиунова Л.Б., Экимов А.И. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. М., Юридическая литература. 1986. 386 с; Кн. 2. Функционирование и развитие. М., Юридическая литература. 1987. 328 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 89-92.
388. Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная деятельность и правовое государство. – СПб., 1994. Вып.3. – С. 31-36.
389. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
390. Борисов В.А., Козина И.М. Социальная справедливость и права человека в массовом сознании: (Теория и метод исследования) // Российское сознание: психология, феноменология, культура. – Самара, 1995.
391. Боронбеков С. Принцип справедливости наказания и соразмерности обеспечения прав потерпевшего в мусульманском праве // Наказание: законность, справедливость, гуманизм. – Рязань, 1994. – С.116-118.
392. Брызгалин А.В. Справедливость как основной принцип налогообложения // Финансы. – 1997. – № 8. – С. 28-29.
393. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122.
394. Булатов Р.Б., Биктасов О.К., Ильичев В.В., Сальников С.П., Щербаковский Г.З.

- Состояние и проблемы правосознания современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 10-15.
395. Виндельбанд В. К 100-летию юбилею Канта / Пер. с нем. М. Григорьева // Образование. – СПб., 1904. – № 3.
396. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
397. Воронов И.Ю. Запрещение злоупотребления российским трудовым правом как один из основополагающих принципов права с позиций легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2012. – № 2. – С. 18-31.
398. Воронов И.Ю. Классификация основополагающих принципов трудового права с позиции легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2012. – № 5. – С. 71-86.
399. Галиев Ф.Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 4(18). – С. 8-9.
400. Галиев Ф.Х. Правовая культура и традиционная картина мира // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8(56). – С. 129-133.
401. Галиев Ф.Х. Социальные нормы гражданского общества и правовая культура // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 5(36). – С. 70-73.
402. Галиев Ф.Х. Социальные нормы и правовая культура в призм исторического развития // История государства и права. – 2010. – № 2. – С. 5-9.
403. Галиев Ф.Х. Сочетание традиционного и правового регуляторов в правовой культуре федеративного государства // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 3(17). – С. 17-21.
404. Гаухман Л., Максимов С., Жаворонков А. Справедливость наказания: принцип и реальность // Законность. – 1997. – № 7. – С. 2-6.
405. Гертых В. Свобода и моральный закон у Фомы Аквинского // Вопросы философии. – 1994. – № 1.
406. Графский В.Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М., 2006.
407. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119.
408. Графский В.Г. Право и социальные ценности в исторической ретроспективе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 1.
409. Гречко П.К. Эксплуатация: социально-антропологический анализ // Вестник Моск. ун-та. Серия 7: Философия. – 1992. – № 5.
410. Гузнов А.Г. И.А. Ильин о государстве и демократии // Государство и право. – 1991. – № 11. – С. 131-142.
411. Давыдов Ю.Н. Укрощение Левиафана, или социальные потенции обычного согласия (воля всех и ее судьба в концепции разделения властей Джона Локка) // Политические исследования. – 1994. – № 2.
412. Дворкин Р. Справедливость и право // Отечественные записки. – 2003. – № 2.
413. Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. – М., 1959. – С. 101-102.

414. Десницкий С.Б. Слово о способе к научению юриспруденции // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. I. – М.: Госполитиздат, 1952.
415. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оные приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. – М., 1959.
416. Еникеев З.Д. Воплощение справедливости в законах – правотворческая задача // Вестник Удмуртского ун-та. – 1997. – № 1. – С. 51–57.
417. Еременко А.С. Справедливость как функциональная категория правоприменения (конституционно-правовое и уголовно-правовое исследование) // Экономика и право. – М., 2001. – С.64-88.
418. Еромшин В.В. Философия истории и государство // Государство и право. – 2005. – № 10. – С. 21-27.
419. Ершов В.В. Тенденции развития права и неправа // Российское правосудие. – 2012. – № 7. – С. 5-15.
420. Ершов В.В. Юридическая природа принципов российского права с позиций легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2010. – № 1. – С. 12-22.
421. Жимиров В.Н., Сальников В.П., Вележев С.И. Интерпретация правовых текстов: структурно-функциональный анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 2(22). – С 6-10.
422. Жуков В.Н. Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1.
423. Затонский В.А., Малько А.В. Правовая система – ключевой компонент государственности, качественная основа правовой жизни общества // Российский юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 14-23.
424. Захарцев С.И. Интегральная юриспруденция: некоторые вопросы дискуссии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 158-162.
425. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53..
426. Зернова О.Г. Принцип социальной справедливости и уголовно-процессуальное принуждение // Вестн. Удмурт. ун-та. – Ижевск, 1997. № 1. – С.157-159.
427. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
428. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3-14.
429. Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 3-9.
430. Идеи права в постклассической философии (Шопенгауэр, Ницше, Диннел, Дильтей (А.Н. Сотникова), Кухта, Иеринг, Еллинек) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, А.И. Пешков, Л.А. Чеговадзе. Глава IV // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 260-402.
431. Иларин, митр. «Слово о Законе и Благодати» // Библиотека литературы

- Древней Руси. XI – XII вв. – СПб, 1997.
432. Интегральная (общая синтезированная) юриспруденция как теоретическое и практическое задание / Сост. В.Г. Графский // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М., 2006.
433. Интервью с А.Макинтайром // Вопросы философии. – 1996.- № 1.
434. Калинина Е.В. Категория справедливости и ее реализация в ветхозаветном и талмудическом представлении о правосудии // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2012. – № 2.
435. Кандаурова А.А. Идеино-теоретические истоки современных социал-реформистских представлений о социальной справедливости // Социально-экономические проблемы развития социалистического общества. – Казань: Каз. ГУ, 1987.
436. Капустин Б. Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. – 1994. – № 1.
437. Карпунин В.А., Сальников В.П. Право и мораль // Лики морали. Введение в этику. – СПб., 1996.
438. Карташов В.Н. Доклад на конференции // Российское правосудие. – 2008. – № 7.
439. Карташов В.Н. О многообразии подходов к праву и интегративному его определению // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – № 10. – С. 77-84.
440. Карташов В.Н. От интегральной к синтетической теории права, или все-таки наоборот? // Теоретические и практически проблемы правопонимания. Материалы 3 Международной научной конференции, 24 апреля 2008 г. в Российской академии правосудия, г. Москва / Под ред. В.Н. Сырых, М.А. Заниной. – М.: РАП, 2010. – С. 162-174.
441. Кашников Б.Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции // Этическая мысль. Вып. 2. – М., 2001. – С. 89-118.
442. Кашников Б.Н. Либеральный утилитаризм и его критика в политической философии Д. Ролза // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 84-95.
443. Кашников Б.Н. Теория справедливости Дж. Ролза как доктрина гражданского общества // Этика гражданского общества: Тезисы докладов Всероссийской научно-технической конференции. – Владимир, 1992.
444. Кениг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции (1863) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010.
445. Керимов Д.А. Психология и право // Сов. государство и право. – 1992. – № 12. – С. 10-20.
446. Керимова Т.В. Риск в жизни современного человека // История и личность. Труды СГУ. – 2001. – Вып. 30.
447. Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих филос.-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М.: НОРМА, 2009.
448. Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении: Сб. науч. ст. / Под ред. Н.И. Магузова и А.В. Малько. – Саратов, 2007.
449. Колотова Н.В. Мораль и право: анализ традиции и исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и

- обновление: Сб. науч. тр. / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИГП РАН, 1996.
450. Корнеев В.Н. Основопологающие принципы международного и внутригосударственного права // Российское правосудие. – 2010. – № 12.
451. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С. 5-7. – В кн. 438 с.
452. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 6-7.
453. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 634-637.
454. Крашенинников Е. Выстраивание понятия личности в концепции Фома Аквинского // Развитие личности. – 2003. – № 3. – С. 113-132.
455. Кротова Н.В. Нравственные основы теории государства и права // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 112-113.
456. Крылова Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 26-29.
457. Кудрявцев В.Н. Механизмы социальной деформации // Вопросы философии. – 1989. – № 11.
458. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 75-80.
459. Кузнецова А.П. Принцип правовой защищенности как важное условие развития гражданского общества // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 62-66.
460. Куницын А.С. Б.Н. Чичерин как поборник идеи естественного права // Государство и право. – 2010. – № 11. – С. 87-95.
461. Лазарев В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. – 2008. – № 5.
462. Лазарев В.В. Категорический императив И. Канта и этика В. Соловьева // Кант и философия в России. – М., 1994.
463. Лукашук И.И. Глобализация и право // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 112-115.
464. Лукьянова Е.Н. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. – 2004. – № 7. – С. 84-89.
465. Малейн Н.С. О справедливости, праве и ответственности // Теория права: новые идеи. Вып. 2. – М., 1992.
466. Мальцев В.В. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве // Российская юстиция. – 2002. – № 7.
467. Мамут Л.С. Ценностная природа права и ее проявления // Право как ценность: Материалы дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002. – С. 60-66.
468. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5-14.
469. Мартышин О.В. Справедливость и право // Право и политика. – 2000. – № 12.

470. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3-16.
471. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
472. Михалкина Е.В. Бедность как феномен постреформенного общественного развития: методика измерения и оценка // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Т. 3. – № 4. – С. 61-68.
473. Михалкина Е.В. Эффективность и справедливость: подходы к компромиссу // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2006. – № 4.
474. Морозов И.В. Справедливость и право – основа общественного согласия (люция гражданина и общества) // Актуальные вопросы судебно-правовой реформы. – Оренбург, 1996. – С. 93-97.
475. Морозова Л.А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. – 2006. – № 101-107.
476. Мотрошилова Н.В. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность. 2-е изд. – М.: Academia, 1995. – С. 123-147.
477. Мотрошилова Н.В. Ю. Хабермас // История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 4. – М., 1999.
478. Муздыбаев К. Идея справедливости // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 94-101.
479. Муромцев С.А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893.
480. Мусаев М.А. Понятие развития права и правовой гуманизм: вопросы теории // Юристь-правоведь. – 2010. – № 3. – С.91-94.
481. Немьтина М.В. Проблемы современного правовопонимания // Современные методы исследования в правоведении: Сб. науч. ст. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Саратов, 2007.
482. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
483. Нерсесянц В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 3-15.
484. Нерсесянц В.С. Правовое государство: история и современность // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 4-7.
485. Нерсесянц В.С. Ценность права как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. – М., 1996. – С. 4-11.
486. Нерсесянц В.С. Ценность права: право как единство равенства, свободы и справедливости // Право как ценность: Материалы дискуссии / Отв. ред. Л.О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002. – С. 55-59.
487. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. – 1904. – Кн. 75.
488. Новгородцев П.И. Демократия на распутье // П.И. Новгородцев. Сочинения. – М., 1990.
489. Новгородцев П.И. Идеалы партии Народной Свободы и социализм // Опыт русского либерализма: Антология. – М., 1997.

490. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права// Сочинения. – М., 1995.
491. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // П.И. Новгородцев. Сочинения. – М., 1995.
492. Новгородцев П.И. Об общественном идеале // П.И. Новгородцев. Сочинения. – М., 1991.
493. Новгородцев П.И. Общественный идеал в свете современных исканий // Вопросы философии и психологии. – 1910. – Кн. 103.
494. Новгородцев П.И. Ответ Л.И. Петражицкому // Вопросы философии и психологии. – 1902. – Кн. 66.
495. Новгородцев П.И. Перед лицом будущего // П.И. Новгородцев. Сочинения. – М., 1990.
496. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // П.И. Новгородцев. Сочинения. – М., 1995.
497. Новгородцев П.И. Русский последователь Германа Когена // Вопросы философии и психологии. Кн. 99. – 1909.
498. Новгородцев П.И. Справедливость без чудес // Новое время. – 1993. – № 11.
499. Новгородцев. Мораль и познание // Вопросы философии и психологии. – 1902. – Кн. 64.
500. Новиков А. Судьба социальной справедливости // Звезда. – 1986. – № 5.
501. Олейников В.С. Генезис правосознания личности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 2. – С. 10-15.
502. Орехов А.М. Идея справедливости как ценность информационного общества // Философия в системе духовной культуры на рубеже XXI века. – Курск, 1997. – С. 77-79.
503. Орлова О.В. Автономия личности и автономия гражданского общества // Государство и право. – 2006. – № 1. – С. 12-18.
504. Пакус О. Правопорядок как единство публичного и диспозитивного интересов // Философия права. – 2006. – № 3. – С. 86-88.
505. Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Политические исследования. – 2001. – № 2.
506. Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уэлзер? // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 77-88.
507. Поленина С.В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 66-77.
508. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания. “Круглый стол”: проблемы современного правопонимания. // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 2-16.
509. Поляков А.В. Интегральная теория права: миф или реальность? // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих филос-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М.: НОРМА, 2009.
510. Прибыткова Е.А. Религиозно-нравственное оправдание права: Два этапа в эволюции идеи Вл. Соловьева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 4. – С. 166-180.
511. Проблемы философии права в классической немецкой философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава III // История философии права:

- Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 158-259.
512. Прокофьев А.В. Человеческая природа и социальная справедливость в современном этическом аристотелианстве // Этическая мысль / Отв. ред. А. А. Гусейнов. Вып. 2. – М., 2001. – С. 41-65.
513. Пяткина С.А. Идеи естественного права в методологии русской философско-правовой мысли (конец XIX – начало XX века) // Труды ВЮЗИ. Т. 44. – М., 1975.
514. Пяткина С.А. Школа «возрожденного естественного права» в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1969. – № 6. – С. 101-108.
515. Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157.
516. Ревнова М.Б. Развитие представлений о свободе в русской философии права // Идея свободы в русской философии права. Сб. статей. – СПб, 1997. – С. 7-14.
517. Реуф В.М., Сальников С.П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 54-61.
518. Роговин В.З. Социальная справедливость // Под знаменем ленинизма. – 1986. – № 2.
519. Роговин В.З. Социальная справедливость и социалистическое распределение жизненных благ // Вопросы философии. – 1986. – № 9. – С. 53-64.
520. Роговин В.З., Наумов Н.Ф. Задача на справедливость // Социологические исследования. – 1987. – № 3.
521. Рогожевский Е.И. Формирование институтов гражданского общества современной России в условиях централизации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 41-43.
522. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
523. Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского // Библиотека «Любителям российской словесности». «Из литературного наследия». – М.: Современник, 1989.
524. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
525. Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД

- России, 1996.
526. Романовская В.Б., Жданов П.С. К проблеме ценностного содержания современного права // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 47-50.
527. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX – начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
528. Романовская В.Б., Крымов А.В. Всеединство, право и идеал свободной теократии В.С. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4.
529. Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
530. Романовская Л.Р. Воспитание добродетели как задача государства в античной философии // Вестник Тюменского государственного университета: Право – 2012. – № 3.
531. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
532. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
533. Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
534. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
535. Ромашов Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм молодежи // Правовые и экономические аспекты молодежной политики: Матер. Междун. науч.-прак. конф., г. Санкт-Петербург, 29 апреля 2009 г. / Под общ. ред. Т.И. Козловой; Институт правоведения и предпринимательства, Межрегиональная обществ. организация юристов и предпринимателей «ФОРУМ». – СПб.: ИПП, 2009. – С. 48-53.
536. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного понимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4-12.
537. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 7-10
538. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
539. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 13-34.
540. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетей, 1997. – 399 с.
541. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев,

- Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Яценко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633.
542. Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48.
543. Савельев В.А. Теория «возрожденного естественного права» в учении П.И. Новгородцева // Вопросы государства и права общественной мысли России XVI-XIX вв. – М., 1979.
544. Савиньи Ф. Римское право в Средние века (1838) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010.
545. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
546. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
547. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
548. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
549. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3.
550. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
551. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – № 1.
552. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2.
553. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
554. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
555. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
556. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические,

- экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
557. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
558. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
559. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
560. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
561. Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4. – С. 24-32.
562. Сальников М.В., Щепкин С.С. Эволюция института налогов в контексте развития общества // Юридический мир. – 2004. – № 10. – С. 76-84.
563. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
564. Сальников С.П. Российские правоведы об идеальном гражданском обществе дореволюционной России // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 28-33.
565. Сауляк О.П. К вопросу о ценности правопорядка // Право как ценность: многообразие исторических форм и перспективы развития. – Сочи, 2004. – С. 97-101.
566. Сваровская Е.Б., Целищев В.В. Структура «теории справедливости» Дж.Роулза и ее место в современной политической философии // Гуманит. науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – № 1. – С. 8-13.
567. Сквирский В.Я. Социальная справедливость и экономическая эффективность // Педагогика. – 1995. – № 3. – С. 33-36.
568. Слинин Я. А. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления» // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – М., 2000.
569. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // В.С. Соловьев. Сочинения в 2 т. Т.1. – М., Мысль, 1988. – С.691-709.
570. Спиридонова В.И. Концепция общего блага в современной западной науке // Духовное измерение современной политики / Отв. ред. В. Н. Шевченко. – М., 2003.
571. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н.,

- Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.
572. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.
573. Суханова Н.А. Свобода и право в русской религиозной философии // Государственная служба. – 2007. – № 2. – С. 155-160.
574. Тиунова Л.Б. О понятии правовой системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1985. – № 1. – С. 23-30.
575. Троцкий Л. Их мораль и наша // Вопросы философии. – 1990. – № 5.
576. Трубецкой Е.Н. Исследование о философии права Канта и Гегеля // Вопросы философии и психологии. Кн. 1(61). – Янв.-февр. 1902. – С. 581-605.
577. Федотов Г.П. Россия и свобода // Знамя. – 1989. – № 12.
578. Флоровский Г.В. Памяти П.И. Новгородцева // Россия и Славянство. 1929. – № 22. – 27 апреля.
579. Фоломеев С.Н. Насилие как способ достижения справедливого общественного устройства: Российские политические иллюзии 2 половины XIX – начала XX века // Философия культуры. – Самара, 1997. – С. 129-133.
580. Франк С.Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию // Русское зарубежье. – Л., 1991.
581. Фролова Е.А. Естественнo-правовая концепция П.И. Новгородцева // Проблемы теории права и государства, истории и политико-правовой мысли: Сборник работ учеников, друзей, коллег профессора О.Э. Лейста. – Алматы, 2005.
582. Фролова Е.А. Идеал социально-правового государства в отечественном неокантианстве (конец XIX – начало XX века) // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. – 2012. – № 1. – С. 19-28.
583. Фролова Е.А. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева // Государство и право. – 2012. – № 5. – С. 68-78.
584. Фролова Е.А. Методологические основы учения о праве и государстве П.И. Новгородцева // Проблемы теории права и государства, истории и политико-правовой мысли: Сборник работ учеников, друзей, коллег профессора О.Э. Лейста. – Алматы, 2005.
585. Фролова Е.А. Методологические проблемы познания. Разграничение социально-научного и естественно-научного познания неокантианской философии. Задачи социально-научного познания в конце XIX – начале XX века // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 9(93).
586. Фролова Е.А. Методологические проблемы поиска социального идеала в неокантианской философии права в России конца XIX – начала XX века // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 3(87).
587. Фролова Е.А. Неокантианская методология в правовых теориях П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского // Государство, право, безопасность: Сб. науч. статей. № 11. – М.: Академия ФСБ РФ, 2000.
588. Фролова Е.А. Новгородцев П.И. // Всемирный биографический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
589. Фролова Е.А. Новгородцев Павел Иванович // Биографический Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
590. Фролова Е.А. Соотношение права и морали в учении П.И. Новгородцева // Проблемы философии права / Отв. ред. А.Н. Литвинов. – Украина, Луганск,

- 2006.
591. Фролова Е.А. Ученые юридического факультета МГУ. Павел Иванович Новгородцев. // Вестник Моск. ун-та. Серия: Право. – 1996. – № 6.
592. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002.
593. Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология: реферат, сб. Вып. 1. – М., 1991.
594. Хабермас Ю. Три нормативные модели демократии // Ю. Хабермас. Вовлечение другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001.
595. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
596. Хайруллин В.И. Что такое «коммунитарная справедливость» // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 93-97.
597. Чукин С.Г. Постмодернистский подход к проблеме справедливости // Современная зарубежная философия: проблемы трансформации на рубеже XX-XXI веков. – СПб., 1996. – С.21-22.
598. Шафиров В.М. Проблема пробелов в праве и современное интегративное правопонимание // Российское правосудие. – 2012. – № 10. – С. 5-13.
599. Шевцова Л. Логика отката // Независимая газета. – 2005. – 21 января.
600. Шульц В.Л. Анализ концепции социальных изменений Н. Лумана и Ю. Хабермаса // Западные концепции социальных изменений. – Л., 1987.
601. Шульц В.Л. Культурологические тенденции в концепции общественного развития Ю. Хабермаса // Современные политологические и культурологические концепции общественного развития. – Л., 1986.
602. Шульц В.Л. Метод познания социальных явлений Ю. Хабермаса // Современная западная социология. Межвузовский сборник. – Л.: ЛГУ, 1979.
603. Щеникова Л.В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России (несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. – 1997. – № 6. – С. 119-121.
604. Юм Д. Исследование о принципах морали // Д. Юм. Соч., т.2. – М.: Мысль, 1965.
605. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения в 2 тт. Т. 1. Ч.2 «О справедливости и несправедливости». – М.: Мысль, 1965. – С. 602-735.

3. Диссертации, авторефераты

606. Абубагирова М.И. «Система нравственного идеализма» П.И. Новгородцева: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1999. – 24 с.
607. Акимов Б.А. Феномен власти в постмодернистских концепциях: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004.
608. Алексеева Т.А. Справедливость как проблема политической философии (на материалах американской политической мысли): Автореф. дис. ... докт филос. наук. – М., 1992.
609. Алпатов А.А. Право человека на вознаграждение за труд в контексте соотношения экономики, права и справедливости (теоретико-правовые вопросы): Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. – Волгоград, 2005.

610. Алуксеш Т.А. Справедливость как проблема политической философии: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М., 1992.
611. Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в уголовном праве Российской Федерации (теоретико-правовые аспекты): Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2009.
612. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: историко-правовой анализ: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
613. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
614. Беланова Г.О. Понятие юридической справедливости как основания правоприменительного акта: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003.
615. Бернацкий Г.Г. Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2001. – 504 с.
616. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Белгород, 2002.
617. Веденина Н.А. Современный политический либерализм и проблема социальной справедливости: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.
618. Величко А. М. Учение Б. Н. Чичерина о праве и государстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1995.
619. Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001.
620. Власова М.В. Право собственности и социальная справедливость: теоретико-историческое исследование: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2003.
621. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
622. Гапоненко Л. Б. Современные проблемы взаимодействия социального государства и гражданского общества. Автореф. дис... канд. полит. наук. – М., 2004.
623. Гермашев А.Н. Юридическая герменевтика как теория о способах изложения воли в юридическом тексте и способов ее толкования: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
624. Гусев К.А. Политико-правовые концепции русского либерализма (конец XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2002.
625. Гусейнов Ю.Г. Социальная справедливость и пути ее реализации: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Баку, 1991.
626. Дабосин П.С. «Критическая» теория общества и государства Ю. Хабермаса: методологический аспект: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – СПб, 2001.
627. Дашин А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006. – 431 с.
628. Девятов В.Я. Современная политическая и правовая культура России: проблемы взаимосвязи: Автореф. дис. ... канд. культуролог. наук. – Нижневартовск, 2009.
629. Демин С.Н. Социальная справедливость (философско-методологический анализ): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 1991.
630. Древесников А.В. Справедливость как принцип права (историко-теоретический аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – Кострома, 2005.
631. Евстратов А.Э. Генезис идеи социального государства: историко-теоретические

- проблемы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2005.
632. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра: Автореф. дис... канд. филос. наук. – М., 1994.
633. Исмагилов Р.Ф. Экономическая безопасность России (теоретико-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
634. Ищенко Е.Н. Развитие евразийских традиций в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004.
635. Канюков С.К. Генезис права собственности в контексте эволюции российской правовой традиции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
636. Козлова О.А. Справедливость как принцип юридической ответственности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2005.
637. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
638. Куркин Б.А. Проблемы демократического социально-правового государства в современной государственно-правовой теории: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2002.
639. Мкртычев С.Б. Философско-правовой анализ гуманизма в современном российской правопонимании: Автореф. дис... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 26 с.
640. Наумова Е.Н. Социальное государство в России: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
641. Николаенко И.Н. Социально-правовое государство и право человека на достойное существование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
642. Овчинников А.И. Правовое мышление: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Краснодар, 2004.
643. Овчинников А.И. Правовое мышление: аксиологический и герменевтический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2000.
644. Омаров М.М. Убийство по мотивам кровной мести (уголовно-правовой и криминологический анализ по материалам Республики Дагестан): Дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006.
645. Писаревский А.Е. Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2004.
646. Прибыткова Е.А. Философия права Владимира Сергеевича Соловьева: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
647. Рагузина О.В. Гуманизм и справедливость юридической ответственности в публичном и частном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.
648. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1998.
649. Рудяк В.В. Уголовная ответственность за убийство, совершенное по мотиву кровной мести: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
650. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 36 с.
651. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 210 с.
652. Савинов А.Н. Своеобразие русской философии права конца XIX – начала XX

- в. (Естественно-правовая традиция): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2000.
653. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1990.
654. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
655. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
656. Сваровская Е.Б. Структура и эволюция «Теории справедливости» Джона Ролза: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Новосибирск, 1999.
657. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
658. Соловьева А.А. Категория справедливости в правовом регулировании: историко-теоретическое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006.
659. Увачев В.А. Социально-правовое государство и гражданское общество постиндустриальной эпохи: правовые основы функционирования и взаимодействия (на примере Западной Европы и США): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
660. Чефранов В.А. Философские проблемы правового сознания: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. – Харьков, 1983.

4. Литература на иностранных языках

661. Akkerman B. Social Justice in the Liberal State. – Yale: Yale Univ. Press, 1980.
662. Arrow K.J. Social Choice and Individual Values. – New Havei: Yale Univ. Press, 1963.
663. Barry B. Political Argument. – London: Routledge and Kegan Paul, 1965.
664. Barry B. The Liberal Theory of Justice: A critical examination on the principal doctrines in a Theory of Justice by John Rawls. – Oxford: Clarendon press, 1975.
665. Beadau H.A. On Civil Disobedience // J. of Philosophy. – 1961. – Vol. 58. – P.653-661.
666. Bolz M. Das Verhältnis von von Schutzobjekt und Schranken von Grundrechte. Zürich, 1991. S. 8.
667. Brown A. Modern political philosophy. – Harmondsworth, 1988.
668. Brown C. International Social Justice // Social Justice: From Hume to Walzer. Ed. by D. Boucher and P. Kelly. – L.-N.Y.: Routledge, 1998.
669. Buchanan J. The Relevance of Pareto Optimality // J. of Conflict Resolution. – 1962. – Vol.6.
670. Buchanan J., Tullock G. The Calculus of Consent. – University of Michigan Press, 1962.
671. Charies F. Moral Causation // Harvard Law, Review. – 1964. – Vol. 77.
672. Chavas J.-P. Equity considerations in economic and policy analysis // Amer. J. of Agr. economics. – Lexington, 1994. – Vol. 76, № 5.
673. Cohen M. Civil Disobedience in a Constitutional Democracy // The Massachuset Review. – 1969. – Vol. 10.
674. Coleman J.S. Equality of Opportunity and Equality of Results // Harvard Educational

- Review. – 1973. – Vol. 43.
675. Cowell F.A., Jenkins S.P. How much inequality can we explain? A methodology and an application to the United States // *Econ. J. Cambridge*. – 1995. – Vol.105, № 429. – P.421-430.
676. Dahl R.A. A Preface to Democratic Theory. – Chicago, 1956.
677. Duclos J.-Y. On equity aspects of imperfect income redistribution // *Rev. of income a. wealth*. – New Haven, 1995. – Ser.41, № 2. – P. 177-190.
678. Dworkin R. “Liberalism”, Public and Private Morality ed by Stuart Hampshire. – Cambridge University Press, 1977.
679. Dworkin R. Foundations of Liberal Equality // *The Tanner Lectures on Human Values*. Vol. 11. –Salt Lake City: University of Utah Press, 1990.
680. Dworkin R. Law’s Empire. Cambridge, 1986.
681. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. – Cambridge: Harvard University Press, 2000.
682. Dworkin R. Taking rights seriously. – L., 1977.
683. Dworkin R. The original position // *Reading Rawls Critical Studies of «A Theory of Justice»* /Ed. by Norman Daniels. – Oxford: Basic Blackwell. 1985.
684. Equity, efficiency and growth: the future of the welfare state // *Riv. di politica econ.: Suppl.* – Roma, 1994. – Vol.84, № 11. – P. 3-233.
685. Farmer A., Tiefenthaler J. Fairness concepts and the intrahousehold allocation of resources // *J. of development economics*. – Amsterdam etc., 1995. – Vol.47, № 2. – P. 179-189.
686. Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford, 1980.
687. Fleurbaey M. Equal opportunity or equal social outcome? // *Economics philosophy*. – Cambridge, 1995. – Vol.11, № 1. – P.24-55.
688. Franciosi R., Kujal P., Michelitsch R. et al. Fairness: effect on temporary and equilibrium prices in posted-offer markets // *Econ. J. Cambridge*. – 1995. – Vol.105, № 431. – P. 938-950.
689. Frey B.S., Bohnet I. Institutions affect fairness: experimental investigations // *J. of inst. theoretical economics*. – Tubingen, 1995. – Vol.151, № 2. – P. 286-303.
690. Fuller L. The Morality of Law. New Haven, 1964.
691. Gauthier D. *Morals by Agreement*. – Oxford University Press, 1986.
692. Gruner H.P. Redistributive policy, inequality and growth // *J. of economics*. – Wien, 1995. – Vol.62, № 1. – P. 1-23.
693. Habermas J. *Der philosophische Diskurs der Moderne*. Frankfurt a. Main, 2002.
694. Habermas J. *Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates*. Frankfurt/Main, 1994.
695. Habermas J. *Geschichtsbewußtsein und posttraditionale Identität*. Frankfurt a. Main, 2008.
696. Habermas J. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt/Main, 1983.
697. Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt a. Main, 1992.
698. Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Frankfurt/Main, 1990.
699. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt/Main, 1981.
700. Habermas J. *Volkssouveränität als Verfahren* // Habermas, J.: *Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977-1990*, Leipzig: Reclam 1990.
701. Habermas J. *Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz* // Habermas J., Luhmann N. *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtech-*

- nologie? Frankfurt a. Main, 1984.
702. Habermas J. Wahrheitstheorie // Wirklichkeit und Reflexion. – Pfullingen, Neske, 1973.
703. Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt a. Main, 1982.
704. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt a. Main, 2007.
705. Halden J. The Individual, the State, and the Common Good // Social Philosophy and Policy. 1996. – Vol. 13.
706. Harsanyi J. Essays on Ethics: Social Behaviour and Scientific Explanation. – Dordrecht: Reidel, 1978.
707. Hart H.L.A. The Concept of Law. – Oxford, 1961.
708. Herrenstein R. The Equality of Opportunities – An Utopia? – Harvard, 1973.
709. Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts. Heidelberg, 1990. S. 113.
710. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie: Fünf Aufsätze. Frankfurt/M.: Fischer Taschenbuch, 1992.
711. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Wien: Österreichische Staatsdruckerei, 1993.
712. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts, Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr, 1920.
713. Kelsen H. Die philosophischen Grundlagen der Naturrechtslehre und des Rechtspositivismus, Berlin: Pan-Verlag Rolf Heise, 1928.
714. Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre. Tübingen: Scientia, 1911
715. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Mit einem Anhang: Das Problem der Gerechtigkeit. 2 vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Wien: Franz Deuticke, 1960
716. Kohlberg L. Education for a just Society // Moral Development Moral Education and Kohlberg /Ed. by Munsey B. – Birmingham, 1980. – 464 p.
717. Koopmans T.C. Three Essays on the State of Economic Science. – NY: Macgrane Hill, 1957.
718. Kukathas Ch., Pettit P. Rawls: A theory of justice and its critics. – Stanford: Stanford univ., 1990.
719. Lawson R. The challenge of “new poverty”: lessons from Europe and North America // Intern. Politik. – Bonn, 1994. – № 2. – P. 162-174.
720. Lewis C.J. The Analysis of Knowledge and Valuation. – La Sable, III, Open Court, 1946.
721. MacIntyre A. After virtue. London, 1982, p. 204—206.
722. Meade. Efficiency, Equality and the Ownership of Property, pp.56f.
723. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. – New York, 1959, ch.I.
724. Nagel Th. Rawls on justice // Reading Rawls: Critical studies of «A theory of justice» /Ed. N. Daniels. – Oxford, 1985.
725. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. – N.Y., 1974.
726. O’Neil O. Transnational Justice // Political Theory Today /Ed. by D.Held. – Stanford: Stanford University Press, 1991.
727. Okin S. Justice and Gender // Justice: Alternative Political Perspectives /Ed. by Sterba J.P. – Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1992.
728. Perelman Ch. The Idea of Justice and the Problem of Argument. – London, 1963.
729. Pilz B. Symbol, Sozietät, Subjekt. Oldenburg, 1992. S. 99 – 100.
730. Pitkin H.F. The Concept of Representation. – Berkly, 1967.
731. Rao A.P. An essay on John Rawls there of distributive justice and its relevant to the third world. – Calcutta, 1979.
732. Rasmussen D.B. A Critique of Rawls Theory of Justice // The Personalise. – 1974. – Vol. 55.

733. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1971. P. 5.
734. Rawls J. *Constructivism in Moral Theory* // *The Journal of Philosophy*. – 1980. V.88.
735. Rawls J. *Justice as Fairness: Political not Metaphysical* // *Philosophy and Public Affairs*. – 1985. – Vol. 14. – P. 223-251.
736. Rawls J. *Outline of a Decision Procedure for Ethics* // *Philosophical Review*. – 1951. – Vol. 60. – P. 177-197.
737. Rawls J. *Social Unity and Primary Goods* // *Utilitarianism and Beyond* / Ed. by A.Sen B. Williams. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
738. Rawls J. *The independence of Moral theory* // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical association*. – 1974-1975. – Vol. 47.
739. Richards D. *The Moral Criticism of Law*. Encino, 1977.
740. Rorty R. *Consequences of Pragmatism*. – Harvester Press, 1982.
741. Sandel M. *Liberalism and the Limits of Justice*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
742. Scitovsky T. *Welfare and Competition*. – London, 1952.
743. Sen A.K. *Well-being, capability and public policy* // *Giorn. degli economisti e annali di economia*. – Milano, 1994. – A.53, № 7-9. – P. 333-347.
744. Shaeffer D. *Justice or Tyranny? A Critique of J. Rawls "Theory of Justice"*. – New York – London, 1979.
745. Sidgwick H. *The Methods of Ethics*. – London, 1907.
746. *Summa Theologica*. New York, 1947. 1 – 2. Qu. 94, art. 4.
747. Tacconi L., Bennett J. *Economic implications of intergenerational equity for biodiversity conservation* // *Ecological economics*. – 1995. – Vol.12, № 3. – P. 209-223.
748. *The Methods of Ethics*, 7th edn. London: Macmillan, 1998.
749. *The transformation of Europe: Social conditions and consequences* /Ed. by Alestalo M. et al. – Warszawa: IFiS publishers, 1994. – 361 p.
750. Tucker R.C. *The Marxian Revolutionary Idea*. – New York, 1969, chs. I and II.
751. Walzer M. *Spheres of Justice*. – Oxford, Cambridge, 1995.
752. Warrender H. *The Political Philosophy of Hobbes*. – Oxford, 1957. – P. 12.
753. Williams B. 'What does Intuitionism imply?', in Williams, *Making Sense of Humanity and Other Philosophical Papers 1982-1993*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Научное издание

Рашид Фаатович Исмагилов,
доктор юридических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Масленников,
доктор философских наук, профессор
Виктор Петрович Сальников,
доктор юридических наук, профессор
Сергей Иванович Захарцев,
доктор юридических наук, профессор
Михаил Викторович Сальников,
доктор юридических наук, профессор
Лиана Камоевна Петросян,
Анна Викторовна Черняева

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРАДИЦИЯХ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Монография

Под общей редакцией

Виктора Петровича Сальникова,
доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля
науки Российской Федерации, Почетного работника высшего
профессионального образования Российской Федерации

Главный редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор, верстка Д.А. Ларин

Выход в свет 20.12.2012 г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 11,0. п.л. Тираж 1000 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета автора. Заказ № 87.

Фонд поддержки науки и образования в области
правоохранительной деятельности «Университет»
Санкт-Петербург, 198261, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
Тел. (812)755-56-58, 970-00-25 E-mail: fonduniver@bk.ru www.fonduniver.ru